

НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ
(ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН,
РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ)
НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ
ЛАБОРАТОРИЯ ПУБЛИЧНОЙ
СОЦИОЛОГИИ ИЛИ
КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА
ЛАБОРАТОРИЯ ПУБЛИЧНОЙ
СОЦИОЛОГИИ 18+

СМИРИТЬСЯ С НЕИЗБЕЖНОСТЬЮ

**Как россияне оправдывают
военное вторжение в Украину?**
осень-зима 2022

**Аналитический отчет по результатам
качественного социологического
исследования**

под редакцией Светланы Ерпылевой и Саши Каппинен

Максим Алюков

Аида Белокрысова

Аля Денисенко

Светлана Ерпылева

Олег Журавлев

Саша Каппинен

Ирина Козлова

Надежда Корытникова

Анатолий Кривницкий

Наталья Савельева

Владислав Сюткин

Юлия Стриженова

Ярослава Теренко

Серафима Юпинова

Игорь Червинский

под редакцией

С. Ерпылевой и С. Каппинен

верстка: Михаил Олейников

Оглавление

	Введение	стр. 6
	Методология	стр. 12
	СБОР ДАННЫХ	стр. 13
	ОПИСАНИЕ ДАННЫХ	стр. 18
	АНАЛИЗ ДАННЫХ	стр. 22
ЧАСТЬ 1.	Как меняется (и не меняется) восприятие войны в течение 2022 года?	
1.1.	ПРЕВРАЩЕНИЕ НЕДОВОЛЬНЫХ В ЛОЯЛЬНЫХ: «СТАБИЛИЗАЦИЯ» ВОСПРИЯТИЯ ВОЙНЫ В ПЕРВЫЕ ДНИ И НЕДЕЛИ	стр. 25
	1.1.1 Первая реакция не-противников войны на начало «спецоперации»: шок, потрясение и моральный вызов	стр. 26
	1.1.2 Пересборка разрушенной «картины мира» и забота о собственном моральном облике	стр. 38
1.2.	ДИНАМИКА ВОСПРИЯТИЯ ВОЙНЫ В ТЕЧЕНИЕ ГОДА	стр. 56
	1.2.1 Как (не)меняется взгляд на войну	стр. 57
	1.2.2 Новые оправдания войны: неизбежность, вынужденность и «реверсивные» обоснования	стр. 82
	1.2.3 «Частичная мобилизация» и ее эффект	стр. 91
	1.2.4 Новый патриотизм? Не против Украины, а за Россию	стр. 98

	1.2.5 Почему так происходит? Механизмы изменений в восприятии войны	стр. 107
ЧАСТЬ 2.	Война в жизни россиян осенью-зимой 2022 года	
2.1.	ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ВОЙНЫ: КАК ОНИ СУДЯТ О ВОЙНЕ, ОПРАВДЫВАЮТ И КРИТИКУЮТ ЕЕ?	стр. 117
	2.1.1 Типы восприятия войны	стр. 117
	2.1.2 «Драка была неизбежна»: уверенные сторонники	стр. 121
	2.1.3 «Это, конечно, грустно, но вот так»: сомневающиеся сторонники	стр. 127
	2.1.4 «Мы уже в конфликте»: «новые патриоты»	стр. 133
	2.1.5 «Я хочу, чтобы все вернулось на свои места»: в поисках нейтралитета	стр. 139
	2.1.6 Россия, которую мы найдем: война как шанс на обновление	стр. 144
2.2.	МОБИЛИЗАЦИЯ: КАК ОНИ ДЕЙСТВУЮТ И БЕЗДЕЙСТВУЮТ В ОТВЕТ НА НЕЕ?	стр. 152
	2.2.1 Восприятие мобилизации: непопулярное решение	стр. 152
	2.2.1 Что делать? Смириться с судьбой, надеяться на лучшее, избегать	стр. 163
	2.2.1 «Уехавшие» и «оставшиеся» глазами наших информантов	стр. 175
2.3.	ЭМОЦИИ: КАК ОНИ ПЕРЕЖИВАЮТ ВОЙНУ?	стр. 188
	2.3.1 Страх, тревога, грусть и боль: эмоции в связи с затянувшейся войной	стр. 188

	2.3.2 Было страшно, но не долго: эмоции в связи с мобилизацией	стр. 201
2.4.	ПОТРЕБЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ: ЧТО ОНИ (НЕ)СМОТРЯТ И (НЕ)ЧИТАЮТ И ЧЕМУ НЕ ДОВЕРЯЮТ?	стр. 209
	2.4.1 Медиа репертуары и их составляющие	стр. 209
	2.4.2 «Не доверяй и не проверяй»: достоверность информации и ее оценки	стр. 212
	2.4.3 Спустя полгода: отношение к информации и медиапотребление в динамике	стр. 221
2.5.	ЧЕМ ВСЕ ЗАКОНЧИТСЯ?	стр. 235
	2.5.1 Желаемые сценарии: мир на российских условиях	стр. 235
	2.5.2 Реалистичные сценарии: затягивание конфликта	стр. 245
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	стр. 253

Введение

Больше года назад президент России объявил о начале «специальной военной операции», и российские войска вторглись на территорию Украины. То, что задумывалось властями как быстрая операция, оказалось затяжной полномасштабной войной. За год войны произошло множество событий — они то держали россиян в напряжении, то заставляли отстраняться от происходящего, то давали надежду, то вергали в отчаяние. Когда мы брали наши первые интервью весной 2022 года, многим казалось, что война — ненадолго. С тех пор стало ясно, что война стала затяжной. Драматичные события вторгались снова и снова в повседневную жизнь россиян. Отступление российских войск с захваченных территорий, аннексия новых регионов, бомбежки Киева, взрыв Крымского моста, объявление «частичной мобилизации» — вот только некоторые из них. Меняют ли эти события взгляд рядовых россиян на войну, и если да, то как? Как жители Российской Федерации воспринимают «специальную военную операцию» более чем через полгода после ее начала? Этим вопросам посвящен текст, который вы читаете.

Несколько исследовательских команд мониторят изменение восприятия войны россиянами через опросы общественного мнения (например, [Russian field](#) или [проект Хроники](#)). Они делают очень важную работу. Однако опросы, как и любой исследовательский метод, обладают своими недостатками — кое-что они просто не могут показать. Например, опросы не всегда позволяют понять отношение людей к сензитивным, острым темам, ведь порой люди склонны [скрывать свои взгляды](#). Но важнее то, что восприятие такой политически нагруженной проблемы как «специальная военная операция», «война», «военный конфликт» множеством далеких от политики россиян просто не укладывается в стандартизированные наборы внятных позиций, которые могут быть схвачены опросами. Это восприятие может быть сложным и противоречивым — и в таком случае глубинные интервью, длительные беседы с людьми, позволяют лучше всего понять его особенности. Насколько нам известно, мы — единственная команда, которая проводит систематический мониторинг восприятия войны россиянами с помощью качественных (интервью), а не

количественных (опросы) методов.

В сентябре 2022 года мы выпустили наш первый аналитический отчет. Его можно прочитать [здесь](#). В нем мы рассказали о результатах качественного исследования с помощью метода интервью, которое мы проводили в течение нескольких месяцев с момента начала войны — в марте, апреле и мае 2022 года. Тогда мы брали интервью с людьми, занимающими самые разные позиции по отношению к военному конфликту: с теми, кто так или иначе поддержал военные действия (сторонники войны), с теми, кто осудил военную агрессию (противники войны), и с людьми, избегающими выражать однозначную оценку происходящему (сомневающиеся). Мы сравнивали эти три группы информантов между собой: как они воспринимают военный конфликт, какие эмоции испытывают в связи с ним, как они потребляют информацию, оценивают жертвы конфликта, общаются с близкими, размышляют о последствиях войны и так далее. Мы также публиковали результаты этого исследования в аналитических медиа, например, [здесь](#), [здесь](#), [здесь](#), [здесь](#), и научных журналах — например, [здесь](#) или [здесь](#).

Текст, который вы читаете сейчас — это второй аналитический отчет, который является продолжением этого исследования. Он основан на качественных социологических интервью с россиянами, собранных осенью и зимой 2022 года, спустя 7-9 месяцев после начала войны. Мы хотели узнать, как восприятие войны россиянами меняется со временем. На этот раз мы исключили из выборки последовательных противников войны и решили сосредоточить свои усилия на изучении особенностей восприятия войны теми жителями России, которые не занимают однозначно антивоенную позицию.

Мы собрали 88 таких интервью, каждое из которых длилось от 30 минут до двух часов (большинство интервью, при этом, длились около часа). Среди них есть повторные интервью: это значит, что мы еще раз поговорили с некоторыми из тех участников

первой волны нашего исследования, которых весной 2022 года мы классифицировали как сторонников или как сомневающихся. Когда мы анализируем повторные интервью, мы одновременно обращаемся и к первым, весенним интервью с этими же людьми — для того, чтобы увидеть, как изменилось восприятие происходящего одними и теми же информантами за более чем полгода войны. Мы также собирали и новые интервью — с людьми, с которыми мы не говорили раньше. Как и во время первой волны исследования, во время второй, осенней, волны мы искали информантов через объявления в социальных сетях и методом «снежного кома». Подробнее про методологию исследования и собранные данные можно прочитать в следующем разделе этого текста.

На этот раз мы отказались от деления наших информантов на сторонников войны и сомневающихся. Дело в том, что граница между этими двумя типами восприятия войны все больше размывается. Разумеется, все еще есть убежденные сторонники войны, которых никак не назовешь сомневающимися. Но среди наших информантов также много людей, которые поддерживают одни аспекты «спецоперации», сомневаются в необходимости других, и недовольны третьими. Поэтому ниже мы описываем наших информантов всех вместе — но мы стараемся одновременно показывать различия между типами восприятия войны.

В этом отчете, кроме введения, методологии и заключения, всего две части. Первая часть посвящена тому, как именно изменилось восприятие войны россиянами за более чем полгода с ее начала. В ней мы часто сравниваем между собой первые и повторные интервью с одними и теми же людьми, чтобы показать, как меняется (или не меняется) их взгляд на происходящее. Также мы обращаемся и к интервью с новыми информантами и демонстрируем новые тенденции в восприятии войны, которых почти не было весной 2022 года. Вторая часть посвящена восприятию войны осенью и зимой 2022 года. В ней, помимо, собственно, взгляда непротивников войны на военный конфликт, мы анализируем их реакцию на объявление «частичной мобилизации», их эмоции в

связи с затягиванием войны, то, как они потребляют информацию о конфликте и то, как они видят его окончание. В заключении мы формулируем основные выводы исследования. Некоторые предварительные результаты этого (второго) этапа исследования уже были опубликованы в медиа, например, [здесь](#), [здесь](#) и [здесь](#).

Это исследование организовано Лабораторией публичной социологии (PS Lab). Лаборатория публичной социологии — это неформальный исследовательский коллектив, изучающий политику и общество в России и на постсоветском пространстве в сравнительной перспективе. Лаборатория исследовала «Движение за честные выборы» 2011-2013 годов, а потом — пост-протестный локальный активизм в России, движения «Евромайдан» и «Антимайдан» в Украине, войну 2014 года на Донбассе, и теперь — восприятие военного конфликта между Россией и Украиной россиянами. Подробнее с деятельностью Лаборатории можно ознакомиться на [этом сайте](#).

При этом команда, занятая в этом исследовании, выходит за пределы Лаборатории публичной социологии. Интервью, которые используются в этом отчете, собирались (в алфавитном порядке) Аидой Белокрысовой, Кирой Евсеенко, Светланой Ерпылевой, Олегом Журавлевым, Сашей Каппинен, Ириной Козловой, Надеждой Кокоевой, Надеждой Корытниковой, Александром Макаровым, Вадимом Малейко, Натальей Савельевой, Владиславом Сияткиным, Юлией Стриженовой, Серафимой Юпиновой, и Игорем Червинским. Анализировали данные и писали отчет Максим Алюков, Аида Белокрысова, Аля Денисенко, Светлана Ерпылева, Олег Журавлев, Саша Каппинен, Ирина Козлова, Надежда Корытникова, Анатолий Кропивницкий, Наталья Савельева, Владислав Сияткин, Юлия Стриженова, Ярослава Теренко, Серафима Юпинова, и Игорь Червинский. Редакторками этого отчета выступили Светлана Ерпылева и Саша Каппинен.

У этого исследовательского проекта нет заказчиков или финансирования. Мы сумели проделать такую большую работу благодаря тому, что нас много и каждый из нас считает важным разбираться в том, как война влияет на наше общество. Мы все работаем в разных местах и над разными проектами — и мы занимались этим исследованием параллельно с нашей основной работой. Мы все (за исключением одной исследовательницы из Украины) — граждане России с разными политическими взглядами, но занимающие антивоенную позицию. Мы отдаем себе отчет в том, что наш взгляд на происходящее не совпадает со взглядом многих наших информантов. Мы с уважением относимся ко взглядам наших информантов, не оцениваем их, а описываем и анализируем их с исследовательской, социологической точки зрения. Поэтому в нашем отчете много цитат — прямой речи наших собеседников.

Мы благодарим Михаила Олейникова за оформление отчета. Мы благодарим наших друзей и коллег, которые помогли нам в поиске информантов. Мы благодарим всех наших информантов, которые согласились поговорить с нами, несмотря на сложность темы и военную цензуру в стране.

Методология

В этом разделе мы расскажем о том, как и какие данные мы собрали, как мы их анализировали и какие ограничения есть у наших данных и методов анализа.

Сбор данных

Мы остро почувствовали необходимость второго этапа исследования сразу после того, как в России была объявлена «частичная мобилизация». В этот момент далекая война вновь (или даже впервые) стала близкой для тысяч россиян, вторгнувшись в их повседневность. Друзья, знакомые и даже незнакомые люди на улицах в России стали снова говорить — а иногда шептаться — о войне. Нам всем казалось, что что-то меняется. Тем не менее мы знали, что даже самые сильные эмоции порой быстро затухают и могут не оставлять значительных следов на отношении людей к происходящему. Поэтому мы решили подождать несколько недель, прежде чем начинать новый, второй этап нашего исследования.

Мы собирали интервью для этого исследования с 11 октября до 29 декабря 2022 года. Два интервью были взяты позднее, в конце января и начале февраля 2023 года. Большинство интервью собраны во второй половине октября и ноябре 2022 года.

Мы искали наших собеседников несколькими способами:

- 1**° Мы обращались к тем сторонникам и сомневающимся, с кем мы уже говорили весной 2022 с просьбой о повторном интервью. Около половины из них согласились поговорить с нами еще раз.
- 2**° Мы распространяли объявление о поиске собеседников для исследования в наших социальных сетях — как сетях Лаборатории, так и личных сетях исследователей. В этих объявлениях мы обозначали, что ищем тех, кто не идентифицирует себя как однозначных противников войны, а также тех, кому кажется, что его/ее взгляд на происходящее сильно изменился за прошедшие полгода (в любую сторону).

3°

Мы использовали метод «снежного кома»: мы просили наших информантов рекомендовать нам своих знакомых, а также использовали собственные социальные связи для поиска потенциальных информантов. Мы связывались с дальними родственниками, бывшими одноклассниками, приятелями детства, и даже «бывшими» информантами по другим, уже завершенным исследовательским проектам. Поскольку в нашей команде (исследователей и интервьюеров) было более 20 человек, мы сумели дотянуться до самых разных, никак не связанных между собой, людей.

На этот раз, за редкими исключениями, мы брали интервью онлайн. Первая стадия нашего исследования показала, что большинство информантов предпочитают встречаться онлайн — так им легче найти время для этого разговора и они чувствуют себя защищеннее, анонимнее. Мы предлагали нашим информантам выбор мессенджера, в котором им было бы удобнее созвониться. Большинство интервью было проведено при созвоне через Telegram, часть — через Zoom, и часть — через WhatsApp. Интервью длились от 30 минут до двух часов, но большинство разговоров занимало от часа до полутора часов. Разговоры, с разрешения информантов, записывались на диктофон и потом расшифровывались профессиональным расшифровщиком (всегда одним и тем же).

Все интервью были собраны на условиях анонимности. В некоторых случаях мы в принципе не знали настоящих имен наших информантов — у нас были только их контакты и «никнеймы». В тех случаях, когда имена были нам известны, мы просили информантов не произносить их во время разговора под запись. После того, как интервью расшифровывались, вся информация, которая позволяла бы идентифицировать личность информанта, удалялась из транскриптов. Записи и расшифровки хранятся на защищенном паролем облачном сервисе, доступ к которому есть только у исследователей. Когда мы цитируем фрагменты из интервью в отчете (и в других публикациях), мы подписываем их таким образом, чтобы было невозможно идентифицировать

личности информантов — мы указываем только пол, возраст, профессию и дату проведения интервью.

Интервью проводились или профессиональными исследователями, или волонтерами, имеющими (или получающими) образование в области социальных наук. Большинство интервьюеров-волонтеров уже имели опыт работы с нами — они помогали нам собирать интервью на первом этапе нашего исследования. Тем не менее, все волонтеры получали подробные инструкции по проведению интервью от координатора проекта.

На этой стадии исследования мы использовали два «гайда» (списка основных тем/вопросов) для интервью: один для повторных интервью с весенними информантами, и другой — для интервью с новыми информантами. Гайды различались между собой незначительно. Оба гайда включали вопросы о динамике восприятия войны с ее начала и ее восприятии на момент интервью; о мобилизации; об источниках и способах потребления информации о войне; об общении с близкими на тему «спецоперации»; об отношении к протестам — против войны и против мобилизации; о видении будущего российско-украинского конфликта. Гайд для интервью с новыми информантами дополнительно включал блок вопросов об отношении информантов к политике в целом и к российско-украинским отношениям до 24 февраля 2022 в частности (мы не задавали эти вопросы в повторных интервью потому, что уже обсуждали эту тему с информантами весной).

Половина тех сторонников войны и сомневающихся в своем отношении к ней, с кем мы говорили весной 2022 года, откликнулись на нашу просьбу поговорить с нами еще раз. С некоторыми из оставшихся мы просто не смогли связаться, поскольку их контакты потерялись (мы не сохраняли их специально, стремясь защитить анонимность наших информантов). Некоторые не ответили на наши сообщения. Некоторые же ответили отказом — в том числе потому, что они сочли наш первый аналитический отчет

«предвзятым». Впрочем, многие информанты-сторонники войны позитивно оценили наш первый отчет и с удовольствием согласились поговорить с нами еще раз. Например, один из информантов назвал текст первого отчета *«глотком свежего воздуха между пропагандой одной стороны и пропагандой другой стороны»* [м., 25 лет].

Нам было непросто находить новых собеседников для интервью. Осенью 2022 года мы столкнулись с теми же проблемами, что и весной того же года — многие люди не хотели обсуждать войну с исследователями по самым разным причинам. Кто-то имел вполне конкретные опасения за собственную безопасность — и даже не потому, что они не доверяли исследователям: *«Мне нечего сказать. Пожалуй нет. У меня семья все еще в России. Я не сомневаюсь в честности и в анонимизации со стороны твоих коллег, но я также не сомневаюсь в качественной работе чекистов»* [м., возраст неизвестен]. Знакомая одной из исследовательниц, предварительно согласившись на анонимное интервью, спустя неделю написала сообщение с отказом. Она объяснила, что ее муж категорически против любых интервью по телефону (или мессенджерам) — это не безопасно. По ее словам, после нескольких разговоров по телефону на определенные темы, во время всех ее звонков она стала слышать шумы на заднем фоне и ей *«все в один голос говорят, что это жопа»* [ж., 33 года]. Знакомая другой исследовательницы, напротив, перезвонила ей в ответ на сообщение, чтобы объяснить, почему она не готова разговаривать под запись. По ее словам, от всего остается цифровой след, и сейчас на такие темы говорить нельзя. Ей только что продлили контракт с университетом, и она боится, что на работе могут узнать о таком интервью и уволить [ж., 65 лет].

Кому-то казалось, что подобные разговоры могут быть потенциально опасными, но они не могли (или не хотели) сформулировать, в чем именно заключается эта опасность. Как ответила знакомая одной из исследовательниц на просьбу об интервью, *«Я хотела бы Вам помочь, но мы живем в определенном социуме, в котором не хотелось бы участвовать в соц.опросах. Это все, что я могу сказать»* [ж., 33 года]. Многие же люди просто не хотели говорить о сложной,

непонятной, противоречивой теме: *«Насчет СВО сложная тема. Много знакомых за, и не меньше против. Так что, боюсь, что не готов на эту тему говорить» [м., 40 лет]*, *«Да на самом деле не хочу на эту тему говорить. У меня нет ответов» [м., 35 лет]*. Конечно, нам встречались и совсем неожиданные реакции. Например, один из перепостов нашего публичного объявления об интервью получил следующий комментарий: *«Честно сказать, не в обиду, подобные предложения похожи на начало вербовки для создания той же самой спящей агентуры. Где интервью перельется в нечто иное» [м., около 20 лет]*.

Мы еще раз хотим выразить благодарность всем тем людям, которые согласились поговорить с нами в этих непростых условиях. Мы обещаем хранить вашу анонимность.

Описание данных

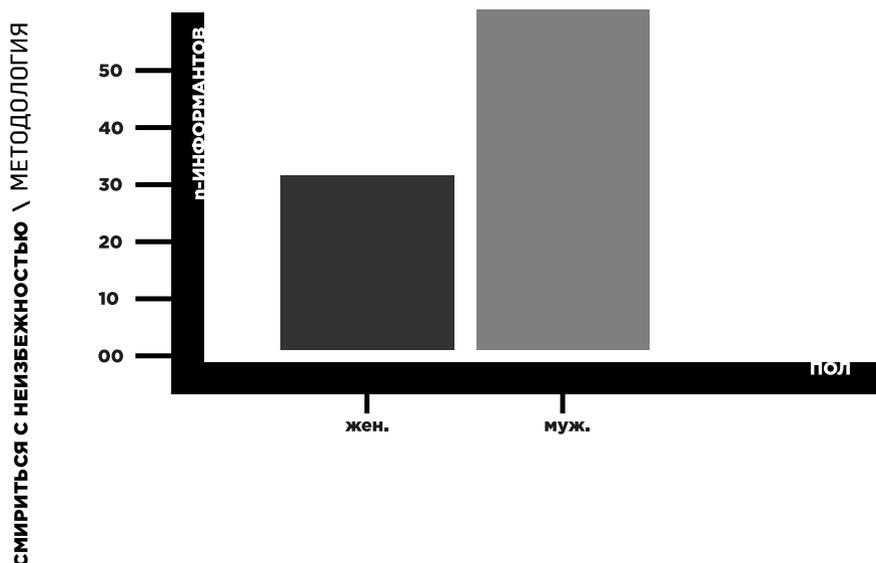
В рамках второго (осеннего) этапа нашего исследования мы собрали 88 интервью с не-противниками войны. 40 из них — это повторные интервью с информантами, с которыми мы уже говорили весной. Нам удалось поговорить с 18 из 29 проинтервьюированных весной сомневающийся и с 22 из 40 проинтервьюированных в тот же период сторонников. Мы также взяли 48 новых интервью.

Наша выборка не репрезентативна по отношению к населению России: как и весной, в ней снова сверхпредставлены люди с высшим образованием, жители Москвы и Санкт-Петербурга. Это означает, что на основании наших данных нельзя сказать, как относятся к войне «большинство» и «меньшинство» россиян, но можно описывать существующие в обществе типы отношения к войне. Для такого описания типов отношения, логики, стоящей за взглядом на войну россиян, не нужны сотни интервью. Социологи, работающие с качественными методами, часто руководствуются принципом «насыщения» при сборе данных: как только способы аргументации/рассуждений об изучаемом феномене начинают повторяться, новые интервью перестают приносить новую информацию, сбор данных заканчивается. На наших данных мы видим ряд повторяющихся типов рассуждения и объяснения событий. Эти часто повторяющиеся способы осмыслить и оценить событие войны и ход военных действий позволяют нам строить гипотезы о закономерностях в осмыслении войны разными группами людей — механизмах, которые ведут к тому или иному типу восприятия военных действий, жертв, информации — несмотря на нерепрезентативность выборки.

Ниже мы описываем нашу выборку по пяти характеристикам: пол, возраст, образование, доход информантов и география исследования. Соотношения, отраженные на графиках ниже, ни в коем случае не означают, что именно так распределяются пол, возраст, образование и доход не-противников войны по всей России. Напротив, мы показываем особенности нашей выборки и ее «перекосы».

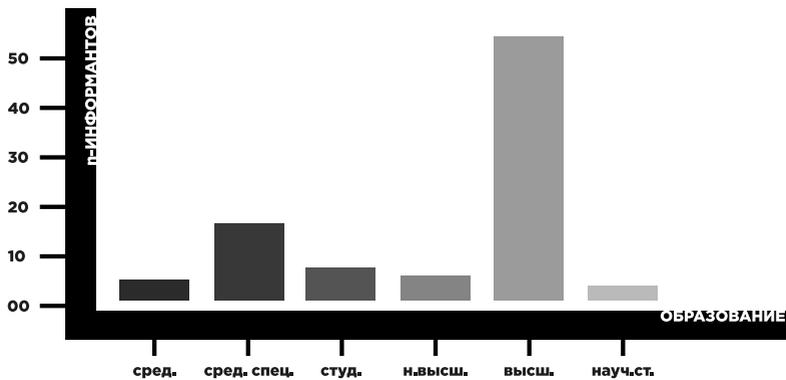
Пол информантов

В нашей выборке оказалось значительно больше мужчин, чем женщин. Это вызвано, прежде всего, тем, что мужчины охотнее готовы говорить о войне, чем женщины. Последние чаще считают себя некомпетентными в военно-политических вопросах и отказываются от интервью.

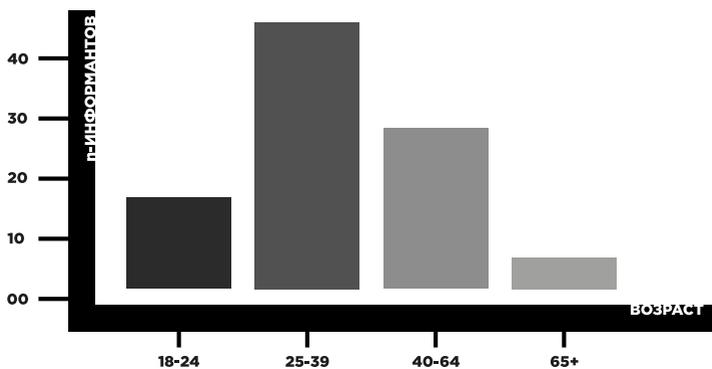
Образование информантов

В нашей выборке сверхпредставлены люди с высшим образованием. Впрочем, четверть наших информантов составляют взрослые россияне, не получившие высшее образование (то есть, имеющие среднее, среднее специальное или незаконченное высшее образование). Наконец, небольшая часть наших информантов — это студенты и люди с научными степенями.

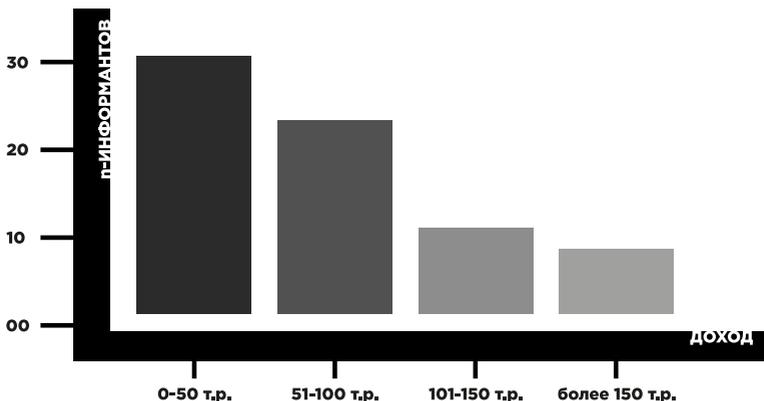
Возраст информантов

Почти половина наших информантов — это люди в возрасте от 25 до 39 лет. Немного меньше в нашей выборке людей до 25 и от 40 до 65. Мы опросили всего несколько людей старше 65 лет.

Доход информантов

Больше всего в нашей выборке средне или малообеспеченных людей. Чуть больше трети информантов получают до 50 000 рублей в месяц, и чуть менее трети — от 50 000 до 100 000. Оставшаяся треть информантов — это те, кто зарабатывают более 100 000

География исследования

На карте ниже можно увидеть географию нашего исследования. В целях анонимизации данных мы не указываем небольшие города, в которых мы проводили интервью — вместо них на карте обозначены столицы соответствующих субъектов федерации (так, Гатчина отвечает за Ленинградскую область, а Красногорск — за Московскую область). Наша выборка перекошена в пользу двух столиц и в пользу западной части России в целом.

Анализ данных

Как и в первом отчете, мы работали с новыми данными главным образом с помощью тематического кодирования: сначала каждое интервью разбивалось на набор тематических блоков, а потом блоки на одну и ту же тему собирались вместе и анализировались. Работая над первой частью отчета, посвященной изменениям в восприятии войны, мы часто сопоставляли соответствующие тематические блоки из повторных интервью и из первичных интервью с одними и теми же людьми.

Во второй части отчета мы обращаемся в основном к интервью, собранным осенью — как повторным, так и интервью с новыми информантами—и анализируем осенние представления о войне и практики, связанные с ней, уже не сравнивая их с весенними. Каждый из пяти разделов второй части отчета посвящен конкретной теме. Внутри темы мы описываем различия и типы: типы риторико-оправданий войны, разные способы эмоционального переживания войны, разные стратегии потребления информации о войне и так далее.

Можно ли доверять интервью, взятым в условиях военной цензуры? Мы уже отвечали на этот вопрос в нашем первом отчете, но коротко повторим этот ответ здесь. Да, по нескольким причинам. Во-первых, информанты соглашались на интервью добровольно и во время интервью мы создавали максимально комфортную для разговора атмосферу. Во-вторых, само интервью — это длинный разговор на разные темы, не только об отношении информанта к войне, но также о его/ее опыте, эмоциях, изменении повседневности, общении с близкими. Поэтому восприятие происходящего информантом/кой, порой сложное и противоречивое, становится понятным после часового разговора. Наконец, в-третьих, наличие повторяющихся объяснений/позиций/отношений в ряде интервью позволяет нам зафиксировать некоторые типы восприятия войны — и отдельные случаи умолчания или лжи не влияют на эти повторяющиеся типы.

Безусловно, у наших данных (и метода анализа) есть ограничения.

Как мы уже сказали, в отличие от репрезентативных опросов, качественные интервью не дают возможность предположить, какая часть населения России воспринимает события тем или иным образом. Для того, чтобы выдвигать подобные предположения, нужно сравнивать результаты анализа качественных интервью с результатами анализа репрезентативных опросов. Наша выборка перекошена в сторону людей с высшим образованием из столиц и крупных городов — вполне вероятно, что мы упускаем какие-то типы представлений о военном конфликте, свойственные выходцам из других социальных групп и из географически удаленных от центра регионов, в том числе регионов, населенных этническими меньшинствами. Мы знаем, например, что именно в таких регионах случились по-настоящему массовые протесты против «частичной мобилизации». Иными словами, мы показываем некоторые типичные способы восприятия войны осенью и зимой 2022 года и перемены в этом восприятии за прошедшие с начала войны семь месяцев, но мы не предлагаем исчерпывающего описания и количественной оценки этих процессов для всех россиян.

ЧАСТЬ 1.

**Как меняется
(и не меняется)
восприятие войны в
течение 2022 года?**

Превращение недовольных в лояльных: «стабилизация» восприятия войны в первые дни и недели

Как во время первой, так и во время второй волн исследования мы просили наших информантов вспомнить и описать моменты или периоды времени, в которые они переживали самые сильные эмоции в связи с войной, а также рассказать, как и почему менялось их отношение к происходящему. И весной, и осенью информанты делали особый акцент на том, как они переживали войну в первые ее дни. Анализ саморефлексии информантов показывает, что наиболее радикальные изменения в восприятии войны происходят у большинства ее не-противников в первые дни и недели военных действий (реже — в первые один-два месяца). После этого восприятие войны стабилизируется и дальнейшие его изменения обычно происходят в ограниченном диапазоне (см. подробнее в разделе 1.2). В данном разделе мы остановимся на этом «установочном» этапе формирования отношения к войне.

В прошлом отчете мы описали первые реакции на начало военных действий России в Украине, характерные для разных групп информантов — сторонников войны, ее противников и сомневающихся в своем отношении к ней. Даже среди убежденных сторонников войны только небольшая часть информантов говорили, что испытали в этот момент положительные эмоции. И только немногие рассказывали, что ждали начала «спецоперации». Для подавляющего большинства наших собеседников обеих волн исследования—как и, по-видимому, для **большинства** россиян в принципе—начало войны в Украине стало неожиданным, обескураживающим, из ряда вон выходящим событием, причины, цели и смысл которого, по крайней мере на первом этапе, были не ясны. Поэтому и формирование более или менее устойчивого отношения к войне во многих случаях потребовало времени.

Конечно, наиболее сильные негативные эмоциональные реакции

на начало войны наблюдались среди ее противников. При этом как среди ее сторонников, так и среди сомневающихся нам встретилось много людей, которые рассказывали, что в конце февраля 2022 года испытали шок и ужас. Не-противники войны, с которыми мы говорили во время второй волны исследования, осенью 2022 года, часто делились похожими эмоциями, описывая свою реакцию на начало «спецоперации». Итак, переживания тревоги, страха, волнения, дезориентации в начале событий проявлялись независимо от того, какую позицию в итоге занял человек по отношению к войне.

Само по себе это не удивительно: война как масштабное событие, имеющее далеко идущие и непредсказуемые последствия, связана со множеством рисков, поэтому беспокойство за собственное будущее даже среди людей, поддерживающих войну, вполне объяснимо. Однако состояние шока, ужаса, нередко сопровождавшееся неодобрением войны в первые ее дни и недели у людей, которые позже начинают оправдывать ее, требует объяснения. Почему эта первоначальная реакция не приводит информантов к осуждению войны и не трансформируется в антивоенную позицию? Отвечая на этот вопрос, ниже мы подробно описываем первую реакцию на известие о «спецоперации» всех тех информантов первой и второй волны исследования, которые сначала испытали шок и неприятие происходящего, но не стали впоследствии противниками войны (то есть не всех, а около половины нашей выборки).

1 Первая реакция не-противников войны на начало «спецоперации»: шок, потрясение и моральный вызов

Итак, многие из тех, кто на момент интервью весной и осенью 2022 года поддерживают, оправдывают войну или отказываются занимать однозначную позицию по отношению к ней, описывают свое состояние в первые дни и недели войны как шок и потрясение:

«На первом этапе это воспринималось как шок, я не мог поверить в то, что мы дожили до жизни такой»

**м., 40 лет, административный работник в университете,
ноябрь 2022**

«Конечно, для меня это было таким прямо шоком. Я прямо очень сильно удивился, что так все происходит — это была первая реакция, шок и удивление»

**м., 32 года, работник наукоемкого производства,
ноябрь 2022**

«Когда началась война 24-го числа мне позвонила мама рано утром. Мы живем в Белгороде, это, как вы знаете, на границе с Украиной. И позвонила мама, и сказала: “война началась”. И, естественно, от этого был такой ступор, непонимание, почему так произошло. И такое отчаяние сильное. И этот страх, он рос на протяжении двух-трех недель. Было просто невыносимо тяжело»

ж., 30 лет, редактор в IT сфере, октябрь 2022

Военные действия в Украине с самого начала позиционировались властями как «специальная военная операция», то есть как ограниченное по времени и масштабу событие, находящееся под полным контролем государства. Несмотря на это несколько информантов независимо друг от друга сравнивают решение о ее начале с поворотными и во многом фатальными событиями 1990-х годов: развалом СССР и началом войны в Чеченской Республике. Эти события и «спецоперация» на территории Украины кажутся им сравнимыми по масштабу:

«Ну, первые день-два я был шокирован немного. Не всем же сразу были понятны мотивы, мы не живем в плане государственных отношений, политических отношений, мы живем повседневной жизнью. Это как было решено распустить СССР без нас, как снег на голову. Помню, как написала “Комсомолка”: “Как СНГ на голову”. Вот тут примерно то же самое первое ощущение было»

м., 63 года, пенсионер, ноябрь 2022

«Я насторожился того, что Путин обращается к гражданам напрямую. Понимаете, да, меня? Видимо, сейчас такая ситуация в стране, что президент напрямую обращается к гражданам. Я испугался конечно! Как Ельцин в 90-х обращался к гражданам, началась война, так и у нас сейчас — то же самое я испытал. Меня это насторожило, конечно. И потом утром 24-го я просыпаюсь в полдень, в час дня и узнаю, что оказывается Россия начала войну на территории Украины. Нет, мне не было страшно, я не был рад этому, я просто был в шоке, вот так»

м., 21 год, студент, октябрь 2022

Даже те, кто так или иначе следили за развитием ситуации и слышали о возможности скорого нападения России на Украину, признаются, что накануне считали такое развитие ситуации абсолютно невероятным и даже абсурдным. 24 февраля 2022 года они тоже испытали шок и ужас:

«Да, я была в шоке, потому что я не ожидала такого исхода событий. Я вообще далека достаточно от политики и я в принципе не читаю такие новости, я стараюсь придерживаться нейтральной позиции. Но я слышала где-то про то, что вроде все ожидали, что это случится 16 февраля. И, соответственно, все считали это приколом, и никто не верил, что это так и будет, что это пропаганда американская и так далее. И я, и большинство моих знакомых это даже обсудили, все посмеялись. И когда это 24-го числа по факту произошло, то да, первая моя реакция — это шок. Я бы не сказала, что у меня было тогда какое-то понимание ситуации, то есть чем это все обернется. Но то, что по факту это началось — ну, я прочитала, подумала “надо же! Ужас какой-то”, как-то так, в шоке была»

ж., 40 лет, менеджер проектов, ноябрь 2022

«Мне позвонил друг с Киева, сказал, что началась война, что он проснулся от сирены. Естественно, я была в шоке, потому что до этого мы разговаривали на эту тему с ним, я говорила, что не может быть такого в принципе, что это все глупости, что это болтовня, я не верю в это. <...> Я смеялась. Я была уверена, что такого в принципе быть не может»

ж., 49 лет, работница сферы образования, март 2022

Вспоминая свое состояние на момент начала вторжения в Украину, информанты часто используют словосочетание «картина мира» или просто «мир», которые оказываются «перевернутыми». В этом мире война не должна была быть способом достижения политических целей:

«Когда признали Донбасс, то я подумал, что теперь точно будет все спокойно. Когда Зеленский пришел, то тоже так думал. Я вообще всегда думал, что это решится мирным способом. А 24 февраля я удивился, почему все пошло по такому сценарию. Это было таким днем, когда с утра вертолеты на Киев, чего вообще не было в моей картине мира. Весь март я был в шоковом состоянии»

**м., 32 года, работник наукоемкого производства,
ноябрь 2022**

«Первая реакция была — полное непонимание происходящего, глобальное. И осознание того, что мы, человечество, живем в XXI веке и до сих пор находимся на примитивном уровне, когда мы проблемные вопросы и конфликты решаем не дипломатическим путем, политическим, а с применением силы. То есть мир весь перевернут»

**м., 40 лет, административный работник в университете,
ноябрь 2022**

Таким образом, события 24 февраля разрушили базовые, фундаментальные представления информантов об окружающей их реальности — о том, что является нормальным, допустимым и в принципе возможным. Произошедшее не вписывалось в представления информантов о моральных нормах и входило в конфликт с изначально присущими им гуманистическими

ценностями. Так, один из информантов, двадцатисемилетний делопроизводитель (как и автор последнего процитированного высказывания) оказывается шокирован тем, что руководство его страны выбрало для решения конфликтной ситуации такой агрессивный, жестокий и нецивилизованный метод:

«В первые дни я просто с ужасом относился к тем новостям, которые шли на меня, к этой всей информации, которая была вокруг меня. Я думал, что это просто ужас что творится. Я не ожидал, что в XXI веке, в 2022 году буду наблюдать реальную войну, и чтобы моя страна выступила агрессором в этой ситуации. Я, конечно, такого не мог предположить, меня одолевал ужас»

м., 27 лет, делопроизводитель, март 2022

Другой наш собеседник, превратившийся после нескольких дней шока и замешательства в убежденного сторонника войны, признается, что не мог представить себе, что его страна может напасть с оружием на своих соседей, которых он, как и многие люди, выросшие в Советском Союзе, считал «братским народом»:

«У меня же тоже два дня шок был. Я же воспитан нормально, а тут мы напали на нашу братскую страну, столько лет в одной стране жили и вдруг мы напали. Получается, что когда в Афганистан вошли — это не совсем наше. <...> Когда туда заходят — это еще спокойно. Но когда зашли на территорию Украины...»

м., 63 года, пенсионер, ноябрь 2022

Еще одна информантка, на момент проведения интервью уже отказавшаяся выносить войне в Украине однозначный вердикт, в

первые дни недвусмысленно осуждает происходящее с моральной точки зрения («так быть не должно»):

«Моя первая реакция была: я надеялась, что это все быстро закончится, что это какой-то сюр, что так быть не должно, и все страны должны найти какой-то быстрый компромисс в этом всем. Короче, у меня был шок»

ж., 30 лет, маркетолог, март 2022

Как мы уже было отмечено выше, не только среди информантов с неопределенной, неуверенной позицией, но и даже среди вполне последовательных сторонников «спецоперации» есть люди, которые на самом первом этапе военных действий высказывают однозначное неприятие войны:

«[Я] прошла полностью всю эту палитру от ненависти к своей стране до ощущения, что я с ней. <...> То есть сначала было неприятие политики государства. Я желала Путину смерти. <...> Я считала, что мы совершаем страшную ошибку, и мы злые и мы абсолютное просто какое-то... Не знаю. Ну, вы понимаете, да, о чем я говорю? Мне кажется, это все испытывали люди. Ты погружен в чувство вины свое, сыпешь голову пеплом»

ж., 30 лет, редактор в IT сфере, октябрь 2022

«Я как-то ходил, загонялся и винил себя в произошедшем, что моя доля вины есть тоже. <...> Я думал, что мы такие из-за того, что мы сидели, ничего не делали. Мы позволили нашему правительству так поступить. Но это верхушка айсберга, а потом

там находятся какие-то более глубокие причины»

м., 32 года, арборист, декабрь 2022

Как видно по этим цитатам, негативная оценка решения о военной интервенции на территорию Украины иногда сопровождается чувством вины за действия российских властей. Еще одна сомневающаяся в своей оценке войны информантка (несмотря на утверждение, что она против войны) также рассуждает в интервью о чувстве вины:

«Я против войны, естественно, мне очень жалко людей, которые там страдают, потому что у многих из нас там есть родственники, друзья, знакомые. У каждого там кто-то есть. Мало людей, у которых на Украине нет никого. Естественно, я очень переживаю за этих людей, испытываю чувство стыда, хотя в чем лично моя вина — не понимаю. Наверное, в том, что эти люди перестали спать спокойно, жить спокойно. И тому виной—мое государство. Поэтому, наверное, вот так вот»

ж., 49 лет, работница сферы образования, март 2022

В других частях интервью многие информанты признаются, что на месте президента постарались бы решить проблему российско-украинских отношений дипломатическим путем, или, в крайнем случае, «бескровно», по Крымскому сценарию. Это еще раз свидетельствует в пользу того, что они не являются убежденными сторонниками агрессивных, военных мер:

«Слава богу, я не на таком высоком уровне нахожусь, чтобы принимать такие сложные решения. Но, безусловно, до 24 февраля я бы

со всеми правительствами, дипломатами приложил бы все усилия, чтобы решить конфликт дипломатическим путем, то есть предотвратить конфликт. Но, видите ли, с учетом того, что все другие стороны так сильно в этом не заинтересованы, а заинтересованы в том, чтобы конфликт продолжался... То есть все действия западных партнеров показывают, что все заинтересованы в развитии конфликта, в его продолжении. Я допускаю, что все возможные дипломатические пути были исчерпаны. Я бы пытался бороться до последнего»

**м., 40 лет, административный работник в университете,
ноябрь 2022**

Между первой, шоковой реакцией на начало полномасштабного вторжения в Украину и формированием позиции поддержки, оправдания или сознательной невовлеченности все информанты переживают период неопределенности, дезориентации. Для многих он сопровождается тревогой, эмоциональным напряжением, а в отдельных случаях даже временным разрывом социальных связей. Этот период, по свидетельству информантов, продолжается от нескольких дней до нескольких недель. Наши собеседники в интервью вспоминают, что на протяжении этого времени они не могли полноценно спать, есть, нормально общаться с близкими:

«Для меня это была истерика, я редела как все нормальные люди от осознания того, что вот оно вот так»

ж., 52 года, университетская преподавательница, март 2022

«Где-то недели две я пребывала в такой внутренней тревоге, ожидая каких-то плохих новостей. <...> Сейчас, конечно, я привыкла уже,

не так, как с начала. С начала у меня был действительно стресс — я не могла спать нормально, я не могла нормально есть, я пребывала в конкретном стрессе»

ж., 49 лет, работница сферы образования, март 2022

«Я очень хорошо помню, как все случилось, как все началось. Мне позвонила одноклассница из Крыма, моя старинная подруга. И сказала, что через них уже который час идут войска. И что ее сын на фронте под Белгородом. <...> Я был в шоке. Я, наверное, дня три не разговаривал. Мне позвонила дочь, я сказал, что я не могу разговаривать ни о чем. <...> Ну, эмоционально, да, эмоционально очень было тяжело говорить. У меня в доме: я один русский, у меня в доме все украинцы. Ну, кроме кошек. Я и кошки, а так—шесть человек украинцы.

Вопрос: Понятно. А как они сами на это реагировали?

Ответ: Также. Это был шок, конечно же, это был шок. Я не ждал, они не ждали. Никто не ждал такого решения»

м., 60 лет, предприниматель, октябрь 2022

Эти свидетельства позволяют заключить, что эмоциональный опыт, пережитый нашими информантами на этом раннем этапе, может быть описан понятием «онтологического отчуждения», используемого социальными [исследователями](#) для изучения опыта травмы. Для этого состояния характерны переживание эмоционального и мировоззренческого разрывов (в противоположность ощущению преемственности), «выпадение»

из мира повседневности, разрушение привычных рутин. Все эти элементы, как мы видим, в той или иной форме присутствуют в опыте наших информантов. Это, парадоксальным образом, сближает опыт не-противников войны с опытом ее противников.

Даже формулировки, в которых некоторые из процитированных выше информантов-не-противников войны описывают свою первую реакцию на нее, практически дублируют аналогичные высказывания противников войны. Приведем для сравнения несколько цитат из интервью с информантами весенней волны, последовательно выступавших против военных действий:

«Да, это просто безумие. Просто каких-то слов нет, это какой-то сюрреализм. Это хуже, чем фашистская Германия, потому что это — братские народы. Здесь люди, на самом деле, такие же близнецы-братья»

м., 38 лет, художник, февраль 2022

«Моя первая реакция — это злость, потому что я не понимала и не понимаю сейчас, как такое стало возможно, то есть как в XXI веке можно взять и напасть на соседнюю страну. У меня была какая-то злость, ненависть к власти и ко всему происходящему»

ж., 18 лет, студентка, март 2022

«Первое что было — это жуткое чувство стыда, ощущение причастности ко всему этому. Жуткое чувство стыда, мне очень стыдно. Первое время я плакала постоянно»

ж., 44 года, инженер, апрель 2022

Описанные в этих цитатах чувство стыда, ощущение абсурдности происходящего, ненависть к власти и восприятие военной агрессии как нецивилизованного, морально устаревшего метода решения геополитических разногласий—все это мы видели выше и в рассказах о своей первой реакции на известие о войне многих ее не-противников. Даже по длительности этот первичный период шока и дезориентации у людей, впоследствии осудивших войну, и у тех, кто ее поддержал или уклонился от ее оценки, оказывается похожим.

Принципиальная разница в поведении противников и не-противников войны, однако, заключается следующем: если первые пытались сопротивляться привыканию к происходящему, то вторые, наоборот, стали прилагать активные усилия для того, чтобы нормализовать эту новую ситуацию.

Итак, для многих не-противников войны известие о ее начале стало глубоким потрясением. Это решение, принятое без их участия, не вписывалось в их представления о границах вероятного и морально допустимого, и никак не соотносилось с их личными интересами, потребностями и желаниями. 24 февраля 2022 года все они проснулись в новой реальности, где событие, еще вчера казавшееся абсурдным и невероятным, было объявлено государством как единственно верное решение, не подлежащее обсуждению (и тем более—осуждению). Одновременно с этим государственная пропаганда начала усиленно защищать российскую военную агрессию, предлагая населению набор риторических клише для того, чтобы превратить эту из ряда вон выходящую ситуацию в новую норму.

В результате пережившие первичный шок и неприятие военной агрессии информанты, как и множество их соотечественников, вскоре стали воспринимать войну с Украиной если не как норму, то по крайней мере как оправданную, неизбежную меру. Каким образом это произошло? Как именно первоначально пережитые информантами шок и неприятие войны трансформировались в ее поддержку или воздержание от ее оценки?

Пересборка разрушенной «картины мира» и забота о собственном моральном облике

Постепенно информанты начинают работать над тем, чтобы вывести себя из состояния шока и дезориентации, чтобы «вернуться в мир», а для этого—воссоздать его. Но вместо того, чтобы осудить, а значит, отвергнуть войну с Украиной как нечто не вписывающееся в их представления о норме (как это делают противники войны), эти люди, наоборот, стремятся встроить это событие в свою обновленную картину мира.

Для этого они начинают искать рациональные основания произошедшего. Вот как описывает свой выход из шокового состояния информант, который, по собственному признанию, после начала войны три дня не мог разговаривать:

«Вопрос: А потом?»

Ответ: Потом начал разговаривать. Что потом поменялось? Ну, это было иррационально. Приходит рациональность, начинаешь рассуждать, естественно. Три дня не мог рассуждать, потом начал рассуждать»

м., 60 лет, предприниматель, октябрь 2022

В попытках найти разумное объяснение повергшему их в шок событию информанты заимствуют аргументы у российской государственной пропаганды (хотя их риторика не всегда совпадает с риторикой государственных СМИ):

«Потом-то я просто помнил, что у Путина было “если драка неизбежна, то бей первым”, это я еще раньше у Путина запомнил. Но надо было понять, что за драка, откуда ноги растут»

м., 63 года, пенсионер, ноябрь 2022

«Сначала я был резко против войны, я считал, что это абсолютно неправильно, что так нельзя. А потом, когда шок в эти первые два дня прошел, когда я начал смотреть, что как... Тем более, там и пророссийские каналы активно эту информацию освещали, и узнавая об этом из открытых источников, не только наших, то я понимаю, что в каком-то плане они правы»

ж., 49 лет, работница сферы образования, март 2022

При этом, как мы показали в предыдущем отчете, а также в [публикациях](#) на его основе, степень уверенности в правдивости этих аргументов сильно варьируется: информанты могут воспроизводить их уверенно и даже представлять результатами собственных умозаключений, а могут лишь выражать слабую надежду на то, что они соответствуют действительности (или выражать желание верить в них).

Важно при этом, что обращение к пропагандистским аргументам и их присвоение происходит вовсе не автоматически, а требует от наших информантов определенных усилий—когнитивных, риторических, а в некоторых случаях даже физических,—а иногда и изобретательности. Эти усилия позволяют преодолеть моральный конфликт, разрешить нравственные дилеммы, о которых мы писали выше.

24 февраля 2022 года государство поставило своих граждан перед фактом уже случившегося военного вторжения, причем вторжения в страну, близкую россиянам в культурном отношении. Страну, с которой огромное число жителей России были (на момент начала «спецоперации») связаны близкими родственными, дружественными и профессиональными отношениями.

С началом войны представления информантов о возможном и допустимом пошатнулись, но дело далеко не только в этом. Требование государства поддержать или, по крайней мере, воздержаться от публичного осуждения нападения на соседей становится для многих россиян угрозой собственной моральной целостности, представлению о себе как о хороших людях. Подгоняя свои представления о мире к новой ситуации, информанты одновременно стремятся сохранить позитивный образ себя.

Ниже мы опишем основные приемы, используемые информантами для того, чтобы встроить событие войны с Украиной в свой новый моральный порядок. Каждый конкретный информант задействует сразу несколько этих приемов.

«Война — это плохо, я не за войну, но...»: оправдание войны

Основной прием — это попытки оправдать войну. Оправдание — это позитивный вердикт, но он принципиально отличается от одобрения. Сама необходимость в оправдании какого-то действия или поступка показывает, что он содержит элемент чего-то осуждаемого и морально небезупречного. Поэтому оправдывать — значит указывать на существование определенных условий, уравнивающих видимую предосудительность поступка. Именно перечислением таких условий, оправдывающих агрессивные действия российского государства, была занята официальная российская пропаганда с самого первого дня войны.

Этим же, вслед за прогосударственными российскими СМИ, заняты и наши информанты.

Оправдательная логика содержится уже в самих аргументах, заимствованных информантами из официальных источников. С содержательной точки зрения эти аргументы были подробно разобраны нами в первом отчете. Здесь же важно отметить, что все они—политико-экономическая предопределенность конфликта, провокация Запада/НАТО, опережение нападения на Россию/Донбасс, необходимость защиты населения Донбасса/русскоязычных в Украине и даже ссылка на некие неизвестные обычным людям причины и обстоятельства—обладают общим смыслом. Эти оправдания указывают на то, что действия России были вынужденными и ответными. Иными словами, Российская Федерация во всех этих версиях не является инициатором военного конфликта, она лишь реагирует на внешние стимулы («не мы начали эту войну»). При этом, такая ее реакция—в виде полномасштабной военной интервенции на территорию другого государства—вовсе не является результатом выбора из равно доступных опций. Ровно наоборот, она является результатом отсутствия выбора, отсутствия альтернатив («нас вынудили», «нам не оставили выбора»). Таким образом, информанты снимают ответственность с России за начало войны. Это же позволяет им поддерживать «спецоперацию» (или, по крайней мере, воздерживаться от осуждения действий российских властей в Украине), одновременно продолжая настаивать на моральной неприемлемости войны, агрессии и убийств как таковых:

«Любой человек нормальный, мне кажется, против войны. Но, в то же время, я понимаю, что этот конфликт... не бывает безосновательным»

ж., 52 года, университетская преподавательница, март 2022

*«Я, как любой здравомыслящий человек,
против гибели людей, против насилия. <...>
Возможно, это была вынужденная мера. Но я
не политолог, поэтому я не знаю»*

ж., 30 лет, преподавательница колледжа, апрель 2022

Следующее высказывание принадлежит информанту, который в течение полутора часов перед этим объяснял интервьюеру, почему военное нападение на Украину было единственно верным решением, на которое «мы имели право»:

*«Во мне тоже, с точки зрения
общечеловеческого, сидит мысль, что любая
война плохая. Я же тоже против войны,
вы не думайте, что я за войну. Вы же не
почувствовали, что я за войну? Я хочу понять
[геополитический] процесс, который идет.
Если отрицать войну, то должны были ее
отрицать все [в том числе, Украина и НАТО]»*

м., 63 года, пенсионер, ноябрь 2022

Как мы видим, для информантов, поддерживающих войну, очень важно обозначить свою «нормальность», то есть показать собеседнику, что поддержка действий государства не превращает их в плохих, агрессивных, жаждущих крови людей. Поэтому описывая войну в целом как морально неприемлемый акт, информанты спешат подчеркнуть факт наличия причин или обстоятельств, оправдывающих военные действия России в Украине. Вот как рассуждает информант, в представлении которого война с Украиной—это проявление глобального мирового кризиса:

«Восприятие я рассказал, позиция моя человеческая не приемлет войну, убийства, но... Во-первых, я сказал, что это кризис. Ну, то, что называется сейчас кризисом. А вообще это эпизод фазовой катастрофы сродни катастрофе средних веков, сродни античной катастрофе, сродни катастрофе бронзового века»

м., 60 лет, предприниматель, октябрь 2022

Этот риторический ход используются и стремящимися к «нейтралитету» информантами, которые признают, что не знают причин и обстоятельств принятия решения о вторжении, но подразумевают (надеются/хотят верить), что таковые существуют (подробнее о стратегии «подразумеваемого оправдания» см. в разделе 2.1.5):

«Я соглашаюсь, что война—это плохо, это ужасно, это жопа. Но именно кто виноват, что к этому привело, кто больше виноват—я считаю, что это неуместно, пока нет какой-то достоверной информации»

ж., 49 лет, работница сферы образования, март 2022

Такой прием позволяет информантам оставаться «нормальными», «здоровомыслящими людьми, не приемлющими войну как таковую, но не вставать в позицию осуждения «спецоперации» в Украине, более того—выражать поддержку ей:

«Моя позиция, да, поменялась. Я не скажу, что я поддерживаю военные действия, но то, почему это сейчас происходит—я считаю, что были определенные причины для этого. И, наверное, да, наверное, нужно попробовать и постараться, и как-то решить это все мирно, переговорами или как-то еще. Но, как

я понимаю, либо выхода не было, либо есть какие-то другие моменты, о которых мы не знаем и никогда не узнаем, предпосылки к этому были. Поэтому это так и произошло. Я к этому сейчас отношусь спокойно—да, это есть»

ж., 40 лет, менеджер проектов, ноябрь 2022

Даже последовательные сторонники, уверенно поддерживающие войну с самого начала (см. описание типов наших информативно-противников войны в разделе 2.1), часто рассуждают о войне как о печальном, но неизбежном итоге глобальных исторических процессов:

«То, что происходит, оно и происходит рано или поздно, к сожалению. Это, в принципе, должно было случиться, исходя из тех событий, которые предшествовали, все это развитие за последние 20-30 лет после распада Советского Союза»

м., 46 лет, предприниматель, ноябрь 2022

Этот же информант на вопрос о том, когда, по его представлению, закончится война, делает уже знакомое нам замечание морального характера:

«Ой... Ну, очень хотелось бы, чтобы это закончилось побыстрее. Потому что ничего хорошего [в этом]. Радоваться от того, что идет война может только ненормальный человек»

м., 46 лет, предприниматель, ноябрь 2022

Таким образом, оправдывая «спецоперацию» как неизбежное и необходимое действие, информанты продолжают говорить о ней в негативном ключе. Для сравнения посмотрим, как выглядит редкое

для нашего материала одобрение, а не оправдание войны:

«Вопрос: Первый вопрос—расскажи, как изменились твои ощущения от спецоперации за это время? Были ли какие-то моменты, когда ты испытывал какие-то сильные эмоции или, может быть, ощущения твои менялись за время спецоперации? <...>

Ответ: Эмоции—конечно испытываешь гордость за свою страну, за действия Путина, будем говорить так, за вооружение Путина. А остального я не знаю, как оно. Я горжусь, во всяком случае.

Вопрос: Гордишься?

Ответ: Да, в данный момент—да. Я имею в виду с начала операции»

м., 68 лет, пенсионер, ноябрь 2022

Как видим, этот способ рассуждения о войне принципиально отличается от всех высказываний, процитированных выше. Здесь отсутствуют оговорки и сожаления, нет и намек на необходимость поиска оправдывающих войну обстоятельств. Информант говорит о войне в положительном ключе, не пытаясь защитить свой моральный облик. Показательно, что война в его высказывании—это не действие, которое случилось как бы само по себе (как о ней говорят все без исключения процитированные выше информанты), а результат решений конкретного человека, президента Путина.

Итак, большинство наших информантов находятся в активном поиске убедительных оправданий военных действий России в Украине. Приведенная ниже цитата удачно иллюстрирует этот поиск:

«Естественно, для меня это было шоком.

Где-то недели две я пребывала в такой внутренней тревоге, ожидая каких-то плохих новостей. Я без конца и без края читаю эти новости, до сих пор выискиваю что-то хорошее, оправдывающее действия нашего правительства. Сейчас, конечно, я привыкла уже, не так, как с начала»

ж., 49 лет, работница сферы образования, октябрь 2022

Этот пример еще раз демонстрирует, что процесс усвоения официальной точки зрения на войну ее будущими не-противниками не похож на «зомбирование» и «облучение» пропагандой. Информанты в данном случае—вовсе не пассивные потребители пропагандистских клише. Они активно участвуют в их поиске, интерпретации и наполнении смыслом.

«Войны идут всегда»: нормализация войны ██████████

Следующая риторическая стратегия, часто используемая одновременно с предыдущей, — это нормализация войны, представление ее в качестве естественного явления. В такой интерпретации уже не только война в Украине, но война как таковая начинает мыслиться как неприятный и деструктивный, но неизменный атрибут общественной жизни: «войны идут всегда».

«Что касается дальнейшего развития моих мыслей, апрель месяц, сейчас наступает май — я вам скажу так, что за этот период я в корне поменяла свое мнение и сейчас я не то, чтобы поддерживаю — я военные действия в принципе не поддерживаю, но я начала относиться к этому так, что это происходит. Но кроме этого происходит куча войн в мире, где-то там все равно с кем-то сражается,

кто-то на кого-то нападает, кто-то где-то убивает, кто-то где-то умирает из-за этого, кого-то там насилуют, кого-то грабят, это как одно из очередных событий, которые происходят в мире»

ж., 40 лет, менеджер проектов, ноябрь 2022

Еще недавно казавшаяся многим информантам неприемлемым и непредставимым в современном мире явлением война становится нормой, а мир — отклонением от нее:

«Я понимаю, что это очень просто говорить, что “я за мир во всем мире”. И я за мир во всем мире. А когда это было-то? Ну, сколько могли, столько держались...»

ж., 42 года, университетская преподавательница, ноябрь 2022

В следующем отрывке информантка переворачивает с ног на голову привычный для многих наших собеседников аргумент о том, что в XXI веке не должно быть войн. С ее точки зрения, войны в XXI веке идут непрерывно:

*«И я не впадаю в истерию по поводу того, что все должно решаться без войны. Потому что **ничего без войны не решается**. Вот я сколько на свете живу, и я не помню ни одного дня, чтобы войны не было. Такого не было. **Все время эти войны идут, значит человечество так устроено, раз они все время идут**. И я, конечно, не истерю в том плане, что, ну как бы сказать, так по-детски, что в двадцать первом веке эти вопросы должны решаться мирно, но я понимаю, что **в двадцать первом веке мы ни одного дня без***

войны еще не жили. Вопрос только за какие цели, за что это все, за...»

ж., 52 года, университетская преподавательница, март 2022

Информанты отвергают свою моральную установку неприятия войны как проявление инфантильности (настаивать на мирном решении конфликтов — это «по-детски») и маленького кругозора—войны шли всегда, мы просто о них не задумывались, потому что они не касались нас лично:

«Слушай, смотри, война вообще, в принципе, как таковая, она велась очень давно. И эта, и другая, и постоянно, хотя мы ничего не делали, потому что мы спали. <...> Мне тоже 32. Мы с тобой родились, и тогда уже была война. Она тогда уже шла. Мы пережили с тобой, как минимум 4 войны: Чеченскую первую, вторую Чеченскую, Грузинскую, короче... Помимо этого в мире еще дохуя и больше всяких войн, короче говоря. <...> Просто тут уже столкновение для нас более осязаемое, более глобального характера для нас. Вот и все»

м., 32 года, арборист, декабрь 2022

«Это происходило не только в нашей стране — происходило и теперь происходят военные конфликты, столкновения. Просто на сей раз это коснулось нас непосредственно. Раньше я не сильно задумывался о всем происходящем, а теперь пришлось, потому что это теперь коснулось нас всех, и мы живем с осознанием того, что происходит»

м., 40 лет, административный работник в университете, ноябрь 2022

Конструкция «это коснулось» в очередной раз представляет войну как событие, за которое никто не ответственен.

«Так ведут себя все» и «мир несовершенен»: нигилизм

Другая стратегия примирения с войной — это решение не иметь завышенных ожиданий от окружающего мира. Примирение с войной в данном случае сопровождается разочарованием в гуманистических ценностях как наивных и оторванных от реальности:

«И я понимаю ценность человеческой жизни, и я знаю, что на этом была основана просто вся жизнь последняя, все проекты какие-то социальные, все было на ценности вот этой одной единственной человеческой жизни. Но сейчас я чувствую, что всегда, на самом деле, это были жернова истории. Это всегда так было. И просто в мирное время у тебя есть иллюзия, что человеческая жизнь — одна, она ценная. Но потом, когда наступает такое, ты понимаешь, что это всегда было иллюзией. То есть на самом деле мы всегда живем в каких-то жерновах исторических. Это вот, да, это про неизбежность того, что российская армия участвует в этом»

ж., 30 лет, редактор в IT сфере, октябрь 2022

В результате информанты отказываются от веры в свои моральные идеалы и смиряются с тем, что мир не так хорош, как им казалось. Вот как описывает изменение своего восприятия войны в Украине информант, который сначала был возмущен тем, что в XXI веке «человечество» все еще «находится на примитивном уровне» и решает конфликты с применением силы:

«Настоящие ценности до сих пор, видимо — власть, деньги, сферы влияния. <...> Через некоторое время я просто смирился с текущей реальностью, что так мир изменился»

м., 40 лет, административный работник в университете, ноябрь 2022

Для другого нашего собеседника такая девальвация моральных идеалов выражается в изменении негативного отношения к Путину, свойственного ему в прошлом, в сторону большей лояльности:

«Вопрос: Как ваше отношение менялось к Путину с 24-го февраля по сегодняшний день? И менялось ли?»

Ответ: Скажем так, если сначала я его просто считал достаточно старым и немножко вышедшим из ума человеком, то, смотря на то, как к нам относится мир и на действия других руководителей государств, у меня сложилось впечатление, что он не один такой во всем мире. И что, видимо, это нормально, что такие люди в целом в политике, к сожалению»

м., 25 лет, профессия неизвестна, октябрь 2022

Агрессивное поведение российского государства, возмущившее многих наших информантов в первые дни войны, вскоре начинает восприниматься как нормальное, типичное («плохие все»), не вызывающее удивления. Осуждение этих действий с точки зрения гуманистических идеалов уже кажется информантам лицемерием:

«Вначале я был резко против, потому что у нас политика государственная такая, что угнетается все, что можно, а что нельзя — признают иноагентом. Но потом, немножко

разобравшись в ситуации, как другие страны что-то делали в свое время, какие-то военные операции, я понял, что что одни, что другие хороши. Поэтому у меня сейчас такая позиция, что я не против войны и не за нее, это такая неопределившаяся позиция. <...> Потому что изначально риторика идет, что Россия — агрессор, что это единственная страна, которая в XXI веке ведет захватнические войны. Однако, у нас была и Сирия, и со стороны США война в Ираке, и различные другие конфликты, которые толком не освещались. И на эти события мировая общественность реагировала фактически никак. А тут, по факту, делается то же самое (ну, в моем мировоззрении), но против нас что-то все ополчились. Это странно, это какое-то лицемерие, я считаю»

м., 25 лет, профессия неизвестна, апрель 2022

«... поэтому все эти общечеловеческие ценности с точки зрения мировой геополитики—это сказки, лапша на уши. И люди и в мирное время гибли и не только. Так что все относительно»

м., 63 года, пенсионер, ноябрь 2022

Мир без войн в такой логике — это недостижимый идеал, а стремление к нему — наивный и вредный идеализм:

«Ну, есть понятие “идеализм”, а есть “реализм”. <...> И вот идеализм — это схема правильная, спорить никто не будет, что вечный мир для всех стран, для всех народов, все люди счастливы, как в раю. <...> Но мир-то он

не так прост. У кого сила вооружения, тот может сделать все против права. Ну, мир не идеален. Вот почему тот же Каспаров, шахматист, почему он идеалист чистой воды? Он придумал себе схему в своей голове какую-то непонятную, про свободную Россию, где они в Вильнюсе постоянно проводят съезд “Свободной России”. Потому что Каспаров двигает шахматными фигурами. А каждая шахматная фигура имеет свою силу, свои возможности. Так что перенесение этого мышления, что и в обществе точно так же — оно настолько наивно! Мир намного сложнее»

м., 63 года, пенсионер, ноябрь 2022

«Это уже случилось»: смирение

Наконец, последняя из часто встречающихся стратегий, с помощью которой информанты встраивают войну в свою картину мира и «очищают совесть» — это принятие войны как данности, как неустрашимой части новой социальной реальности, на которую у них нет ни малейшего шанса повлиять:

«Я не сторонник военных действий, вот этих насильственных мер. Но раз случилось, то случилось, я никак повлиять на это не смогу»

ж., около 40 лет, профессия неизвестна, апрель 2022

«Можно сказать, да, что [мнение] поменялась с отрицания реальности происходящего. А теперь я воспринимаю эту реальность такой, какая она есть. А как теперь? Теперь я из сторонников, поддерживающих спецоперацию.

Я пришел к выводу, что этот конфликт был неизбежен»

**м., 40 лет, административный работник в университете,
ноябрь 2022**

Эти информанты не хотят постоянно испытывать негативные эмоции и находиться в противостоянии чему-то, что невозможно изменить — поэтому они решают примириться с новой реальностью:

«Негативное мое отношение было к тому, что это все началось. Потом я осознал, что, коли это все началось, надо с этим как-то смириться, потому что а) мало что можно предотвратить, и б) негативные эмоции, которые возникают, они мешают продуктивности, мешают повседневному ходу жизни»

м., 24 года, профессия неизвестна, март 2022

Описанные выше риторические стратегии и способы пересборки разрушенной картины мира могут использоваться информантами одновременно, иногда даже в одном и том же рассуждении. Приведем пример такого использования:

«Я это воспринимаю, как какое-то неизбежное, очень болезненное. Очень тяжелое решение, но неизбежное. На протяжении какого-то длительного периода времени договоренности не соблюдались. И есть понятие миротворцев, вот. Мы долго жили без войны, думали, мы так будем жить всегда. Но оказалось, что война—она всегда есть, где-то на планете она существует. Она просто была далеко от нас. Или сравнительно близко, но нас не касалась.

Да, это ужасно, отвратительно, что это все произошло, и мы просто будем от этого страдать десятки лет. Но это случилось, это неизбежно. Вопрос в том, как мы с этим справимся. И я вижу участие российской армии в этом, как нечто неизбежное. Отвратительное, тяжелое, но неизбежное»

ж., 30 лет, редактор в IT сфере, октябрь 2022

В этом фрагменте интервью указание на негативный моральный статус войны («это ужасно и отвратительно») и на ее неизбежность (оправдательный режим говорения о войне) дополняется нормализацией войны как естественного явления («война есть всегда»), а также акцентом на ее необратимости («это случилось»).

Итак, для многих не-противников войны ее начало стало глубоким потрясением. Война не вписывалась в их базовые представления о том, что является нормальным, возможным и вероятным. Военная интервенция на территорию соседнего «братского» государства противоречила их пониманию морали и нравственности. Состояние шока, дезориентации и «выпадения» из реальности, которые информанты переживали в первые дни и недели войны, их отторжение происходящего с моральной точки зрения сближает их с противниками войны. В отличие от последних, однако, наши информанты не отвергают войну из-за того, что она не вписывается в их представления о норме. Напротив, они прилагают сознательные усилия для того, чтобы нормализовать войну. Хотя все они так или иначе обращаются за оправданиями войны к государственной пропаганде, усвоение этих аргументов происходит не пассивно, по инерции, как это часто представляют себе антивоенно настроенные россияне, а рефлексивно. Не-противники войны активно участвуют в поиске, интерпретации и наполнении смыслом аргументов, оправдывающих войну, нормализующих ее.

Кроме того, для нормализации ситуации и пересборки разрушенной «картины мира» не-противники войны задействуют целый ряд риторических стратегий—ведь требуемая государством поддержка морально неприемлемого для них события угрожает их представлению о себе как о хороших людях. Так, обязательной составляющей рассуждения информантов о неизбежности и предопределенности войны, еще недавно казавшейся им абсурдной и невероятной, становится оговорка «я против войны, но». Она позволяет не-противникам войны настаивать на неприемлемости военной агрессии как способа решения конфликтов, одновременно не осуждая, а иногда и активно поддерживая войну с Украиной. Комбинирование этого приема с несколькими другими риторическими стратегиями позволяет информантам оставаться «нормальными», «здравомыслящими» людьми, не осуждая войну.

Таким образом, в основании поддержки войны зачастую лежат вовсе не моральная глухота и безнравственность, а моральный компромисс.

1° 2 Динамика восприятия войны в течение года

Вторжение России в Украину, вопреки ожиданиям многих его сторонников, не завершилось в течение нескольких недель или месяцев. Затянувшаяся война на наших глазах создает новую реальность. Международная часть этой реальности (то, что не касается закулисных процессов) находится на виду — она обсуждается в медиа, в публичных дискуссиях. Но что происходит внутри России, в российском обществе — известно и понятно все меньше. Страна изолируется от мира, публичная дискуссия о войне отсутствует, растет пропасть между «уехавшими» и «оставшимися». События, происходящие на поле боя, неудачи российской армии, западные санкции, сбивчивые объяснения властей о том, зачем Россия воюет, репрессии, а также появление нового сообщества «рассерженных патриотов» и поляризация взглядов на войну в обществе — все это меняет само общество и отдельных людей в нем. Как меняется восприятие войны рядовыми россиянами, не являющимися однозначными противниками российского вторжения в Украину, вместе с «затягиванием» этого конфликта на долгие месяцы? Настоящий раздел посвящен ответу на этот вопрос.

В этом разделе, сравнивая весенние и осенние интервью с одними и теми же людьми, мы покажем: как меняется (а иногда не меняется) оценка военных действий нашими информантами; как люди оправдывают войну осенью и весной; как старые оправдания наполняются новыми смыслами и как появляются новые типы оправданий; как объявление «частичной мобилизации», после которого далекая война вновь как будто бы становится близкой, влияет на отношение к военному конфликту; как в российском обществе формируются новые коллективные эмоции, связанные с любовью к своей стране. Наконец, мы поразмышляем о том, как изменения в обществе и в жизни отдельных людей вносят вклад в восприятие войны.

Как (не)меняется взгляд на войну

По результатам весенних интервью мы разделили наших информантов на сторонников войны, ее противников и сомневающихся в своем отношении к ней. Осенью мы взяли повторные интервью с теми, кого мы называли сторонниками и сомневающимися. Сравнение интервью, взятых с одними и теми же людьми с интервалом в полгода, показало, что после того, как оценка войны более или менее «стабилизируется» в течение первого ее месяца (см. 1.1), она, за редкими исключениями, не меняется кардинально. Иными словами, по ходу затягивания военного конфликта его сторонники не становятся его противниками и наоборот. Тем не менее, степень или «оттенки» поддержки, отстранения от или неприятия происходящего могут меняться со временем.

Убежденные сторонники: вдохновляются результатами или разочаровываются в характере ведения войны, не теряя уверенности в ее необходимости

По мере разворачивания войны, ее сторонники могут становиться как более, так и менее оптимистичными в отношении происходящего. Другими словами, их поддержка может становиться более апологетической или же более критической, в зависимости от того, как они оценивают отдельные составляющие событийной стороны военного конфликта: характер ведения боевых действий, ситуацию на фронте, личные или общественные последствия «специальной операции».

Среди убежденных сторонников есть те, кто укрепляются в своей поддержке «специальной операции», в том, что она важна и необходима для России. Укрепление позиции можно видеть, например, в том, как сторонники оценивают последствия войны. Так, в первом, весеннем интервью, один из наших информантов, двадцатисемилетний звукорежиссер, уверенно высказывающийся в поддержку войны по идеологическим причинам, одновременно делает акцент на ее

негативных последствиях:

«В этом плане я абсолютно согласен с Громькой. Вот он хорошую фразу сказал: “Лучше 10 лет переговоров, чем один день войны”. Вот в этом плане я с ним полностью солидарен. Поэтому, естественно, я против этой хрени, потому что последствия, они только сейчас начнутся. И я не про то, что там доллар скакнет, еще что-то. Нет. Во всем мире нашу страну теперь ненавидят»

м., 27 лет, звукорежиссер, март 2022

А в повторном интервью, отвечая на тот же вопрос, он уже подчеркивает позитивные последствия:

«Сейчас Россия становится страной точно не для слабых людей, это меня лично больше всего радует. Кто захочет — тот сможет все выдержать. А кто хочет комфорта, спокойствия, уюта — извини, это не к нам. Хорошо это или плохо? Это есть. <...> Несколько знакомых у меня думает так же, хотя были против всего этого. Но они как-то скоординировались. И что больше всего радует — умудрились не поругаться друг с другом. Умудрились как-то общий язык найти, потому что жопа одна на всех, надо как-то ее разруливать. Вот как-то так. Пока только положительные изменения»

м., 27 лет, звукорежиссер, октябрь 2022

Укрепляясь в своей поддержке войны, люди могут становиться более радикальными и ожесточенными в своем взгляде на «противников» и «врагов», включая мирное население Украины.

В первом интервью со звукорежиссером, которое мы цитировали выше, его поддержка войны совмещается с сочувственными высказываниями в адрес обывателей-украинцев:

«То есть, представь ситуацию где-нибудь на Украине. Просто какой-нибудь работяга. Вот он работает, ему вообще параллельно, как там дядя Вова свои вопросы решает с Зеленским. Он просто приходит на работу. То есть с точки зрения обывателя все, что сейчас происходит, это вообще катастрофа. Вот, с этой точки зрения, я абсолютно согласен с обычными жителями, что не должны обычные жители страдать от всего вот этого вот»

м., 27 лет, звукорежиссер, октябрь 2022

В повторном интервью сочувственный тон сменяется агрессивным:

«Периодически общаюсь с людьми оттуда, но после того, как мне пишут “Слава Украине!” я их рена их больше не вижу. Ну, это их право... Если им так нравится, то пожалуйста. Только потом не жалуйтесь, почему вас ракетами обстреливают, вот и все»

м., 27 лет, звукорежиссер, октябрь 2022

Некоторые убежденные сторонники войны, наоборот, становятся пессимистами. Спустя полгода они начинают критически высказываться о ходе «спецоперации» — им не нравится затягивание конфликта, беспорядок в армии, нерешительность действий России, организация частичной мобилизации и т.п. Впрочем, эти люди не перестают быть сторонниками необходимости продолжения войны. Они как бы становятся сторонниками-критиками.

Например, один информант, русский националист, поддерживает

войну, потому что считает, что исконно русские территории (восточная Украина) должны «вернуться» в Россию. Тон первого интервью, взятого в марте — позитивный. Он с радостью встречает начало «спецоперации», считает, что она была необходима, позитивно оценивает ее последствия:

*«С ноября месяца все уговаривали нашего верховного главнокомандующего начать эту операцию. Ну и так, скорее **облегчение, что наконец-то это все началось.** <...> Последствия простые — Украину будут принимать в ЕС, но принимать ее будут частями. <...> Для России — смотря какую часть России отдадут. Если отдадут Левый берег, то с Левого берега, все эти русские области, то это очень хорошо. Мы получаем минимум 15 миллионов русского населения. В любом случае, я оцениваю, что для России, что для Украины последствия исключительно положительные. <...> **Ой, я вообще счастлив, конечно. На самом деле это [санкции] такая большая радость!** То, что не могли сделать тот же условный Путин, это сделано санкциями. <...> **Наконец-то это сделали, наконец-то они будут хранить деньги здесь, строить здесь лечебницы, строить здесь больницы и так далее, лечиться здесь, жить здесь и так далее, и так далее. Это великолепно просто»***

м., 50 лет, администратор в цирке, март 2022

Во втором интервью он почти не говорит о том, зачем нужна была война. Вместо этого он делает акцент на необходимости ее завершения. Сам тон второго интервью — пессимистичный с примесью фатализма:

*«Вот мобилизацию объявили... **Тревожности***

больше, что это никак не заканчивается, плохо это очень, люди умирают с той и с другой стороны. <...> Так вот я говорю, что что-то ни к чему не пришли по большому счету... Херсонскую область признали, но Херсон сейчас оставляют. Вообще ничего человеческого не осталось. Я говорю — надо будет, они из Крыма уйдут. По какой-то очередной зерновой сделке договорятся и из Донецка уйдут, всех сдадут, всех предадут. <...> Да, общее состояние тревожности, подавленности, оно естественно присутствует. То, что оно тянется, это видно, это как умирающая бабушка... Она лежит, и ее не выбросишь, и сделать ничего нельзя»

м., 50 лет, администратор в цирке, октябрь 2022

Важно подчеркнуть, однако, что сторонники-критики, насколько бы пессимистичными ни были их оценки конкретных деталей происходящего, остаются сторонниками войны с Украиной как идеи и решения, более того — сторонниками убежденными. Так, предыдущий информант, назвавший «спецоперацию» умирающей бабушкой и признающийся в постоянных тревожности и подавленности из-за войны, мечтает, тем не менее, о более решительных действиях России на фронте и об окончании войны победой России:

«Вопрос: А ваша оценка не изменилась? Вы придерживаетесь оценки, что нужно было начинать спецоперацию или тут тоже что-то изменилось?»

Ответ: Нет, в этом — нет. Меня больше темпы смущают, что это нужно делать правильное, быстрее и так далее, и так далее. Это мне так кажется... Ну, я не военный

эксперт, но мне кажется, что это уменьшило жертвы с той и с другой стороны. <...> А, ну я приводил пример, есть такой юзер, Богемик, он в ЖЖ, может, вы слышали... Вот он несколько раз высказывался наиболее кардинально. У него было хорошо, что первым делом массированные удары по энергетическим, транспортным [узлам]. Потом контингент желательного по типу иностранного легиона, тот же Киев, если там осталось, с кем договариваться. Подписание капитуляции, потом уже полицейские части и так далее»

м., 50 лет, администратор в цирке, октябрь 2022

Массированные удары по энергетической инфраструктуре и специальный контингент для взятия Киева — вот чего ждут подавленные (но убежденные) сторонники-критики.

Сомневающиеся сторонники: устают от войны, но не перестают ее оправдывать

Как и убежденные сторонники, превращающиеся со временем в оптимистов или пессимистов, сторонники неуверенные, сомневающиеся могут незначительно менять восприятие происходящего — менять в разных направлениях. Некоторые из них жалуются на усталость от войны и желают ее скорейшего окончания на любых условиях, другие, также сгугя на усталость, полагают, что войну все-таки нужно продолжать.

Интервью с тридцатичетырехлетним маркетологом из Москвы хорошо иллюстрирует первую тенденцию. Этот молодой мужчина был оппозиционером до войны: участвовал в митингах в поддержку Навального, наблюдал на выборах, выступал против коррумпированной российской власти. Он негативно воспринял аннексию Крыма в 2014 году и спорил по этому поводу со своими пророссийскими родителями, живущими на Донбассе.

Но 24 февраля 2022 года радикально изменило его отношение к происходящему. Он посчитал, что в тяжелые для страны — и для его семьи с Донбасса — времена он должен быть со своей семьей и со своей страной. В первом интервью, весной 2022 года, он говорит, что насмотрелся на войну за 8 лет и привык к ней и что интенсификация конфликта и его последующее завершение лучше, чем вялотекущий, «вечный» военный конфликт. В осеннем, повторном интервью он, с одной стороны, смиряется со все большим расхождением своих взглядов и взглядов его бывших товарищей по оппозиции. Он перестает «стесняться» своей поддержки войны и рассказывает, что «утвердился» в своей продонбасской позиции, «принял» ее:

«Я однозначно стал спокойнее ко всему относиться. В начале было даже такое возбужденное состояние, не негативное, но подъем эмоциональный был. Сейчас это все успокоилось. <...> Я убеждаюсь в том, что я все сделал правильно»

м., 34 года, маркетолог, октябрь 2022

С другой стороны — он смещает фокус своих размышлений о войне с ее объяснения и оправдания на необходимость ее окончания. Конечно, он предпочитает окончание войны победой России, но даже победа Украины теперь кажется ему лучшим исходом, чем «затягивание» военного конфликта:

«Я хочу, чтобы это завершилось чем-то однозначным — либо Россия побеждает, чего я конечно же хочу, либо Украина побеждает, чего я не хочу, но с чем мне придется иметь дело, но как минимум будет определенность»

м., 34 года, маркетолог, октябрь 2022

Более того, он осторожно формулирует следующую мысль: возможно (страшно предположить) война не была так уж

необходима, и власти могли бы уделить больше внимания переговорам:

«Вопрос: Если бы ты был Путиным и время можно было бы повернуть назад, то что бы ты делал 24 февраля, до и после 24 февраля в плане отношений с Украиной?»

Ответ: Мне кажется, что надо было более четко дать понять, что будет, если сторона Запада и Украины не пойдет на переговоры— по Донбассу, по санкциям, по другим вопросам каким-то. Такое ощущение, что хотелось этого всего. Такое ощущение, что Путину хотелось войны. Можно было бы “последнее китайское предупреждение”. Накануне же, в январе, они ультиматум выкатили, но этот ультиматум не выглядел как что-то, с чем можно работать. А потом вдруг внезапно случилась война. Я понимаю, с одной стороны, важность внезапности. А с другой стороны, можно было сказать: “Если не идете на переговоры, то мы вас будем бомбить, будет кровавая бойня, мы ни перед чем не остановимся, мы будем добиваться своих целей войной”. Можно было с этого начать, на мой взгляд»

м., 34 года, маркетолог, октябрь 2022

Иными словами, этому информанту не нравится «затягивание» военного конфликта, он хочет его окончания и больше не уверен в необходимости и неизбежности его начала, но одновременно он, наконец, «принимает» свою поддержку войны, перестает стесняться своего отношения к войне перед оппозиционно-настроенными приятелями и в некотором смысле даже укрепляется в ней.

Многие же неуверенные сторонники войны и те, кого мы в первом отчете называли сомневающимися, несмотря на усталость от «спецоперации», говорят о том, что ее продолжение носит вынужденный характер («если уж начали — нужно продолжать»). Их восприятие военного конфликта как будто бы сдвигается в сторону чуть большей поддержки действий России, однако и они не становятся убежденными сторонниками войны. Такие информанты, несмотря на чуть более благосклонное отношение к «спецоперации», чем весной, продолжают, тем не менее, выражать неуверенность в причинах и целях войны, переживать по поводу ее последствий и т.п.

В качестве иллюстрации такого сдвига в восприятии войны можно посмотреть на весеннее и осеннее интервью со студенткой одного из престижных московских ВУЗов. В весеннем интервью девушка сознательно занимает нейтральную позицию. Она говорит, что ее окружают люди с разными взглядами, которых она слушает—и не может определиться. Ей в принципе не нравится зарождающийся раскол в обществе, ей не хочется, чтобы люди ругались и разрывали связи из-за далекой войны:

«Вы как раз звали на исследование тех, у кого непонятное отношение к “спецоперации”, у меня как раз такая ситуация. Мой круг общения разделился на две части, примерно равные. Одни говорят—немедленно вывести войска, все запретить. А другие говорят: “когда наконец-то откроют прием добровольцев на Донбасс?” и собирают гуманитарку, что-то еще делают. И вот в выходные после [начала войны] ко мне в квартиру приходили люди супервозбужденные с обеих сторон, и я не понимала, как мне вообще... <...> В силу того, что люди имеют самые разные представления и идеи, и вроде все логично аргументируют свою позицию, но я стараюсь не занимать никакой позиции в данном вопросе. <...> Я очень стараюсь, чтобы моя позиция

была нейтральной. Я историк, и я считаю, что я имею право на личную позицию, на самом деле. Наверное, я могу поддаться эмоциональным настроениям, если большое количество моих друзей начнет занимать какую-то позицию. <...> Но я стараюсь это предотвратить, потому что эмоционально и так... Сходящих с ума и так много, я не хочу попасть в их число»

ж., 21 год, студентка, апрель 2022

В осеннем, повторном интервью, она уже далека от прежней нейтральности — эта перемена произошла под влиянием ее провоенно настроенных друзей (а антивоенно настроенные — уехали). Она чувствует, что должна быть на стороне «оставшихся», в итоге она то и дело склоняется к поддержке войны:

«Много моих друзей за войну. Я сейчас общаюсь с людьми, которые не то, чтобы за войну, они не говорят, что война — это классно. Те, кто остался, они считают, что война — это очень плохо, но, если она началась, в ней, видимо, придется участвовать. Сначала я думала, что это безумие. Но когда два моих лучших друга с высшим образованием, очень умные, говорят, что собираются ехать на фронт добровольцами, первой моей фразой стало: “Ты что, с ума сошел? К психиатру сходи. Таблетки начни пить”. Потом мы с ними поговорили, и я узнала, что они находят смысл в этом, потому что если война, то нужно защищать страну. Я пыталась сохранить нейтральную позицию, но мне этого не удалось. <...> Те, кто уехал, я их совершенно понимаю, но я на стороне тех, кто остался, и они при необходимости готовы пойти воевать. Не могу объяснить,

почему они так считают, что-то связанное с патриотизмом, наверное. Если наша страна воюет — это очень плохо, но, если мы в этой войне проиграем, будет еще хуже. Не мы это начали, но нам эту войну заканчивать»

ж., 21 год, студентка, ноябрь 2022

Тем не менее эту информантку нельзя назвать сторонницей войны в строгом смысле слова. Во-первых, замечая свое движение в сторону от нейтральности к поддержке, она недовольна происходящими с ней переменами в оценках. Ее принятие и поддержка войны — вынужденные (о чем она прямо говорит в интервью — «придется», «плохо..., но будет еще хуже»). Ей хотелось бы сохранять нейтральность, и ей страшно, что делать это все сложнее и сложнее:

«И сейчас еще можно сомневаться с кем ты, как я делаю, но в какой-то момент, который приближается, придется сказать, за кого ты. Я лично очень боюсь этого момента. <...> Теперь я боюсь, что мне придется выбирать между людьми. И, наверное, сейчас мне стоит куда-то уехать из-за этого. Танков НАТО в Москве я не боюсь, потому что в это я не верю. А того, что ко мне придут и спросят: “Куда ты донатила? Ты Медузу читала? Ты с нашими или с этими?” Это ситуация неприемлема и очень страшна для меня. <...> Сейчас мне становится страшновато, и посидеть пару лет где-нибудь подальше, а потом иметь диплом и быть готовой работать и учиться — это хорошая идея, из-за того, что может начаться гражданская война. Я не готова выбирать сторону. Я еще маленькая»

ж., 21 год, студентка, ноябрь 2022

Во-вторых, ей все еще не нравится война, она хотела бы, чтобы «она не начиналась», она не видит потенциально позитивного завершения этого конфликта — в том числе, в случае победы России:

«Вопрос: Как может закончиться история военного конфликта с Украиной и как вы хотели бы чтобы она закончилась?»

Ответ: Я бы хотела, чтобы она не начиналась. Это было бы лучшим вариантом. Я уже говорила, что Россия проиграет и останется в оккупированном НАТО, но я в это не очень верю, потому что не понимаю для чего НАТО Россия? Я боюсь, что Украина и зона Донбасса могут рассыпаться на мелкие образования неподконтрольные никому, типа Сомали. Удовольствия от этого будет мало, потому что территории, которые никто не контролирует, приносят очень большие экономические и политические проблемы. С другой стороны, если это закончится победой России... У меня есть друг, он специалист по логистике, он говорит, что там останется очень мало людей, будет разрушена вся инфраструктура, и это будет безумно дорого восстанавливать. Кто это будет делать – не очень понятно. Технически это должны делать молодые люди типа меня»

ж., 21 год, студентка, ноябрь 2022

Таким образом, эта девушка, с одной стороны, отходит от своей весенней нейтральности и вынужденно принимает «сторону своей страны». С другой — ее мучает этот отход от нейтральности, который она предпочла бы не совершать, а война продолжает вызывать недоумение и страх.

Среди тех, кого мы называли «сомневающимися» в первом отчете, есть информанты, которые уже весной были во многом недовольны войной. Что происходит с их взглядом на войну осенью?

Сомневающиеся противники: еще больше разочаровываются, но не перестают сомневаться ████████

Некоторые информанты, которые уже весной испытывали негативные эмоции по поводу войны, но все-таки отстранялись от того, чтобы давать ей какую-то оценку, осенью начинают воспринимать войну еще более негативно.

Это хорошо видно на примере двух интервью с тридцатилетним мужчиной, работавшим в офисе частной американской компании весной, и потерявшим работу из-за войны (а именно, из-за релокации компании) в течение лета. В первом, весеннем интервью он, как и многие информанты — причем не только противники войны — негативно оценивает смертоносность войны:

«Совершенно очевиден один факт — человеческая жизнь бесценна, и любые боевые действия я считаю неверным методом. <...> Мне сложно сделать какой-то вывод в адрес кого-либо, сказать, кто прав, кто виноват, но совершенно очевидно, что любые действия—это следствие неграмотной работы, я имею в виду переговорщиков»

м., 30 лет, профессия неизвестна, март 2022

При этом он не атрибутирует вину ни одной из сторон и предпочитает не оценивать кто прав, а кто виноват:

«Скажу сразу, моя позиция не самая правильная, я считаю, не самая активная. Моя позиция такова, что я объективно понимаю, что я не знаю ситуации. Я прекрасно знаком с высказыванием, что “история — это

политическая проститутка». <...> Я реально не знаю, где есть правда. Я реально не могу поверить кому-то конкретно. Я знаю, что я не нахожусь настолько близко к власти российской или вообще к мировой власти, чтобы можно было реально оценить всю эту ситуацию. <...> Сейчас я просто осознаю факт того, что мои знания ничтожны. И делать какие-то выводы очень сложно, кто как-то виноват. Ты сама, я думаю, прекрасно понимаешь, что здесь есть интерес у многих. И говорить, что одна сторона права, другая неправа — это тоже будет неграмотно»

м., 30 лет, профессия неизвестна, март 2022

Осеннее интервью этот мужчина начинает со слов: «глобально я как был против, так и остался» — при этом, как видно из цитат, приведенных выше, его с трудом можно было бы назвать противником войны во время ее начала. Тон второго интервью — гораздо более депрессивный, чем тон первого: за прошедшие полгода информант потерял работу из-за релокации компании, нашел новую работу и вынужден был уволиться с нее, поскольку под давлением девушки и мамы он принял решение уехать из России после объявления мобилизации. Само это решение далось ему нелегко — он до сих пор чувствует себя «уклонистом», сбежавшим от трудностей человеком. Но даже осенью 2022 года, несмотря на явное ухудшение отношения к войне, его нельзя однозначно назвать противником войны. Несмотря на то, что его не убеждают объяснения вторжения в Украину, предлагаемые российскими властями, он все-таки допускает наличие каких-то причин, оправдывающих это вторжение:

«Может быть, есть какие-то положительные стороны во всем этом. Может быть, там действительно освободили, может быть там действительно кого-то

притесняли. Я не был свидетелем этого, но я слышал много раз, что тяжело приходится русскоязычному населению. Но я там не присутствовал, мне сложно судить об этом. Но количество людей, которые погибли в ходе всего этого — я не думаю, что что-то может перекрыть это»

**м., 30 лет, профессия неизвестна, временно не работает,
октябрь 2022**

И еще кое-что сближает его со многими сторонниками войны — он рассматривает этот конфликт как прежде всего конфликт с Западом, а не с Украиной, в котором Россия если и виновата, то не больше (а скорее всего меньше), чем США:

«Если раньше мне казалась более понятной ситуация, мне казалось, что это способ нашего государства заработать, то сейчас я вижу, что это не только со стороны России, это и со стороны США, это удручает. Не хочется стать одной из пешек»

**м., 30 лет, профессия неизвестна, временно не работает,
октябрь 2022**

Таким образом, прошедшие с начала войны полгода настроили этого информанта еще негативнее по отношению к «спецоперации». При этом даже осенью 2022 года, потеряв из-за войны две работы и оказавшись в неопределенности в другой стране, он не становится однозначным противником войны, он допускает, что у российского руководства, начавшего «спецоперацию», были на то причины, и обвиняет в произошедшем как Россию, так и США.

**Восприятие войны меняется «в обе стороны»
одновременно**

Выше мы продемонстрировали, как отношение к войне меняется

в ту или иную сторону—в сторону критики или поддержки. Но изменение восприятие войны отдельным человеком не всегда имеет однонаправленный характер. Далекие от политики люди, не интересующиеся новостями, могут с негодованием высказываться об одних аспектах «спецоперации» и с одобрением и поддержкой—о других. В каком-то смысле их взгляд на происходящее меняется как будто бы «в обе стороны» одновременно.

Например, тридцатилетняя предпринимательница из Москвы уже в первом, весеннем интервью и защищает войну, и критикует ее, и отстраняется от ее оценки. Ей нравится, что Россия реагирует на западные угрозы и показывает, что с ней надо считаться:

«Конечно плохо, что там гибнут люди, эти все жертвы и так далее. Но в целом у меня есть такое ощущение, что когда Путин у нас у власти, то у нас довольно сильная позиция как страны в мире. <...> Я слышала что-то такое, что США хотели установить какие-то боеголовки где-то рядом на Украине. И, возможно, это такой предупредительный шаг, чтобы отстоять свою территорию. Я очень далекий человек от политики, я скорее всего глупости какие-то говорю. Но мое видение такое, что если бы в Мексике рядом с Америкой Россия попробовала бы поставить какие-то боеголовки, то там бы прилетели истребители через 3 секунды и разнесли бы всю Мексику, и никто бы слова не сказал»

ж., 37 лет, предпринимательница, апрель 2022

Ей также «обидно за Россию», на которую ополчился западный мир, из которой ушли современные бренды, несмотря на то что Россия, по мнению информантки, ведет себя так же, как и другие сильные геополитические игроки. Одновременно ее личный опыт подсказывает, что многие аргументы в защиту войны, которые она

слышит из телевизора, не имеют под собой оснований:

«Мне очень понравился Киев, он настолько современный, он настолько больше европейский, чем Москва, мне так показалось. Там всякие кафешки модные... Ну, прямо классно! И Одесса мне очень понравилась, она душевная. У меня не было такого, что к русским плохо относятся. Там же, насколько я слышала, что есть какая-то теория, что там есть нацисты или фашисты, кто не любит русских. Не знаю. Я на себе ни разу ничего такого не почувствовала. В Одессе я вообще одна была—я там и квартиру снимала, сама ходила, и по кафе сама. Ни разу никто за русский язык и за то что я русская, не сказал»

ж., 37 лет, предпринимательница, апрель 2022

Ей также непонятно, для чего нужна война — она не видит потенциальных позитивных последствий «спецоперации»:

«Мне кажется, что это будет какая-то долгая на пару лет штука, которая ничем, скорее всего, не закончится. И для России тоже непонятно — ну заберем мы эти ДНР, ЛНР... Это самые бедные регионы. Зачем они нам нужны? Зачем мы туда полезли? Чего мы хотим? Сейчас это выглядит как очень странная операция. Чего мы хотим от них, от Украины? Никто этого не понимает»

ж., 37 лет, предпринимательница, апрель 2022

Обращаясь, как мы могли убедиться выше, то к аргументам, оправдывающим войну, то к аргументам, критикующим ее, она одновременно отказывается явным образом формулировать свое

собственное отношение к происходящему:

«У меня есть такое убеждение, что мы знаем 5% от того, что происходит. И работая на обычной работе, если ты к спецслужбам не относишься, я понимаю, что все, что нам говорят—это такой маленький процент! Мы видим на 1 шаг, а Путин видит на 30 шагов, как и Зеленский. И все эти разговоры, это обсуждать, переживать, не зная, что происходит. Поэтому мне на это не хочется энергию тратить, смотреть эти ролики — как там война, сколько там погибло. <...> Если у меня будет возможность на это повлиять, если от меня будет что-то зависеть, то конечно я сделаю все, чтобы это прекратилось. Но себя расшатывать, это все смотреть, обсуждать со всеми — этого мне тоже не хочется. А зачем? У меня задача очень простая — позаботиться о себе, о своих родственниках, о своем ближнем круге»

ж., 37 лет, предпринимательница, апрель 2022

Ее «нерешительность» проявляется также в том, как она оценивает последствия войны: она рисует два сценария, в одном из которых Россия расцветает в результате «спецоперации», а в другом — погибает. Описав их, она, однако, не может определиться, какой из них более вероятен.

Казалось бы, спустя полгода, осенью, эта информантка могла бы склониться в одну или в другую сторону. Но этого не происходит — более того, усиливается как ее критическое отношение к одним аспектам «спецоперации», так и ее сочувствие и поддержка другим. Она начинает осенний разговор с нами со слов о том, что ей больше не все равно — теперь ей хочется, чтобы Россия действовала решительнее и отвечала на последние угрозы со стороны Украины:

«Только за последний месяц у меня немножко вызвало эмоции то, что взорвали наши газопроводы. <...> Я знаю, что их взорвали, я знаю, что взорвали Крымский мост. У меня такое — до этого мне было вообще было все равно, а сейчас уже — блин, да скорее мы бы уже какие-то действия начали бы принимать! Вот как сейчас. Я вообще ничего не знаю, но типа мы бомбим какие-то инфраструктурные объекты. Тогда у меня такое появилось — давайте мы тоже будем отвечать, а то над нами уже весь мир смеется, что такая огромная Россия и в такой затяжной войне участвует, проигрывает этой маленькой Украине»

ж., 37 лет, предпринимательница, октябрь 2022

Ее обида за Россию тоже усиливается:

«До этого я много путешествовала, но мне как-то вообще это, Россия и Россия. А сейчас мне даже обидно, что Америка воюет параллельно в 10 странах мира, делает то же самое и ничего. А Россия... Я не знаю, по адекватным мы причинам напали, не по адекватным, но то, что весь мир объединился против России, ушли бренды, ушли компании, какие-то подрывные работы идут в сторону России. Такое ощущение, что несправедливо обижают мою страну. У меня даже больше появилось патриотизма, которого никогда не было»

ж., 37 лет, предпринимательница, октябрь 2022

При этом война — после объявления «частичной мобилизации» — сильно ударила по ее бизнесу: она потеряла одновременно бизнес-

партнера и часть клиентов. Не удивительно, что она негативно и даже агрессивно высказывается по поводу необходимости идти на войну, и как следствие, вообще вести войну «хрен за кого»:

«Ты представляешь, это [уехавшие от мобилизации] взрослые мужики с детьми. Он на турнике не может подтянуться, и сейчас он пойдет куда-то с ружьем, рисковать своей жизнью? Ради кого, ради чего? У меня вообще нет этого патриотизма, это вообще, я считаю, бред полнейший. Почему в XXI веке человек должен идти, хрен знает за кого сражаться? Конечно, если бы меня ждала мобилизация, то меня бы тут не было через 3 минуты»

ж., 37 лет, предпринимательница, октябрь 2022

Несмотря на то, что в осеннем интервью эта информантка рассказывает о «зарождающимся» в ней патриотизме и тут же возмущается чужим, глупым, патриотизмом, которого у нее, по ее словам, нет — это не столько противоречие, которое она не замечает, сколько обсуждение ею двух совсем разных патриотизмов. Ей хочется, чтобы ее страна была сильной и уважаемой, и в этом смысле она переживает ощущение патриотизма, прежде ей, думающей в первую очередь о себе и о своих близких, чуждое. Одновременно она не понимает причин и целей «спецоперации» как таковой, и чувство ее бессмысленности становится особенно острым, когда «спецоперация» меняет ее собственную жизнь к худшему. Когда патриотизмом называется не переживание за судьбу своей страны, а подчинение непонятным указаниям властей ценой своей жизни — такой патриотизм оказывается ей, конечно, не близок.

Таким образом, вместе с большей «политизацией» повседневности, то есть, проникновением далекой войны самыми разными способами в жизнь информантки (и других аполитичных, отстраняющихся от происходящего людей), ей становится сложнее

сохранять нейтральность — которую, пусть не всегда успешно, она пыталась сохранять весной 2022 года. Война начинает все больше отвращать ее, влияя на ее близких и на ее бизнес, но одновременно она все больше размышляет над неоправданно (с ее точки зрения) жесткой реакцией мира на действия России, все больше переживает за свою страну и желает ей быть сильной — в том числе ценой военных действий на территории Украины.

Исключения, подтверждающие правило: когда взгляд на войну меняется

Интересно, что ни один из информантов, с кем нам удалось поговорить повторно осенью 2022 года, не поменял свой взгляд на войну радикально. Однако среди тех, с кем мы говорили осенью впервые, оказалось несколько человек, рассказывающих нам о существенных изменениях в своем отношении к войне. Тем не менее, подробный анализ этих, казалось бы, исключительных случаев, обнаруживает, что и они в каком-то смысле подтверждают тенденции, описанные нами выше.

Одно из таких интервью — наш разговор с тридцатидевятилетним специалистом по недвижимости. Он начинает беседу со слов о том, что его взгляд на войну изменился. В первые месяцы войны, по его собственным словам, он отстранялся от происходящего — не мог понять на чьей стороне правда из-за обилия противоречивой информации. Постепенно, однако, его отношение к «спецоперации» меняется в худшую сторону:

«Я не очень эмоциональный человек. Когда это все случилось, как обычно, думаешь: “Ну, вот, опять какая-то задница”. И я не мог как-то к этому отнестись так отрицательно, либо положительно. Потому что не совсем понимал, что происходит. Там кто-то из моих знакомых требовал, чтобы я это как-то осудил. А я говорю: “Я пока не понимаю, что там случилось. Что там происходит? Почему я должен какое-то конкретное мнение сразу же сформировать?”

Вопрос: *А как бы вы сейчас описали, спустя время, ваше отношение?*

Ответ: *Сейчас в принципе отрицательно. То есть, естественно, мне не нравится то, что это происходит»*

м., 39 лет, специалист по недвижимости, октябрь 2022

И действительно, на момент интервью, в конце октября 2022 года, информанту не только «не нравится, что это происходит» — он также не доверяет объяснениям «спецоперации», предлагаемым государством, нападение на Украину кажется ему бессмысленным и ненужным:

«Я таких каких-то явных причин не вижу. То есть, я считаю, что это просчет, грубо говоря, нашего руководства, непрофессионализм наших дипломатов. И те причины, которые там по телевизору приводятся, мне они кажутся такими несущественными, то есть я в них не могу поверить.

Вопрос: *Можете ли вы сказать, что именно вам кажется не убедительным из того, что говорят? Какие причины?*

Ответ: *То, что если бы не мы напали, то на нас бы напали. То, что мы, значит, полезли защищать своих каких-то. И как бы все, я больше никаких таких особо причин не помню, которые они транслируют»*

м., 39 лет, специалист по недвижимости, октябрь 2022

После объявления «частичной мобилизации» информант начинает испытывать постоянную тревожность. Его отношение к президенту и власти меняется в худшую сторону из-за «спецоперации». Он негативно оценивает экономические

последствия войны — санкции, уход западных компаний, «одних из немногих, кто в нашей стране соблюдал законы», и т.п. Его ближайшее окружение настроено антивоенно или нейтрально, но, как отмечает информант, даже те, кто настроены нейтрально, со временем ухудшают свое отношение к происходящему — и его взгляд на войну явно меняется вместе со взглядом его окружения.

Но даже этот информант не становится однозначным противником войны! Например, часть его рассуждений о «спецоперации» являются типичными скорее для ее сторонников, чем противников. Так, размышляя о причинах войны, он все еще пытается найти оправдания решению властей о ее начале:

«Я думаю, что он [президент] тоже не с потолка решения свои принимает. Я думаю, просто ему там напели в уши, развели его, не знаю. Кто его там? Штаб Министерства Обороны ему там наплел, наобещал золотые горы, что он принял такое решение. Мне все-таки кажется, что они не хотели к этому прийти»

м., 39 лет, специалист по недвижимости, октябрь 2022

Более того, несмотря на все недовольство происходящим, он скорее желает России победы — или, по крайней мере, не хочет ее поражения:

«Но я понимаю, что сейчас, если это [войну] как-то все так прекратить, то лично на мне это отразится плохо. Грубо говоря, я должен буду за это платить. <...> Я буду вынужден платить какую-то контрибуцию что ли. И еще буду обвинен в том, в чем я не участвовал. <...> Я не принимал решений. И не поддерживал тех, кто принимали эти решения, но вину, которую на них возложат, она будет спроецирована и на меня тоже»

м., 39 лет, специалист по недвижимости, октябрь 2022

Другой пример осеннего интервью, в котором информантка сама говорит об изменении своего восприятия войны — это интервью с пятидесятилетней женщиной из Ленинградской области. Она рассказывает, что поменяла взгляд на войну не один, а несколько раз. Информантка никогда не интересовалась политикой и ее первой реакцией на новости о начале войны в феврале 2022 года были шок и неприятие. Но, в отличие от многих сторонников войны, которые испытывали похожие эмоции в феврале-начале марта, эта информантка подчеркивает, что она *«была категорически против самого начала»* [ж., 50 лет, профессия неизвестна, декабрь 2022].

Однако практически все ее окружение поддержало войну. Они, по словам информантки, стали объяснять ей, что война была необходима, и знакомить ее с провоенными медиа ресурсами. В результате информантка как будто бы «сдается» и принимает сторону своего окружения. Она даже начинает самостоятельно искать оправдания для войны и описывает этот процесс поиска в интервью («я посчитала, что...», «я решила, что...»). Мы узнаем, например, что она «посчитала и решила», что противники войны—это люди, которые не любят Россию, люди с «западными» ценностями.

Спустя время, однако, она снова начинает сомневаться в созданном ей самом объяснении происходящего. Ее печалит гибель солдат, прежде всего, российских, и она задается вопросом о том, стоят ли таких жертв смутные, непрозрачные цели «спецоперации». Наше интервью с ней как раз и застает ее в момент этих сомнений. Она завершает интервью фразой о том, что сейчас, по ее мнению, войну надо скорее заканчивать. Это интервью интересно, помимо прочего, тем, что переосмысление войны происходит на основании не ценностей, но прагматичной оценки соотношения сил. Раз мы проигрываем — война не нужна.

Как и предыдущий информант, эта женщина еще не стала однозначной противницей войны — и, возможно, никогда ей не станет. Разочарование в оправданности военных действий не приводит ее к мысли о виновности или, по крайней мере, ответственности правительства Российской Федерации за решение о начале войны. Не подвергается пересмотру и ее представление о

прямой угрозе для России со стороны США или «коллективного Запада». Показательно, например, что перед интервью она пытается убедиться, что данные проекта не будут переданы «Америке» — ее тревожит, что ее слова, ее сомнения, могут нанести ущерб ее стране. Интервью с этой информанткой, однако — это пример того, как восприятие войны может быть подвижным, когда оно не имеет твердой почвы, когда за ним не стоит «политическая позиция». Несмотря на то, что лишь у небольшого числа наших информантов восприятие войны колеблется до такой степени, случай этой информантки все-таки в чем-то типичен: в обществе, где политика (а тем более геополитика) не является частью жизни подавляющего большинства людей, «твердые позиции» по отношению к вдруг вспыхнувшим геополитическим конфликтам — это редкость. Это значит, что восприятие войны большинством наших информантов (как и, можно смело предположить, большинства россиян) можно описать как «неуверенное», не позволяющее им стать однозначными противниками или сторонниками «спецоперации» (то есть, менять взгляды радикально) и подвижное: оно может сдвигаться в одну или в другую сторону при определенных обстоятельствах. (Какими могут быть обстоятельства — этот вопрос еще предстоит изучить). Однако одновременно с этим оно является устойчивым в том смысле, что «внутренние» колебания человека в отношении отдельных аспектов войны и изменения в оценке ее перспектив не приводит к переосмыслению оправданности решения о ее начале или попыткам установить ответственных внутри России (в случае сдвига восприятия войны в сторону разочарования в ней).

Иными словами, наши «исключения», случаи, в которых взгляд на войну, казалось бы, меняется, одновременно в чем-то подтверждают «правило» — тенденции, описанные выше. Во-первых, они все показывают, что даже здесь мы не наблюдаем превращения убежденных сторонников или «нейтралов» в убежденных противников (и наоборот). Во-вторых, они демонстрируют неустойчивость, подвижность восприятия войны, которое не является консистентной «политической позицией» и которое в некоторой степени свойственно очень многим нашим информантам — и россиянам в целом.

Новые оправдания войны: неизбежность, вынужденность и «реверсивные» обоснования

В изменяющейся реальности войны можно ожидать каких-то изменений в ее оправданиях. И, действительно, интервью, взятые осенью 2022 года, показывают, что некоторые расхожие уже весной оправдания теперь наполняются новыми смыслами, некоторые — становятся маргинальными, уходят на задний план и на их месте появляются новые. Источником перемен в оправданиях войны может служить, безусловно, не только меняющаяся реальность вокруг, но и изменения в риторике пропагандистских медиа. Оценка влияния последнего фактора, однако, требует отдельного исследования, которое мы не проводили. Поэтому в нашем отчете мы в первую очередь сосредотачиваемся на фиксации изменений в оправдательной риторике и их подробном описании. Поскольку восприятию войны и ее оправданиям посвящен большой, отдельный раздел (см. 2.1), здесь мы коротко расскажем только о некоторых новых оправданиях войны.

Осенью 2022 года, как и в начале войны, информанты продолжают оправдывать «специальную операцию» необходимостью защиты (русскоязычных) жителей Донбасса и наличием угрозы России со стороны НАТО и Запада в целом. Но оба эти аргумента расширяют свое содержание.

Так, говоря об угрозе со стороны НАТО/Запада, информанты зачастую делают два важных (и разных!) уточнения, которые наделяют разным смыслом противостояние России и Запада. Так, некоторые информанты, оправдывая войну «западной угрозой», как бы лишают Россию субъектности: с их точки зрения, Россия не нападает, а вынужденно защищается — от атак, прежде всего, США:

«Вопрос: А как вам кажется, чем это все кончится? И чем бы вам хотелось, чтобы это все кончилось?»

Ответ: <...> *Чтобы нас, Россию, оставили в покое. Ну, как этот конфликт с моей стороны выглядит? Это с американской стороны все началось. Так что я, конечно, за Россию. <...>*

Вопрос: *Вы сказали, что войну начинают люди. Какие конкретно люди?*

Ответ: *Я думаю, что все пошло с Америки. Ну, наши начали военную операцию, потому что они почувствовали угрозу, что пошла оттуда угроза какая-то, поэтому пошло все дальше»*

ж., 30 лет, хирург, ноябрь 2022

«Вопрос: *А если бы 24 числа Россия не начала войну, не ввела бы войска, то что было бы, как вы себе представляете?*

Ответ: *А мы бы все равно ввели бы войска. Терпение наше безгранично. Не мы нападаем, мы защищаемся. Если там фальсифицируют, что мы нападаем — это неправда»*

ж., 56 лет, университетская преподавательница, ноябрь 2022

Другие информанты — а иногда и те же самые информанты — оправдывая необходимость войны «угрозой с Запада», наоборот, наделяют Россию своего рода «маскулинной» субъектностью. Все сильные мира всего во все времена активно защищали свои международные интересы, в том числе военными методами, и Россия делает то же самое:

«Ну, как вам объяснить? Справедливая, несправедливая [война]... Мы отстаиваем свои интересы, и мы обязаны это делать, вот и все. Не мы развязали эту войну, согласитесь. Мы

отвечаем на события, а не создаем эти события, согласитесь»

ж., 56 лет, университетская преподавательница, ноябрь 2022

«Потому что у нас есть, как я считаю, у каждого государства, есть свои интересы. И каждое государство борется за свои интересы и многие государства очень жестко борются за свои интересы. Мы — не исключение, мы такая же страна, у которой есть свои интересы, которая имеет право за них бороться. А то, что таким путем — а каким еще? <...> У нас что не должно быть собственных интересов? Извините меня, посмотрите, как Турция за свои интересы бьется! Каждая маленькая страна за свои интересы бьется, начиная с Греции, Албании и так далее. <...> А у нас что, нет интересов? У нас тоже есть свои интересы, мы большая страна с трудным климатом, у нас ничего не растет само, мы все добываем в тяжелом труде и за все очень дорого платим. <...> Мы в эту Украину столько вложили, все заводы построили, дороги, все! Там огромный бизнес русский. Как это? В Германии или Франции, если бы они столько туда вложили, то они бы глотку перегрызли за каждый сантиметр. Да, я считаю, что у нас как у государства есть свои интересы. Почему-то не принято, не считается, что Россия может за них бороться, что все могут, а мы — нет. Приходится вот так...»

ж., 52 года, университетская преподавательница, ноябрь 2022

Таким образом, эти два в каком-то смысле противоположных

аргумента становятся частью одного оправдания: Россия была вынуждена «защищаться» в ответ на провокацию со стороны США/Запада, и, в общем-то, правильно сделала, потому что, чтобы быть сильной и процветающей, наша страна должна отстаивать свои интересы на международной арене. В обоих случаях Украина исключается из объяснения происходящего: она лишается субъектности, становится «марионеткой» в руках более сильных игроков. Безусловно, подобные аргументы мы встречали и в первых, весенних интервью — но осенью они все чаще звучат из уст наших информантов. Это не удивительно: подобная интерпретация позволяет нашим информантам, наблюдающим затягивание войны и увеличение жертв среди мирного населения, «жалеть» «простых украинцев», одновременно поддерживая действия России.

Аргумент, оправдывающий «спецоперацию» необходимостью защиты жителей Донбасса, тоже становится шире. С аннексией новых территорий и продвижением российских войск далеко за пределы Донецких и Луганских областей он начинает включать в себя отсылки к необходимости защиты русскоязычного или пророссийского населения Украины в целом:

«Это есть в народе, в понимании людей, кто жил на Украине (живет, будет там жить) — есть Западная Украина, есть Восточная Украина. Западная — это больше потомков и национальностей, связанных с европейскими государствами, которые с ней граничат. Восточная — это кусок, который имел больше контактов с Российской Федерацией. То есть там реально русского населения очень много. Это, может, банально, но своих не бросаем. <...> Мы, как люди, которые защищают русских в принципе, мы вписались в это — это советники и частные военные компании, которые поддерживали и поддерживали все это время ЛНР и ДНР»

м., 46 лет, предприниматель, ноябрь 2022

Интервью, взятые осенью 2022 года, обнаруживают также несколько новых способов оправдывать затянувшийся и уносящий все новые и новые жизни военный конфликт. Один из них — это представление войны как некоторого неприятного и даже катастрофичного природного явления. Такое природное явление ужасно, оно уносит человеческие жизни, но «выступить против» него бессмысленно — мы же не выступаем против наводнений, ураганов и землетрясений. Это означает, что с войной, как природной катастрофой, нам приходится мириться:

«Вопрос: Как ты сейчас относишься? Какое у тебя сейчас отношение к спецоперации?»

Ответ: А это то, что происходит. Это вот... Сейчас облачно. Это то, что происходит. На земле в общем и в целом всегда где-нибудь стреляют, убивают. Вот сейчас получилось так, что это достаточно рядом, можно сесть в машину и доехать»

м., 42 года, IT-специалист, октябрь 2022

«Как можно относиться к данности? Любой человек понимает, что это нельзя закончить за день, нельзя. Но в то же время я не вижу результат, что в конечном итоге должно быть — что? Какая конструкция? Сколько нас на Украине, сколько нам этой Украины? Как мы с ней дальше? Что это такое? Я не вижу конструкции, как это все будет. Но я понимаю, что не в моих силах это останавливать. <...> Я, как любой человек, хочу, чтобы все быстрее закончилось, чтобы все сели, договорились, все поделили. Но я также понимаю, что этого очень многие не хотят. Это не от нас зависит, и тем более не от украинцев. И что? Вот скажи мне, что мне может не нравиться в операции?»

*Мне ничего там не нравится! Но от этого
ничего не меняется»*

ж., 52 года, университетская преподавательница, ноябрь 2022

Отождествление войны с природным явлением и описание ее как «данности» также окончательно снимают с повестки вопрос о выявлении ответственных за ее начало. Война, как и плохая погода, происходит как бы сама собой. Ее окончание, как и ее начало, лежат вне зоны влияния человека (по крайней мере, вне зоны влияния простых смертных).

Еще один новый способ оправдывать войну — это так называемые «реверсивные» оправдания. «Реверсивный» означает изменяющий направление движения на противоположное. В этих оправданиях определенные последствия и «эффекты» войны, например, агрессивное поведение украинцев/ВСУ по отношению к россиянам, начинают рассматриваться как причины войны и становятся аргументами в защиту ее необходимости. Иными словами, те факты, что украинские солдаты пытаются пленных, украинские знакомые стали ненавидеть русских, ВСУ бомбят приграничные территории или страны НАТО поставляют оружие Украине, как бы проявляют «подлинную» «злую» природу Украины и оправдывают нападение на нее:

«Довольно-таки негативно я отношусь к этим националистам проазовским и их отношению к мирным гражданам. <...> А те мирные жители, которые там жили, больше боялись вот эту тероборону, вот эти нацбаты, тот же самый “Азов”. От них ничего, кроме, извиняюсь за выражение, подлунки и выстрела в спину. Это и подтверждено документально. То есть убийство мирных жителей, просто стрельба по детям, по женщинам, которые шли за едой, стояли за гуманитарной помощью за нашей. То есть минометные обстрелы, обстрелы домов из

танков. Это все реально доказанные факты причастности к этим вот злодеяниям вот этих вот национальных формирований Украины. <...> И самое, что ужасное, опять-таки, подтверждают то, что мы ведем дело, имеем дело и воюем против нацизма и фашизма, это видео кадры казни мирных жителей. То есть расстрел мирных жителей, убийства на этих оставленных территориях. То есть это говорит о том, что мы все-таки правильно ведем борьбу. И специальная военная операция — она правильная»

м., 42 года, профессия неизвестна, октябрь 2022

«Парни, которые пошли туда вначале, они не шибко туда хотели. А теперь они хотят довести дело до конца. Даже никто не знал, что это действительно фашизм — мы думали, что это все закончилось. <...> Многие не были настроены воевать, думали, что так, припугнуть, то-се. А когда копнули глубже, то там такое оказалось, что даже взрослые мужики не ожидали. Поэтому я считаю, что да, этот нарыв бы всплыл бы как-то. Я не думаю, что все бы просто так рассосалось. Потому что, судя по тому, как все происходит, конфликт бы случился»

ж., 52 года, университетская преподавательница, ноябрь 2022

Интервью с еще одним информантом демонстрирует как реверсивная логика может работать на поддержку войны в динамике. Этот информант, молодой научный сотрудник, как и многие, пребывал в шоковом состоянии в первый месяц войны. Он не понимал, зачем нужна «спецоперация» и отстранялся от ее

оценки. Однако постепенно события войны начинают захватывать его — и он признается, что, наблюдая реакцию украинцев на «спецоперацию», не может не сопереживать российской стороне:

«Первая точка [в формировании моего отношения] была, когда я посмотрел какое-то видео с украинской стороны. Там какой-то блогер на YouTube готовился с автоматом встречать русских в Киеве. Наверное, он ожидал, что люди испугаются еще больше, будут пытаться остановить войну. Но для меня это стало таким триггером, типа ничего себе... Он как-то резко, с матом, грубо это говорит, мне это не понравилось»

м., 32 года, работник наукоемкого производства, ноябрь 2022

Именно «недостойное» поведение украинских граждан, которое он наблюдает в сети, начинает определять его симпатии России, убеждать его в необходимости войны. В конечном счете он приходит к выводу, что «трагедия Украины в том, что ее просто взяли под внешний контроль, это не самостоятельная страна, ее используют как хотят» и «это представляет экзистенциальную угрозу для нас», а значит, Россия должна была начать «спецоперацию».

Таким образом, агрессия украинцев в адрес россиян, последовавшая за началом военной интервенции России на территорию Украины, расценивается информантами как немотивированная, асимметричная и зародившаяся как бы сама собой. Точно также подготовительные меры, предпринимавшиеся в Украине до 24 февраля 2022 года на случай российского вторжения (о котором стало известно всему миру из официального заявления правительства США еще в конце 2021 года), так же рассматриваются как доказательство участия Украины в некоем заговоре и наличии у ее правительства необоснованных агрессивных намерений в адрес Российской Федерации:

«Я немножечко как бы все равно думаю, что, наверное, это так и было бы [на нас бы напали,

если бы мы не напали]. Знаете почему? У меня сейчас одноклассник воеет там. И он говорит, что они очень хорошо подготовлены, они явно готовились к этому ко всему. Говорит об укреплениях, которые там настроены, о количестве техники, о том, что на них не напали врасплох. То есть они этого ждали. И еще у меня есть знакомые в Киеве. В принципе, они сейчас уже уехали оттуда в Париж, ну, это неважно, во Францию, которые тоже также мне, наверное, месяца за 2 начали говорить о том, что скоро Россия нападет на Украину. То есть я говорила, что это глупости вообще. Откуда вы такое вообще можете взять?! Что это за бред? Но тем не менее так оно и произошло. То есть я была, честно сказать, удивлена тому, что случилось. Я не ожидала, что может вообще это случиться. А они были уверены. Ну, и вот эта вся информация о том, что улетали дипломаты с Украины, олигархи на частных самолетах. То есть явно было понятно, что, да, что-то готовится»

ж., 49 лет, работница сферы образования, октябрь 2022

Наконец, осенью 2022 года усиливается тенденция, которую мы наблюдали еще весной — оправдание войны через представление ее неизбежным и даже вынужденным шагом. Вынужденность и неизбежность могут быть лейтмотивами самых разных аргументов в защиту войны: война — это вынужденная реакция на угрозу с запада; мы вынуждены защищать русскоязычное население Украины; Россия вынуждена была напасть первой, иначе напали бы на нее; война, как плохая погода, была неизбежна и так далее. Осмысление происходящего как неизбежного или вынужденного шага, опять же, позволяет людям сочувствовать погибшим с обеих сторон, испытывать негативные эмоции в связи с ужасами войны, иными

словами, сохранять некоторую человеческую, гуманистическую позицию — не выступая при этом против «спецоперации», а иногда и уверенно поддерживая ее.

1

2023

«Частичная мобилизация» и ее эффект

Многие ожидали, что объявление мобилизации изменит взгляд на «спецоперацию» рядовых граждан России, перенеся войну с далекого поля боя в российское общество непосредственно. Однако, как показывают наши интервью, взятые в октябре-декабре 2022 года, эти ожидания если и оправдались, то только в некоторой степени. Во второй части этого отчета есть отдельный раздел (см. 2.2), посвященный реакции наших информантов на объявление «частичной мобилизации» — поэтому здесь, не вдаваясь в детали, мы опишем только как отношение людей к мобилизации влияет (или не влияет) на их отношение к войне в целом.

С одной стороны, многие наши информанты (никто из которых, как мы помним, не является последовательным противником войны) оказались в разной степени недовольны мобилизацией — как по причине того, что она ставит жизни их близких (или их самих) под угрозу, так и потому, что ее организация и проведение кажется им не прозрачными, непонятными, нелогичными. Но, с другой стороны, если недовольство мобилизацией убежденных сторонников войны, людей с консистентной позицией, часто делает их взгляд на характер ведения «спецоперации» в целом более критическим, то аналогичное недовольство людей, далеких от политики и намного менее уверенных в необходимости войны, редко трансформируется в ее критику — как в целом, так и в частностях.

Даже среди наших информантов-убежденных сторонников войны оказалось много людей, недовольных мобилизацией. Чаще всего такие информанты критикуют «бардак» в организации призыва на фронт: отсутствие четких его критериев, призыв некомпетентных непрофессионалов, отсутствие должного снабжения и обучения

новобранцев. Впрочем, некоторых из них не прельщает и возможность самим оказаться на поле боя:

«Я не сильно был обрадован этой новостью насчет мобилизации. <...> Насколько я понимаю военное дело, я думаю, что современная армия обойдется без такого немолодого человека со скромным военным опытом [имеет в виду себя]. Я не понаслышке знал, кто командует вооруженными силами в ДНР, в России. Мне не хотелось... Все, что мог, я сделал для этого дела. Не испытываю намерения помогать, скажем так»

м., 43 года, эксперт по проектным делам, октябрь 2022

Этот информант, хоть и не перестает поддерживать войну, разочаровывается в ходе ее ведения. Он признается, что не ожидал, что «спецоперация» продлится так долго, что российская армия и система управления окажутся настолько неэффективными. Сам способ, которым он оправдывает войну, тоже меняется. Если в весеннем интервью он подробно перечисляет цели, для достижения которых нужна «спецоперация», то в осеннем он оправдывает «спецоперацию» «от противного» — она необходима потому, что украинский режим еще хуже, чем российский. Недовольство мобилизацией в этом смысле органично встраивается (и влияет) на его недовольство ходом «спецоперации» в целом.

Большинство наших информантов-убежденных сторонников войны также указывают на недостатки в организации мобилизации. В приведенной ниже цитате из одного из таких интервью видно, как критика информантом мобилизации, опять же, является частью (и влияет на) его разочарование в ходе «спецоперации»:

«Мне казалось, что они все делают правильно. И все это продолжалось, наверное, до того момента пока не всплыли некоторые косяки с мобилизацией. Тут вопрос стал очень

*интересным. Если можно воевать железяками, если можно собрать какие-то ресурсы и воевать ресурсами, почему пытаются воевать людьми? Вообще, мясом, если так вот грубо это назвать. Плюс у меня некоторые знакомые уехали в “лагеря по подготовке” (назовем это в кавычках) этих мобилизованных. **Всплыло очень много огрехов всяких государственных, всего вот этого вотхлама и мусора.** То, что людей не учат на самом деле в этих лагерях по подготовке вообще ничему. Я тут случайно в кафеке видел на трассе. Телевизор включен, то есть это опция, от которой ты не можешь отказаться. И вот там вещают по поводу того, как у нас клево идет подготовка мобилизованных к войне, к участию в боевых действиях. И тут же буквально вот за пару дней до этого я созванивался со знакомым, который находится в Ульяновске в такой части. **По телевизору показывают одно, а по факту вообще другое.** Вот тут у меня получился большой такой вопрос. Типа: что же нам по телевизору показывают? Что там в интернете пишут? И что по факту?»*

м., 37 лет, предприниматель, октябрь 2022

То есть, после наблюдения за организацией «частичной мобилизации» этому информанту больше не кажется, что «они все делают правильно». Он разочаровывается в российском руководстве, начинает критиковать телевизионную пропаганду, более пессимистично смотрит на последствия войны. Именно недовольство мобилизацией в его случае как бы «запускает» процесс разочарования в «спецоперации» (но — и это важно понимать — не заставляет его перестать поддерживать последнюю).

Такая связь между недовольством мобилизацией и критикой «спецоперации» в целом (включая критику в адрес ее организаторов и исполнителей) почти отсутствует у далеких от политики информантов, неуверенно (и во многом вынужденно) поддерживающих войну или отстраняющихся от ее оценки. В первой части этого раздела мы уже цитировали интервью с предпринимательницей из Москвы, взгляд на войну которой меняется как будто бы «в обе стороны» одновременно. Она резко и однозначно негативно высказывается по поводу перспективы отправиться на фронт в рядах российских мобилизованных: *«если бы меня ждала мобилизация, то меня бы тут не было через 3 минуты»* [ж., 37 лет, предпринимательница, октябрь 2022]. Но категорическое неприятие мобилизации не делает ее противницей войны. Напротив — делится с нами она — ей становится все больше обидно за Россию, на которую ополчились все вокруг, и ей хочется, чтобы Россия активнее отстаивала свои интересы, в том числе — на территории Украины.

Другая информантка, тридцатичетырехлетняя соосновательница стартапа, рассказывает, что *«прибалдела»*, когда услышала новости об объявлении мобилизации. Ей было тревожно и страшно:

«Да, я переживала конечно, что его заберут, я переживала, что заберут моего молодого человека, я переживала, что заберут моих близких друзей. Потому что просто это обычное переживание за человека, который может уйти и не вернуться обратно»

ж., 34 года, со-основательница IT-стартапа, ноябрь 2022

Но дальше она продолжает:

«С одной стороны, когда происходят такие вещи, очень страшно, что кого-то из твоих близких заберут и этот человек просто там погибнет. С другой стороны, когда люди начали массово ломиться в другие страны — кто в Казахстан, кто в Турцию, кто еще куда-то...

Честно говоря, если бы кто-то из моих начал бы так делать, то, возможно, я бы стала меньше уважать этого человека. Это очень странное смешанное чувство. Но все-таки, наверное, нам всем в детстве прививали, еще борьба с фашистской Германией и прочее, что у нас были люди-герои, которые ушли на войну, сражались там за родину, за мир и так далее. Все-таки, это достаточно сложно искоренить в нашем воспитании»

ж., 34 года, со-основательница IT-стартапа, ноябрь 2022

Иными словами, страх перед мобилизацией соседствует с верой в то, что настоящие мужчины все-таки должны идти воевать — в том числе, на текущей войне. И, уже ожидаемо, этот страх не превращает ее в противницу войны. Она не перестает считать «спецоперацию» необходимой:

«Мы, наша страна, продолжает бодаться, условно, с Америкой. <...> Ну, нет такого, как говорят “мы вторглись в другую страну, мы страна-агрессор” и так далее — мы вторглись не на пустом месте. Понятно дело, что методы, может быть, не очень: началась эта военная операция, это все очень неприятно. Но не было такого (как я себе представляю), что мы просто сидели на одном месте и такие “а не пойти бы нам на Украину насадить свои порядки?”. Я считаю, что да, к этому конфликту подводили нас и другие страны, в этом замешанные. Наверное, в какой-то момент это действительно понадобилось. <...> Наверное, это все не просто так. Потому что мы могли бы и восемь лет назад это сделать, пять лет назад это сделать, но почему-то это

случилось сейчас»

ж., 34 года, со-основательница IT-стартапа, ноябрь 2022

Еще один информант, двадцатитрехлетний аналитик данных, тоже оценивает мобилизацию негативно — впрочем не потому, что ему страшно за себя или за близких, а потому, что ему не нравятся новые потенциальные жертвы, к которым она приведет:

«И вот это [мобилизация] у меня не вызвало вообще никаких эмоций. Я такой типа: все стало еще чуточку похуже. И, может, и не чуточку. <...> Но, я думаю, что в целом этот новый виток войны не принесет ничего хорошо. Он очень сильно нам поможет на поле боя, насколько я понимаю, потому что там эта контрактная армия, не знаю сколько насчитывающая еще в начале, судя по британским, американским оценкам была до 200 тысяч, против всей мобилизованной Украины — это очень смешная цифра на такой фронт. Поэтому, наверное, сейчас что-то, конечно, изменится в нашу сторону, я думаю, но в целом это событие для страны очень паршивое. Потому что, сколько людей теперь погибнут на этой войне...»

м., 23 года, аналитика данных, октябрь 2022

Вместе с тем этому молодому мужчине удавалось сохранять нейтральное отношение к происходящему весной 2022, а вот осенью 2022 года, в повторном интервью, он начинает склоняться к чуть большей, чем ранее, поддержке войны. Ему не нравится агрессивное отношение к рядовым россиянам по всему миру, его ужасает поведение украинских военных с российскими пленными и, наконец, ему кажется, что отступать уже поздно:

«Со временем я понял, что все это будет сильно

затягиваться, что не получится уже просто отойти и сказать: “Простите, мы... Не бейте нас. Мы там перепутали что-то”. И я, скорее, стал занимать ту позицию, чтобы мы просто не сдались. <...> Многие занимают ту позицию, что, мол, раз вот мы против войны, то давайте тогда просто сдадимся и все. Вот я так не считаю. Я считаю, что я вообще против войны. Но уже ничего нельзя сделать, поэтому просто тогда уж хотя бы не сдавайтесь, раз вы это начали. То есть относительно времени моя позиция менялась вот так. Даже, скорее, в каких-то моментах она стала более поддерживающей войну»

м., 23 года, аналитик данных, октябрь 2022

Бывает и обратное: серьезные сомнения в оправданности и неизбежности войны могут сочетаться с готовностью отпустить на фронт своих родственников, например, сыновей или супруга. Так, сорокадевятилетняя работница сферы образования из Челябинска, которая пыталась найти оправдание «спецоперации» весной, в повторном, осеннем, интервью все больше сомневается в том, что война явилась результатом заботы о благе страны и что решение о ее начале было единственно возможным:

«Как сказать? “Паны дерутся, а у холопов чубы трещат” — так скажем. Я понимаю прекрасно, что эта война кому-то выгодна, и это совершенно не то, что нам говорят. А это просто есть какие-то политические такие выгоды для кого-то. Ну, это мое мнение. Может быть, оно ошибочное. Не знаю. <...> То есть я считаю, что можно было все равно как-то дипломатическим путем решить все, а не развязывать эту войну. Потому что жалко

людей, которые гибнут, причем гибнут в больших количествах. Ради чего? Я пока не понимаю»

ж., 49 лет, работница сферы образования, октябрь 2022

При этом, когда разговор заходит о мобилизации, кажется, что она уже смирилась с потенциальным призывом на фронт сына и мужа — то есть с ужасным, катастрофическим для нее, но при этом (в ее же восприятии) совершенно неизбежным исходом:

«Ну, наверное, если вторая волна будет — и сына, и мужа, наверное, заберут. Этого очень боюсь. Ну, состояние тревоги. Да...»

ж., 49 лет, работница сферы образования, октябрь 2022

В любом случае, восприятие мобилизации и восприятие войны оказываются не связаны между собой напрямую. То есть не происходит того, чего ожидали многие наблюдатели — трансформации недовольства по поводу мобилизации в недовольство войной как таковой.

1° 2° 4° **Новый патриотизм? Не против Украины, а за Россию**

Выше мы описывали динамику индивидуального восприятия войны информантами, пусть и типичную, то есть свойственную многим из них. А происходят ли изменения на уровне общества в целом? Появляются ли новые коллективные чувства, новые общественные феномены, затрагивающие целые социальные группы?

На материалах наших осенних интервью мы заметили усиление и даже появление новых, прежде чуждых нашим информантам

ощущений и чувств, связанных с привязанностью к стране, родине. Интересно, что эти ощущения, порой смутные, не до конца проговариваемые, часто появляются у тех, кто прежде никогда не размышлял о таких абстрактных, не вполне осязаемых явлениях как, например, «родина». Далекие от политики люди привыкли беспокоиться о конкретных, а не абстрактных общностях — друзьях, семье, родственниках.

Эти новые переживания о судьбе страны, испытываемые нашими информантами, становятся заметны при сравнении первых, весенних интервью и повторных, осенних с одними и теми же людьми. Для убежденных сторонников войны, конечно, ценности патриотизма не являются новыми — но они могут усиливаться. Например, сорокашестилетний музыкант со строительным образованием из небольшого российского города уже в первом интервью называет себя «пророссийским человеком», который именно поэтому поддерживает действия российского правительства. Оправдывая войну, он говорит прежде всего о необходимости защищать народ Донбасса от «украинского режима». Во втором интервью, рассуждая о своей поддержке войны, он делает акцент на необходимости защиты родины:

«Понятно дело, что человеческие жизни есть человеческие жизни, а вот защита родины от всего того, что сейчас происходит—это прям вот первостепенная, я считаю, задача. <...> Не хочу, чтобы была война, но надо будет драться и придется это делать. Страна призовет, и я пойду»

м., 46 лет, строитель, музыкант, октябрь 2022

Интереснее, однако, наблюдать эту динамику на примере неуверенных, далеких от политики информантов. Многие из них не просто не задумывались об абстрактных ценностях в начале войны, они отстранялись от ее оценки как раз потому, что дискуссия о войне, которую вели противники со сторонниками, была дискуссией чуждых им политических идей. Но осенью, порой

неожиданно для самих себя, они начинают говорить об этих идеях и идеалах.

Уже цитируемая выше студентка из Москвы рассказывает в первом, весеннем интервью, что не может — и не хочет — занимать позицию в отношении войны. Она старается не читать новости, обе стороны конфликта вызывают у нее одновременно сочувствие и недоверие. Она считает, что война не касается ее напрямую, не затрагивает ее жизнь и жизнь ее близких, а значит, она не обязана иметь «мнение» по поводу нее. В течение полугода после этого разговора, и особенно, после объявления мобилизации, все больше ее антивоенных знакомых уезжают из страны, а следовательно, ее окружение становится все более провоенным. Это начинает влиять и на ее восприятие происходящего. В осеннем интервью она признается:

*«Много моих друзей за войну. Я сейчас общаюсь с людьми, которые не то, чтобы за войну, они не говорят, что война — это классно. Те, кто остался, они считают, что война — это очень плохо, но, если она началась, в ней видимо придется участвовать. Сначала я думала, что это безумие, но, когда два моих лучших друга с высшим образованием, очень умные, говорят, что собираются ехать на фронт добровольцами. Первой моей фразой стало: **“Ты что, с ума сошел? К психиатру сходи. Таблетки начни пить”**. Потом мы с ними поговорили, и я узнала, что они находят смысл в этом, потому что если война, то нужно защищать страну. Я пыталась сохранить нейтральную позицию, но мне этого не удалось. <...> Те, кто уехал, я их совершенно понимаю, но **я на стороне тех, кто остался, и они при необходимости готовы пойти воевать**. Не могу объяснить почему они так считают, **что-то связанное с патриотизмом, наверное**. Если наша страна воюет — это очень*

плохо, но, если мы в этой войне проиграем, будет еще хуже. Не мы это начали, но нам эту войну заканчивать»

ж., 21 год, студентка, ноябрь 2022

Эта информантка не начинает доверять пропагандистским объяснениям войны и, в общем, рада бы сохранять нейтральность — но ей не удается этого сделать. Она не считает себя «патриоткой» или «пророссийским человеком», и сама с удивлением замечает эту перемену в ее чувствах, которую она пока даже не может назвать — «что-то связанное с патриотизмом». Она привыкла заботиться о своих близких, но никак не о стране. Это переживание — новое для нее, и она пока не знает, что с ним делать.

Такого рода переживания рождаются, когда быстрая политизация общества (в смысле необходимости определиться на какой ты стороне в сложном (гео)политическом конфликте) затрагивает далеких от политики людей. Эти люди чувствуют, что не могут оценить достоверность «политических» аргументов за или против войны, они не доверяют пропаганде с обеих сторон, но им все сложнее оставаться в стороне. Совершая выбор в таких условиях, они «цепляются» за то, в чем они могут быть уверены — например, за свою национальную принадлежность. Они как бы говорят: мы никому не доверяем и ничего не понимаем, но одно мы знаем точно — мы россияне, а не украинцы, значит, нам нужно быть со своей страной. Следующий фрагмент из интервью иллюстрирует эту тенденцию:

«Тогда [в весеннем интервью] спрашивали, как я отношусь к этому всему, и тогда у меня не было какой-то четкой позиции, потому что я не понимала, кто прав, кто виноват. Я даже не могла сказать, за я или против. Сейчас, опять же, я не могу точно сказать, за я или против, потому что у меня не хватает информации, как я говорила. А чтобы

разрешить свою внутреннюю дилемму я пришла к простой мысли, она мне помогает за что-то зацепиться, чтобы меня не носило туда-сюда — в принципе, я понимаю, что, когда касается этих разборок между странами, эти правительственные игры, там хороших-то, в принципе, и нет. В моем понимании условно “плохие” все. Есть плохие свои и есть плохие чужие. Поэтому, наверное, я больше предпочитаю оставаться с плохими своими. Я все-таки человек, который живет в своей стране, который тут родился. <...>

Вопрос: А почему вам кажется, что важно, чтобы вас не носило от мнения к мнению? Почему важно иметь позицию?

Ответ: Не то, чтобы иметь позицию... Просто получается так, что я не могу сформировать свое полноценное к этому отношение просто для того, чтобы мне самой было легче определиться. Мне нужно зацепиться. Раз у меня нет информации, мне нужно зацепиться за что-то другое»

ж., 34 года, со-основательница IT-стартапа, ноябрь 2022

Еще одна аполитичная информантка, не понимая причин конфликта, «цепляется» за другую очевидную вещь — только на одной стороне есть наши, российские солдаты, они «защищают нашу страну» и именно их нужно поддерживать:

«За что там умирают русские солдаты? Я не знаю, что им там рассказывают, у них определенная пропагандистская работа в войсках идет. Им там говорят, за что они умирают. Каждый раз, когда они выходят в бой, им начальник говорит: “Мы сейчас идем

умирать за то-то и за то-то”. Я не знаю, что им там рассказывают. Но для меня лично — они защищают мою страну. Мы уже в конфликте, в котором надо принимать участие. И с нашей стороны — они, вот эти солдаты. Они на нашей стороне в этом конфликте, за это они умирают. Вопрос: за что, почему развязало руководство страны конфликт? Такой, подвешенный. Я не знаю»

ж., 37 лет, инженер, в декрете, октябрь 2022

Стоит отметить, что еще весной 2022 года, в первые месяцы войны, многие далекие от политики информанты оправдывали войну говоря, что они должны занимать сторону своей страны («даже если она не права»). Но осенью это оправдание наполняется новым, более конкретным содержанием. Например, весной подавляющее большинство информантов, говорящих о необходимости «быть со своей страной», ссылаются на высказывание актера Сергея Бодрова, которое они недавно услышали «где-то в интернете». Иными словами, в первые месяцы войны эта оправдательная конструкция появляется в интервью скорее как клише, готовое заимствование, которое информанты еще не успели до конца присвоить. Осенью же те же информанты размышляют о новых для них чувствах привязанности к родине, патриотизма. Слова еще одной информантки иллюстрируют эту рефлексию:

«Я прошла полностью всю эту палитру от ненависти к своей стране до ощущения, что я с ней. <...> Я желала Путину смерти. <...> И отец очень сильно на меня... Ну, в общем сказал базу, как сейчас модно говорить. Он очень ясно мне дал понять, что интересы одного человека (то есть, мои личные), они не имеют никакой роли, потому что есть народ, есть родина. И либо ты здесь, либо ты действуешь в интересах общества своего, либо ты отщепляешься

и живешь свою жизнь вот так. <...> Я вам честно скажу, что все, что происходит, это трагедия. То есть, например, я хочу, чтобы эта война закончилась. Но из-за того, что я понимаю, сколько поставлено для нашей страны на карту, естественно, я не могу не хотеть, чтобы там ситуация разрешилась не в пользу России, а были учтены интересы России. Но, например, меня не радует то, как страдают мирные люди. <...> Как объяснить? Ну, я не радуюсь тому, что происходит. Я не рада! Для меня больно осознание, что мирные люди терпят лишения. Я не рада, читая новости о том, какое количество людей погибло со стороны Украины. Я этому не рада. Это ужасно больно. Но так как ты принимаешь сторону... Ну, блин, это очень сложно. Мне больно, я хочу, чтобы это скорее закончилось. Но с интересами нашей страны. Когда ты так говоришь, это людоедская какая-то позиция, потому что ты как бы хочешь выиграть. Это какой-то абсолютно милитаристский лозунг, но ты понимаешь, сколько поставлено на карту. И уже сколько лишений, что интересы должны быть учтены»

ж., 30 лет, редактор в IT сфере, октябрь 2022

Размышления о судьбе родины действительно часто служат оправданием продолжения войны — или, скорее, оправданием того, чтобы не выступать за немедленное прекращение боевых действий ценой поражения России. Но новые для информантов переживания о судьбе страны не всегда означают, что они начинают все больше склоняться к поддержке войны. Например, один из наших собеседников, двадцатитрехлетний журналист, тоже переживает новые для него чувства патриотизма:

«Вопрос: *Изменилось ли как-то ваше отношение к России за эти пол года?*

Ответ: *Да, да, я думаю, что я стал большим патриотом. Я понял, что со своей родиной я буду до конца идти, что бы не произошло, как бы тяжело ей ни было. Я никуда не уеду, я буду русским, буду с ней до конца. Раньше я был более такой космополитичный в каком-то плане. То есть я не считал, что я самый главный патриот»*

м., 23 года, журналист, октябрь 2022

Но это переживание не делает его сторонником войны. Напротив, осенью 2022 года он видит множество негативных последствий «спецоперации» — в том числе усиление репрессий, уничтожение гражданского общества, изоляционизм; он считает, что полномасштабной войны можно было избежать, а свое отношение к Путину описывает как однозначно негативное.

Еще одна информантка, сорокапятилетняя специалистка в области логистики из Самары, во время первой беседы с нами весной 2022 года рассказывает, что не интересуется политикой настолько, что даже не обратила внимания на начало войны. На момент интервью (конец мая 2022 года) ей все еще не понятны причины войны, и она возлагает вину за ее начало на всех участников конфликта (включая, разумеется, США). В повторном же интервью, состоявшемся осенью 2022 года, она признается, что желает скорейшего окончания войны на любых условиях, что ей не нравится присоединение к России новых украинских территорий — она уважает суверенное право Украины на распоряжение ими, что ей жаль погибших с обеих сторон, и что Россия ничуть не лучше США, также отстаивающих свои интересы военными методами. Иными словами, она движется в сторону еще большего неприятия войны. Эта информантка, разумеется, отрицательно восприняла новости об объявлении «частичной мобилизации», однако она

неожиданно признается, что призывали бы ее — она бы не стала скрываться и пошла бы на фронт. Вот как она объясняет это кажущееся противоречие:

«Ну, наверное, если бы меня призвали, я бы пошла. Я бы не стала бегать куда-то за границу и прочее. А так все равно резко отрицательно [отношусь к мобилизации]. <...> Я бы пошла, если надо, санитаркой или готовить, или мыть посуду, если призовут — бегать точно не буду. <...> Там воюют наши люди. Как я могу не пойти? Как бы я отрицательно ни относилась, но я пойду выполнять свой гражданский долг. Не против украинцев воевать, а нашим там помогать. Это и сестринский медперсонал или что-то. Я не говорю о том, чтобы стрелять. Нет»

ж., 45 лет, транспортный логист, октябрь 2022

Мы видим, что и она переживает отчасти новое для нее чувство долга по отношению не только и не столько к близким, сколько к стране в целом. При этом это чувство долга и любви к стране не заставляет ее оправдывать войну — напротив, она находит все меньше оправданий так называемой «спецоперации».

Кажущееся на первый взгляд парадоксальным сочетание роста патриотических настроений с усилением негативного отношения к войне в целом, которое мы видим у этой информантки, на самом деле далеко не случайно. Источником «нового патриотизма» в данном случае выступает ощущение солидарности с соотечественниками, которые оказались втянуты в кровопролитную войну с соседями против своей воли. Как говорит эта информантка, «Я не против украинцев [пошла бы на фронт], а нашим помогать». Показательно, что некоторые из обнаруживающих у себя патриотические чувства информантов подчеркивают, что хорошо относятся к украинцам.

Ситуация мобилизации (то есть, по сути, недобровольного привлечения людей к участию в боевых действиях) только усиливает это чувство солидарности и сопричастности. В условиях непосредственной угрозы жизни, в которой оказались личные знакомые информантов или даже просто «обычные люди», с которыми информантам легко себя идентифицировать, вопросы об оправданности решения власти о начале войны как бы уходят для них на второй план. Для наших информантов решение подчиниться призыву и пойти на фронт — это не результат свободного выбора (несмотря на утверждение либеральных медиа об обратном). Для многих война с Украиной — это уже сложившаяся, не зависящая от их воли ситуация. И это общая для всех россиян беда, реальная и осязаемая, в которой они нуждаются во взаимопомощи.

Иными словами, несмотря на то, что переживание новой для информантов привязанности к абстрактным общностям — стране, родине — часто идут рука в руку с оправданием войны (и служат таким оправданием), поддержка военной агрессии и «новый патриотизм» все-таки не связаны напрямую и могут не совпадать. Эти зарождающиеся ценности любви к родине и патриотизма у людей, прежде далеких от политических идеологий, не могут быть сведены только к поиску ими оправданий войне — это более широкий процесс, значение (и последствия) которого нам еще предстоит осмыслить.

1° 2° 5° **Почему так происходит? Механизмы изменений в восприятии войны**

Анализ новых интервью, особенно в сравнении с материалами первой, весенней волны, позволил нам сделать некоторые предположения о том, почему наши информанты (не)меняют свои взгляды на войну.

В первую очередь, необходимо ответить на главный вопрос: почему взгляды не меняются кардинально, почему сторонники «спецоперации» не становятся ее противниками и наоборот. В каком-то смысле мы имеем дело с парадоксом. С одной стороны, люди, еще вчера аполитичные, стремительно осваивают военно-политическую реальность, в результате чего их взгляды находятся в непрерывном развитии, они уточняются, корректируются, меняются. С другой же стороны, мы видим, что набор мнений о войне в обществе остается стабильным, в нем есть определенная устойчивость. Возможно, однако, что это не столько противоречие, сколько две стороны одной медали. Действительно, когда человек аполитичен и стремительно политизируется, в его или ее голове может возникнуть множество новых смыслов и оценок. Поляризация мнений, принуждающая к выбору стороны, как и нехватка политического опыта и общественной дискуссии, приводят к тому, что восприятие войны подвижно, оно меняется — но колеблется в узком диапазоне. Этот диапазон узкий, потому что далекие от политики люди могут быть верны своему ставшему привычным восприятию войны, и к тому же оказываются не готовы занимать «радикальные» позиции, быть однозначными сторонниками или противниками войны. В результате мы наблюдаем динамику оттенков стабильной оценки.

Эти оттенки, тем не менее, меняются, и меняются в разные стороны. Почему? Это происходит под влиянием разных факторов, не все из которых позволяют зафиксировать наши интервью. Но влияние кое-каких из них мы видим — например, поляризацию взглядов на войну в обществе и динамику личного (не)успеха в жизни и карьере.

Одним из факторов укрепления в своем мнении о войне является общественная поляризация ее оценок в разных средах россиян. Эта поляризация как бы ставит вопрос ребром: выступаете вы за или против «спецоперации»? Интервью с одной из наших информанток (которое мы обильно цитируем выше) ярко демонстрирует действие этого фактора. Эта информантка не имеет четкой позиции в отношении войны весной, однако с течением времени — и это видно в повторном, осеннем, интервью с ней — она движется в сторону большей поддержки войны. Дело в том, что она, будучи светской девушкой, учащейся в престижном

московском вузе, неизбежно погружена в политические дискуссии. При этом, будучи совсем молодой и аполитичной, она крайне зависима от мнений, аргументов и оценок окружающих ее людей. Эта зависимость от авторитетных мнений своих знакомых и друзей обнажает механизм воздействия поляризации на восприятие войны. В первом интервью она говорит, что о начале войны узнала из чата, где «ее знакомые обсуждают политику». Эта формулировка красноречива: в ее кругу обсуждают политику, но она не говорит «мы обсуждаем», она делегирует субъектность суждений о политике «знакомым», тем самым выдавая свою установку на ориентацию на эти суждения. В обоих интервью она часто говорит о том, что «к ней домой приходят» люди, придерживающиеся разных оценок «спецоперации». Она переживает, что эти люди спорят между собой, при этом с какого-то момента, в особенности после отъезда из России антивоенно настроенных приятелей, в ее кругу начинают доминировать сторонники войны. Даже новости она зачастую читает не сама, а спрашивает у авторитетных знакомых:

«Вопрос: А какие вообще вы используете источники для получения информации о мировых событиях? Какими СМИ вы привыкли использовать?»

Ответ: Люди, которые следят за мировыми событиями и могут как-то фильтровать ситуацию, я могу к ним обратиться по какому-то узким вопросам»

ж., 21 год, студентка, ноябрь 2022

Говоря о первоначальной поддержке действий российского руководства, она прямо указывает на свое окружение как источник формирования своих взглядов:

«Вопрос: А можете вспомнить, почему вы склонялись к силовому решению?»

Ответ: Наверное, это из-за моего круга общения. У меня много вокруг парней, которые

хотят героически перестроить мир, которые сами бы хотели в войне поучаствовать, может»

ж., 21 год, студентка, ноябрь 2022

В результате разворачивающаяся вокруг информантки поляризация мнений как бы затягивает ее в себя помимо ее воли. Информантка признается: *«Я пыталась сохранить нейтральную позицию, но мне этого не удалось»*, и добавляет: *«Теперь я боюсь, что мне придется выбирать между людьми»* [ж., 21 год, студентка, ноябрь 2022]. Обнаруживая себя между двумя все дальше расходящимися полюсами, она начинает все сильнее склоняться к поддержке войны как к наиболее распространенной, доминирующей оценке (а заодно и к соответствующей аргументации):

«Много моих друзей за войну <...> Те, кто остался, они считают, что война — это очень плохо, но, если она началась в ней видимо придется участвовать»

ж., 21 год, студентка, ноябрь 2022

Важно отметить, что в случае этой информантки движение в сторону поддержки войны обусловлено не только фактором поляризации, но и ее уверенным экономическим и социальным положением в российском обществе. Война и сопутствующие ей изменения не подорвали это положение — информантка осталась состоятельной, успешной, привилегированной, ей есть, что терять. Возможно, также и поэтому в условиях поляризации она выбирает сторону поддержки текущей политики российской власти, в том числе, в отношении Украины.

Фактор личного (не)успеха можно проиллюстрировать и двумя другими интервью: с молодым человеком, который укрепляется в своей поддержке войны, и с мужчиной, который все более скептически смотрит на действия российской армии в Украине. Первый информант — это убежденный сторонник-«оптимист» из раздела выше. Его поддержка российской армии и руководства страны крепнет; его отношение к Украине и украинцам становится

более агрессивным, даже ожесточенным; он добавляет в набор «оправданий» аргумент о противостоянии России и НАТО. Если сопоставлять два интервью с ним, то видно, что во втором интервью установка на защиту своего (и своего окружения) положения в обществе дополняется тезисом о необходимости защиты страны от Запада:

«Если надо, если начнется какая-то задница, ну, я за себя уверен. Я возьму автомат, и пойду херачить тех, кто там поперт на нас. Не задумываясь, кто он там: оккупант, спасти нас хочет типа. У меня здесь мать, у меня здесь любимая женщина, мне их нужно защищать. <...> Была бы моя[воля] — я бы был там [в зоне боевых действий], просто меня туда никто не взял. И не с целью убивать кого-то, а это просто защита интересов своего государства. Другого у меня нет»

м., 27 лет, звукорежиссер, октябрь 2022

Во втором интервью с ним также усиливается мотив опоры на себя, осознания собственной агентности:

«Сейчас народ начинает хоть чуточку прозревать и понимать, что волшебник в голубом вертолете не прилетит. Хочешь хорошо жить? Делай все сам. Если будешь стараться, то оно получится»

м., 27 лет, звукорежиссер, октябрь 2022

За время между двумя интервью информанту удалось бросить нелюбимую работу и получить привлекательную позицию, связанную со сферой, которая прежде была его хобби (музыка). Опыт карьерного роста и профессионального успеха подкрепляет уверенность в том, что Россия вследствие войны движется в верном направлении в экономике:

«Хотя, вот эти стереотипы, типа “ой, в России что-то делают”... Пока сам не попробовал, не убедился, что это не то что не хуже, а это даже в какой-то степени лучше, чем западное. Особенно тот факт, что я узнал об этих производителях от западных источников, а они, оказывается, делаются здесь, в Питере, в здании, где рисуют “Смешариков” — мы с коллегами пользуемся прекрасно»

м., 27 лет, звукорежиссер, октябрь 2022

А главное — информант уверенно говорит о том, что его положение в обществе улучшается:

«И самое странное — за эти полгода бытовые условия только улучшаются. Не только потому, что зарплата растет или еще что-то, но какие-то перспективы начинают мелькать»

м., 27 лет, звукорежиссер, октябрь 2022

В случае с этим информантом фактор личного успеха действует вкуче с фактором поляризации. Успеху сопутствует вторичная социализация в институтах общества, в которых доминируют провоенные взгляды, резко расходящиеся с «либеральными»:

«Я начал заниматься спортом, а то, чем я занимаюсь — это либо какие-то военные учебные заведения, либо [в] пророссийски настроенных учебных заведениях, там везде эта пропаганда и все такое. И мужики, которые тренируют, они патриоты, в хорошем смысле слова патриоты — не вот эти, ура-диванные, а вполне себе адекватные мужики. Ну, это тоже безусловно повлияло на меня. Хотя бы что [есть] такое

слово, которое нужно держать — это я для себя усвоил. А что-то в либеральной повестке я такого не наблюдаю»

м., 27 лет, звукорежиссер, октябрь 2022

В то же время, другой информант, который становится более критическим в отношении к войне, критикует ее за то, что она ведет к нарушению законности в России, к сужению правового поля:

«Мы там вышли из этого Совета Европы. Откуда-то там еще нас выгнали. Из международных организаций мы выходили, которые раньше с горем пополам, но как-то заставляли вот эти наши институты гражданского общества развиваться. Сейчас же это все сходит на нет»

м., 39 лет, специалист по недвижимости, октябрь 2022

Интервью с ним позволяет предположить, что на работе и в жизни он непосредственно сталкивается с проблемами и фрустрациями вследствие нехватки правовых механизмов регулирования профессиональной деятельности:

«Я достаточно неплохо разбираюсь, как работает система бюрократическая наша. И в своих, так сказать, рецептах я использую только методы угрозы и шантажа. И за счет этого я добиваюсь соблюдения закона. Хотя, в принципе, мне кажется, что так быть не должно. То есть если по закону что-то должно быть, то не надо угрожать или запугивать тех же чиновников, что если они это не будут выполнять, то ты их накажешь за это»

м., 39 лет, специалист по недвижимости, октябрь 2022

Таким образом, мы видим, что общественная поляризация мнений и личный (не)успех, задающий прочность положения в обществе, могут вместе воздействовать на динамику восприятия войны. Другие факторы, задающую эту динамику, нам еще предстоит изучить.

Итак, повторные интервью с информантами, с которыми мы уже говорили весной, показали: в течение прошедших полугода люди не поменяли кардинально свою оценку войны. В то же время, этот вывод не так уж и прост — мы видим, что оттенки мнений, оценок, суждений о войне находятся в процессе постоянного изменения, развития. Твердые сторонники становятся более убежденными и агрессивными, а иногда — более критичными и пессимистичными. Неуверенные сторонники могут становиться более разочарованными и даже отчаявшимися, что не отменяет их попыток оправдать войну и действия российского руководства и армии. Некоторые информанты меняют свое отношение двояко: они становятся и более сочувственными, и более критичными — в этом случае речь идет о разных аспектах «спецоперации». Есть среди наших информантов и исключения, подтверждающие правило. Их восприятие войны может сильно меняться, однако, речь не идет здесь о полноценных политических позициях, это сильный дрейф или даже шторм, но обычно — в пределах противоречивых, «неуверенных» оценок.

Аргументы и «оправдания», объясняющие войну, наделяющие ее смыслом, становятся более широкими и разнообразными в сравнении с ситуацией весны 2022 года. Так, некоторые непротивники войны начинают оправдывать ее «реверсивно», считая, что реакция/поведение Украины и ее союзников после 24 февраля как бы подтверждают правильность начала «спецоперации». Другие — осмысляют войну как природную катастрофу: она ужасна, но нет никакого смысла быть «против» нее, так же как нет смысла быть «против» урагана или землетрясения. Осенью, еще больше, чем весной, информанты говорят о войне, подчеркивая ее неизбежность и вынужденность. Это помогает людям сохранять

человеческую, гуманистическую позицию по отношению к ужасам войны, но одновременно — не выступать против вторжения России в Украину.

«Частичная мобилизация» вызывает недовольство у множества (но не у всех) не-противников войны, но влияет на их восприятие войны неожиданно. Более политизированные и одновременно более уверенные в необходимости войны информанты, недовольные мобилизацией, трансформируют это недовольство в критику характера ведения военных действий. А менее политизированные — нет, для них политика Путина, война и мобилизация существуют в разных регистрах.

Наконец, мы обратили внимание на то, что затянувшаяся война заставляет людей открывать и переосмысливать свое отношение к своей стране. Информанты, прежде далекие от политики, обнаруживают в себе новые для них чувства патриотизма, привязанности к родине, беспокойства о ее судьбе. Часто эти переживания идут рука об руку с оправданиями войны — но не всегда. Роль этого нового патриотизма прежде аполитичных людей в развитии событий в будущем пока не предопределена.

Несмотря на то, что наши данные не позволяют проанализировать все возможные факторы, влияющие на динамику восприятия войны россиянами, кое-какие факторы нам все же удалось обнаружить. Среди них — общественная поляризация мнений и положение конкретного человека в обществе с точки зрения личного и профессионального успеха. Поляризация заставляет «прибавиться к» и придерживаться той или иной оценки, двигаться в сторону «за» или в сторону «против». При этом ко все большей поддержке войны склонны люди привилегированные, а вот те, кто чувствуют себя неуверенно — скорее более критичны. Впрочем, эти факторы работают в случае наших информантов, являющихся образованным жителями крупных российских городов. За пределами этой вполне определенной социальной группы ситуация может оказаться другой.

ЧАСТЬ 2.

Война в жизни россиян осенью-зимой 2022 года

Особенности восприятия войны: как они судят о войне, оправдывают и критикуют ее?

Данный раздел посвящен тому, как информанты относятся к войне через полгода после ее начала. Осознание затяжного характера боевых действий оказывает существенное влияние на то, как люди воспринимают войну. Даже если их исходные представления о войне меняются незначительно, как правило, они становятся более отчетливыми — и происходит это по двум причинам. С одной стороны, затяжной характер войны делал последнюю более ожесточенной и разрушительной, поэтому людям все сложнее сохранять нейтральную позицию по отношению к ней — в эмоциональном и моральном смысле. С другой стороны, в течение более чем полгода у информантов было время на размышление о войне, уточнение своих представлений.

В этом отчете мы отказались от того, чтобы заранее делить информантов на сторонников войны и сомневающихся. Вместо этого по результатам анализа наших интервью мы обнаружили несколько более сложных типов восприятия войны. Ниже мы кратко описываем эти типы, а затем рассказываем про каждый из них подробнее. В самом конце мы объясняем, почему некоторые (но не все) информанты желают доведения войны до победного конца — и каким они видят будущее после войны.

Почему так происходит? Механизмы изменений в восприятии войны

Первый этап нашего исследования показал, что сторонники войны, как правило, не были ярыми милитаристами — они объясняли свою поддержку «спецоперации» не ее желательностью, а ее

неизбежным характером. Иначе говоря, быть сторонником войны означало верить в то, что она была неизбежна. В рамках же второй, осенней волны сбора интервью, наши информанты, заявляя о своей поддержке войны, оценивают не только ее неизбежность, но и необходимость ее продолжения, когда она уже идет (по каким бы причинам она ни началась). На основании этих двух критериев — представления о необходимости начала войны и необходимости ее продолжения — мы выделили четыре типа отношения к войне.

Во-первых, это уверенные сторонники войны, настаивающие на том, что она была неизбежна и должна продолжаться, несмотря на издержки и потери, пока не закончится победой России. Это те немногие из наших информантов, у кого есть цельный взгляд на войну, «позиция». По прошествии более чем полугодя боевых действий эти люди не поменяли свою точку зрения, а некоторые даже укрепились в ней, сделав свою поддержку войны более осознанной — но именно поэтому их взгляд на войну стал гораздо более критическим. Эти люди считают войну неизбежной и поэтому оправданной, часто ссылаются на слова Путина о том, что «если драка неизбежна, бить надо первым», однако могут высказывать недовольство ходом и результатами боевых действий. Продолжая оставаться на провоенных позициях, они чувствуют себя вправе высказывать критику реализации того курса, который поддерживают.

Во-вторых, это сомневающиеся сторонники войны. Информанты, относящиеся к этому типу, тоже полагают, что война была неизбежна, однако сомневаются в возможности ее благоприятного исхода. Не подвергая сомнению оправданность войны, они не готовы нести моральное бремя поддержки ее продолжения полгода спустя — особенно когда прогнозы быстрой победы не оправдались. Как и некоторых информантов первой волны, представителей этой группы беспокоит перспектива затяжной войны, которая неминуемо приведет к увеличению жертв по обе стороны линии фронта. В отличие от уверенных (в чем-то даже самоуверенных) сторонников войны, требующих большей

эффективности и жесточести в ведении военной операции, сомневающиеся сторонники напротив чувствуют себя растерянными: они эмоционально воспринимают устрашающую реальность войны, но в то же время переживают бессилие, невозможность повлиять на ситуацию. Эти информанты испытывают сильные эмоции и хотят скорейшего прекращения боевых действий. Таким образом, несмотря на то, что мы условно называем этот тип информантов сомневающимися сторонниками, мы видим, что им сложнее приписать какую-то конкретную «позицию» в отношении к войне. Они в каком-то смысле и сторонники войны, и ее противники одновременно.

Третий тип отношения к войне, зафиксированный нами, можно описать как «новый патриотизм» (см. 1.2.4). К этой группе относятся информанты, не обязательно считающие войну неизбежной, более того, некоторые из них даже могли быть недовольны ее началом (и даже могли осуждать ее) в первые дни/недели после ее начала. Как и сторонники войны, уверенные и сомневающиеся, «новые патриоты» меняют оттенки своего восприятия войны в течение полугода боевых действий, рефлексии и переживаний. Для «новых патриотов» поддержка войны обусловлена не ее справедливостью или неизбежностью, а тем фактом, что войну ведет их страна, Россия. Для кого-то из них поддержка российской армии—это долг ответственного гражданина, который должен быть выполнен независимо от того, считает ли сам гражданин эту войну справедливой. Для других патриотизм проявляется в нежелании поражения для своей страны, которое поставит под угрозу перспективы ее развития, а также ее моральный статус субъекта международных отношений. Среди «новых патриотов» также присутствуют люди, осознавшие неизбежность войны по мере того, как они начинали все более пристально следить за ходом конфликта — так, с их точки зрения, способность ВСУ к успешному сопротивлению вооруженным силам России подтверждает, что власти Украины не просто готовились к войне, но намеревались нанести первый удар. В целом, и этот тип информантов сложно описать как сторонников

войны: ведь многие из них не хотели бы, чтобы война началась, несмотря на то, что сейчас они желают победы России в ней.

Наконец, четвертый тип восприятия войны характеризуется стремлением во что бы то ни стало удержать «нейтральную» позицию. Информанты, относящиеся к этой группе, не уверены как в неизбежности войны, так и в необходимости ее продолжения— пусть даже и по прагматическим соображениям, которые высказывают «новые патриоты». Они настаивают на том, что не обладают информацией для того, чтобы сформулировать свое отношение к войне, на ход которой они все равно не могут повлиять. В отличие от уверенных сторонников, стремящихся победить в войне, и «новых патриотов», цель которых—избежать поражения, представители этой группы воспринимают войну как «данность», как природную стихию, с которой приходится иметь дело независимо от собственного желания. Они не уверены, что война была неизбежна, но отчетливо понимают, что после семи месяцев боевых действий она стала таковой, превратившись в одно из жизненных обстоятельств, с которыми приходится соотносить свою жизнь. Как и сомневающиеся сторонники, представители этой группы не имеют ясной картины желаемого будущего—некоторые из них просто предпочли бы вернуться в мир до 24-го февраля, хотя это и невозможно.

Уверенных и сомневающих сторонников объединяет допущение о неизбежном начале войны, которое не разделяют «новые патриоты» и «нейтралы». С другой стороны, «новые патриоты» близки к уверенным сторонникам, поскольку свое желание победы России и те, и другие воспринимают как результат осознанного выбора, принятия стороны. Напротив, сомневающиеся сторонники войны и информанты, стремящиеся сохранить «нейтралитет», объясняют свое отношение к войне как реакцию на окружающие события и обстоятельства. Наконец, уверенные сторонники и «нейтралы» стараются избегать моральных оценок, к которым в большей степени склонны два других типа—сомневающиеся сторонники и «новые патриоты».

«Драка была неизбежна»: уверенные сторонники

Первый тип восприятия войны основывается на убеждении, что война была неизбежна — предопределена самим ходом истории и «геополитическими дружжинами» [м., 63 года, пенсионер, ноябрь 2022], либо спровоцирована враждебными действиями — и поэтому оправдана. Аргументы такого рода мы описали в предыдущем [отчете](#) — о спасении Л/ДНР от угрозы украинского вторжения, об уходящем вглубь веков политико-культурном противостоянии России и Украины либо о геополитической конкуренции США и России, а также других «великих держав», в рамках которой российско-украинская война является лишь одним из эпизодов. Среди информантов, с которыми мы говорили осенью, также присутствуют люди, высказывающие подобную точку зрения:

«То, что происходит, оно и происходит рано или поздно, к сожалению. Это, в принципе, должно было случиться, исходя из тех событий, которые предшествовали, все это развитие за последние 20-30 лет после распада Советского Союза»

м., 46 лет, предприниматель, ноябрь 2022

«Неизбежно было военное столкновение в мире. <...> Это было неизбежно, потому что накопились противоречия в мире между НАТО, Россией и Китаем, но проще напасть на Россию, потому что она ближе расположена. Дальше надо было действовать»

м., 37 лет, маркетолог, ноябрь 2022

Однако настаивая на неизбежности войны и/или необходимости решения о ее начале, они критикуют то, как идет боевые действия.

Так, они говорят об упущенном времени — прежде всего на подготовку и проведение мобилизации (см. 2.2), но также и о времени на проведение «спецоперации» в целом. Например, один из информантов, уверенный, что «НАТО завязало эту всю историю только для того, чтобы ослабить Россию», видит проблему в том, что «в свое время упустили время», что позволило Украине подготовиться к обороне:

«В процессе проведения операции я был некоторыми моментами недоволен. Тем, что были задержки в продвижении. <...> И, конечно же, были неполадки с поставками. Это все мы видели, это от нас не скрывают. И мы, к сожалению, это ощущали. А теперь вот, чувствуется, их ждет исправление ошибок, меняется руководство на участках боевых действий. <...> Здесь вот этот Донбасс, Крым — все это повод. А причина лежит глубоко и раньше. Это началось с 1986-го года, когда Горбачев начал валить великую страну. Когда Ельцин пропил все, что мог. <...> А не 24-го февраля начало. А начало там. А 24-го февраля — это была необходимость. Я больше чем уверен в том, что это была необходимость. <...> Россия ничего не делала для того, чтобы начать эту войну. Сколько было уговоров и разговоров, чтобы этот вопрос решить мирным путем? <...> Эта операция, она нужна была еще раньше, потому что мы очень много времени потеряли в том плане, что они успели себе настроить линию обороны такую, что их надо месяцами выбивать оттуда. <...> И они еще говорят, что они не хотели нападать?»

м., 69 лет, пенсионер, октябрь 2022

В более радикальной форме аргумент об упущенном времени может распространяться на всю постсоветскую траекторию России, итогом которой стала «спецоперация» в Украине, напоминающая, с точки зрения некоторых информантов, Первую мировую войну — и потенциально угрожающая самому существованию российского государства в случае неуспеха. Другие информанты напротив, как бы полемизируя со своими единомышленниками, настаивают на том, что время для проведения «спецоперации» было выбрано как нельзя лучше. Но интересен сам факт, что они чувствуют необходимость в такой заочной полемике как способе отреагировать на критику:

«Поэтому тут серьезное решение нужно было принять, чтобы начать эту “спецоперацию”. Мы к ней не были готовы, она началась поспешно. В 2014-м году многие говорят, что надо было в 2014-м году брать города. Ребята, в 2014-м году у нас не было даже продуктовой безопасности! <...> И когда сейчас заговорили о том, что мы вернем наш суверенитет, что его нужно возвращать, у нас колониальная конституция, Путин вот в 2020-м году попытался это сделать, но не получилось, губернаторы выборные встали в позу, которые явно спонсируются, все эти движухи. И когда об этом начали говорить, то все сразу встало на свои места. <...> Мы тоже сейчас в процессе борьбы за свой суверенитет»

ж., 37 лет, работница сферы недвижимости, декабрь 2022

Другая группа критических оценок хода войны связана с официальным статусом «спецоперации». В весенних интервью некоторые сторонники войны настаивали на том, что вторжение России в Украину — это не война, а именно «спецоперация», так как полноценная война предполагает более масштабное использование имеющихся средств поражения и, соответственно,

большие масштабы потерь. Акцентируя внимание на ограниченном масштабе и технократическом характере «спецоперации», информанты первой волны стремились избежать вопроса о справедливом или несправедливом характере войны и необходимости дать ей моральную оценку. Для информантов, с которыми мы говорили осенью, тезис о том, что «это не война», уже не является оправданием «спецоперации», а становится частью ее критики. Как выражается один из наших собеседников, «спецоперация» предполагает решение ограниченной технической задачи «хирургическим путем», однако помощь Украине со стороны «западных стран» уже не вписывается в эту логику:

«Но “спецоперацией” назвали, потому что как и любую операцию. Операция—это вырезать опухоль, грубо говоря. Фактически, задача и была такая: вырезать опухоль и чтобы все нормализовалось. Но там вступились, западные страны настолько мощно помогают оружием, что уже идет не просто “спецоперация”, война с этим режимом, как помощь, чтобы защитить права русского мира, а фактически уже произошло столкновение [с Западом] <...> Понимаете, это же начался не просто конфликт между Украиной и Россией. Если бы это было так, то наши давным-давно побомбили все города и захватили. Если бы это была война, то начали бы все бомбить и так далее, без разбору, как это во время войны бывает. Там и города бомбят, не только военные объекты. Но сначала это было рассчитано как “спецоперация”, что хирургическим путем убрать то, что мешает всем»

м., 63 года, пенсионер, ноябрь 2022

Наконец, третья группа критических высказываний ставит под сомнение одно из важных оправданий войны, к которому часто прибегали информанты первой волны — аргумент о том, что «спецоперация» является превентивным ударом, призванным опередить украинскую агрессию. Ряд информантов, не сомневаясь в неизбежном характере войны, расценивают решение «начать первыми» как ошибочное. По их мнению, России нужно было дождаться украинской попытки отвоевать территории Л/ДНР и/или Крыма для того, чтобы сохранить моральное превосходство и получить более уверенную поддержку военных действий со стороны собственного населения и жителей других стран:

«Ну, мы же агрессивные. Я считаю, что очень большая ошибка было начинать первыми эту операцию. Надо было действительно подождать немного, до двух месяцев, не более того. В любом случае на Донбасс был бы нанесен удар. Конечно, было бы жестче, но мотивация была бы больше с точки зрения понимания мировой общественности, кто первый это начал. Это было бы для нас лучше. Но, к сожалению, мы начали первые»

м., 46 лет, предприниматель, ноябрь 2022

«Ой, ну, это же давно набухало все. <...> И Америке ей была выгодна эта война. Она бенефициар этого... <...> Конечно, правильно было не вестись на провокацию, но выхода другого не было, вот и все»

м., 32 года, арборист, декабрь 2022

Как и в случае с аргументом об упущенном времени, в осенних интервью встречаются отсылки к полемике об обоснованности превентивного удара в среде сторонников войны. Так, один из информантов упоминает наличие разногласий по этому вопросу между собой и своим единомышленником:

«Вот у меня появился приятель из университета. <...> Он поддерживает. Он вот не знал, как реагировать, сожалел, что мы начали первыми. Видимо, тоже считал, что это рано или поздно произойдет. Говорит: “Мне не нравится, что мы ударили первыми. Как-то не по-христиански”»

м., 43 года, университетский преподаватель, декабрь 2022

Некоторые информанты из числа уверенных сторонников готовы обсуждать аргумент о превентивном ударе, однако настойчиво подчеркивают, что не обладают полной информацией и полагаются на авторитет военных:

«Я полагаю, что если бы мы не сделали это в тот момент, то угроза для нас была бы больше. То есть, что как бы драка была неизбежна. Вопрос был просто, на чьей территории ее начинать. И дожидаться того, чтобы люди погибли в Ростове и какие-то действия начались агрессивные по отношению к Крыму, чтобы наши руки были чисты, и мы могли... Что нам было бы проще все это оправдать то, что мы делаем. Но я не считаю, что это правильно. Есть, да, у меня даже среди знакомых есть люди, которые считают, что надо было сделать не так. Нужно было дожидаться ситуации, в которой наши действия бы были бы оправданы. Но я не уверена, что так было бы лучше. Вот я не берусь об этом судить, потому что считаю, что у меня не хватает профессиональных навыков, чтобы военным людям, образованным советовать, как им лучше поступать. Думаю, что они сделали так, как надо»

ж., 41 год, научный сотрудник, октябрь 2022

Отсутствие полной информации не делает поддержку войны менее уверенной — «уверенные сторонники» воспринимают свою позицию как результат осознанно принятого решения, которое позволяет им примириться с частью проблем войны (например, неполнотой информации и моральной сомнительностью превентивного удара), и одновременно наделяет себя правом критики в отношении других проблем (например, военными поражениями и потерями).

Таким образом, раньше тезис о неизбежной войне оправдывал факт ее начала: неизбежное произошло. Теперь же, находясь в ситуации войны длящейся, неотменимой и неустраимой, сторонники аргумента о неизбежной войне не просто констатируют и оправдывают исторический факт, они рассуждают о времени, своевременности, темпе неизбежной войны. Причем рассуждают критически.

2°

Г° Э°

«Это, конечно, грустно, но вот так»: сомневающиеся сторонники

Сомневающиеся сторонники — это информанты, считавшие или считающие на момент интервью, что война была неизбежной, однако сомневающиеся в необходимости ее продолжения. Они описывают, как начинают испытывать сомнения и переживают тревожность. Их беспокоит затяжной характер войны, количество жертв, а также неграмотные решения военного командования — информанты признаются, что испытывают тяжелые эмоции и готовы согласиться на любой результат военных действий при условии их скорейшего завершения.

Так, информанты говорят, что именно затягивание войны и возможность второй волны мобилизации заставляет их чувствовать «бесперспективняк»: они не предполагали, что война окажется столь долгой и приведет к такому количеству жертв:

«Как отношусь? Не очень хорошо. Может быть, если бы они, как реально планировали, завершили бы все за месяц, за два, то постфактум я бы сказал, что сделали, то сделали. Но сейчас сложное отношение, даже на нынешней стадии. Ты понимаешь, что и дожимать [надо], как там говорит Симоньян, что “нельзя давать заднюю, потому что они не дадут заднюю”. А с другой стороны понимаешь, что какой-то бесперспективняк, особенно на фоне слухов, что после нового года будет готовиться новая волна мобилизации»

м., 23 года, медицинский инженер, ноябрь 2022

«Конечно, я хотел, чтобы все это закончилось гораздо скорее, этого не произошло. Все это дело затянулось. Я не знаю, кто в этом виноват и виноват ли вообще в этом кто-то. И очень жаль людей, которые гибнут по обе стороны фронта. Очень жаль солдат Российской Федерации, очень жаль солдат ВСУ. Очень жаль мирное население, которое оказалось там. И тем или иным образом от этого страдает. Конечно, хотелось бы закончить это дело как можно скорее. Я не думал, что это будет так долго. Конечно, это грустно, но вот так»

м., 38 лет, профессия неизвестна, ноябрь 2022

Однако показательно, что сомнения и сожаления по поводу хода «спецоперации» не делают этих информантов однозначными противниками войны, не приводят их к выводу, что война не была оправдана и что начинать ее не стоило. Говоря, что *«конечно, это грустно, но вот так»*, один из наших информантов,

тридцативосьмилетний инженер, дает событиям эмоциональную оценку, которая может свидетельствовать о его моральном дискомфорте. Но разрешением этого дискомфорта становится указание на неизбежность или безвыходность ситуации («*но вот так*»). Эта же неизбежность и безвыходность («*выбора уже не осталось*»), сопровождается и признанием «*конечно, это все ужасно*», произнесенные несколько раз в другой части интервью этого же информанта:

«Военные действия никогда не могут казаться правильными по определению. Это факт. Никогда... Вообще никогда в истории человечества. Конечно, это все ужасно. И, конечно, жалко каждого погибшего с той и другой стороны. Тем более, что я, несмотря ни на что, считаю украинцев братским народом. Хотя даже вне зависимости от этого, все равно было бы жалко всех убитых. Ну, а тем более тех, кто так или иначе нам близок ментально, близок по языку в общем-то, по нации. Конечно, это все ужасно. Но просто выбора уже не осталось»

м., 38 лет, профессия неизвестна, ноябрь 2022

Другой информант, тридцатисемилетний предприниматель, описывает свое потрясение от осознания, что войну можно было вести другим способ («*используя всякие железки*»), не посылая такое количество солдат российских вооруженных сил «*в огонь*» [м., 37 лет, предприниматель, октябрь 2022]. Информант серьезно встревожен и потрясен («*это, конечно, страшно*») тем, что можно так относиться к людям. Он даже допускает, что может и воевать было не надо и ставит под сомнение необходимость спасения «соотечественников» в Л/ДНР:

«То, что происходит, это, конечно, страшно. Потому что, оказывается, что войну можно

было вести другим способом. Оказывается, что войну, в принципе, можно было не вести. Может, и нельзя было. Ну, не знаю. Но, по крайней мере, сначала один генерал кинул толпу народа, и у меня уже есть знакомые, кто приехали в ящиках домой. А потом оказалось, что можно вести войну при помощи всяких железок, которые... Ну, людей-то не подставляя. Железки ведь можно сделать, они — ресурс такой легко восстановимый... А людей... Ну, ведь каждая жизнь — она важна. А оказалось, что сначала бросают в огонь войны людей, делая из них мясо. А через некоторое время по прошествии чуть ли не полугода... <...> Оказалось, что можно воевать как-то пожестче и другими способами. Если, действительно, война нужна. Я не могу ведь 100% утверждать, что я вот прямо точно уверен в том, что нужно было делать именно так, что нужно было напасть, что нужно было ввести войска, что оказывается, что жители каких-то там ДНР, ЛНР — наши соотечественники. Хотя соотечественников и в других странах тоже хватает. Но почему-то защищать решили именно этих. Тоже вопрос непонятный. Ладно, допустим, их надо было, действительно, защищать и надо было воевать. Почему надо было воевать руками?»

м., 37 лет, предприниматель, октябрь 2022

Однако за пределами этого эмоционального размышления, информант признается, что «не может» говорить что-то против войны, а если получит повестку, то пойдет на войну, так как нельзя идти против «своих»:

«Я не могу против нее что-то говорить или идти. Если мне повестку принесут, то я тоже пойду туда же. Я не буду сильно рваться, показывать героизм какой-то или еще что-то. В общем надо к этому относиться, как к работе. Это такая ситуация, как я считаю, где нельзя идти против этой массы своих (условно назовем их “своими”) по ряду причин»

м., 37 лет, предприниматель, октябрь 2022

Сомневающиеся сторонники обращают внимание на те же проблемы, что и уверенные сторонники — количество жертв войны, ее затяжной характер, ошибки командования и моральная сомнительность превентивного удара. Однако если для уверенных сторонников эти ошибки являются поводом для критических высказываний в адрес военно-политического руководства и призывов к более эффективному ведению боевых действий, для сомневающихся сторонников все перечисленное — источник сомнений в необходимости продолжать войну, которая (хотя и была неизбежна) пошла совсем не по плану и не закончилась за несколько месяцев. Можно предположить, что эти люди оказались бы среди уверенных сторонников войны, если бы вторжение в Украину развивалось по так называемому «крымскому сценарию» — либо по моделям других конфликтов на постсоветском пространстве, где удавалось достичь временной «заморозки»:

«Вопрос: <...> сейчас как вам кажется — это [война] было оправдано или нет?»

Ответ: У меня нет ответа на этот вопрос. Я всегда, еще общаясь со своими, с 2014-го года, с подписания Минских соглашений, я всегда был только за то, чтобы перестать стрелять. Нужно хотя бы приблизиться к ситуации в Приднестровье. На что мне мои украинские

друзья, товарищи, родственники говорили, что “мы не Молдавия, мы не перестанем стрелять” <...> Вы же помните, что в Тирасполе произошло? Там же тоже непросто все было, там тоже эти разборки. <...> Россияне, благодаря генералу Лебедю, его позиции, они быстро развели стороны, навели хоть какой-то порядок, перестали люди стрелять. Самое главное — людей не убивают, не стреляют. А там уже понятно, что это не есть правильно, не есть хорошо, что страна раздроблена, но так уж есть. Самое главное, что не стреляют. <...> Вот и здесь могло бы так быть — главное, чтобы не стреляли. Но вот Украина сказала, что нет, мы не такие, мы будем стрелять. <...> Условия одни — чтобы прекратили стрелять, развели войска»

м., 59 лет, работник сферы недвижимости, декабрь 2022

Наиболее характерным отличием сомневающихся сторонников войны от своих более уверенных единомышленников является их готовность на компромиссное завершение конфликта — как выражается один из информантов, «*побыстрее, одним словом*», даже несмотря на то, что «*тут не будет выигравших каких-то сторон*» [м., 37 лет, предприниматель, октябрь 2022]. Разделяя представление о том, что война была неизбежна и заслуживает поддержки, сомневающиеся сторонники не готовы принять ту цену, которую придется заплатить за войну до победного конца. В этом смысле само слово «сторонники» применимо к ним очень условно, с рядом оговорок. Кроме того, в отличие от уверенных сторонников, они не считают свое отношение к войне результатом осознанного выбора, но видят себя реагирующими на обстоятельства, которые не могут контролировать («это грустно, но вот так»).

«Мы уже в конфликте»: «новые патриоты»

«Новыми патриотами» мы условно называем информантов, которые не считали войну неизбежной с самого начала, но постепенно нашли аргументы в ее поддержку. Эти люди могли выступать против войны в первые месяцы после ее начала, однако осознание ее затяжного характера приводит их к поддержке войны, а также заставляет увидеть необходимость продолжать военные действия до победы. Важно отметить, что другие типы восприятия войны не исключают патриотизма, а размышления о любви к родине характерны не только для сторонников войны. Например, как мы покажем ниже, информанты, стремящиеся к «нейтралитету», тоже могут осмыслять свою позицию как патриотическую. Называя этих информантов «новыми патриотами», мы хотим подчеркнуть относительную новизну подобных размышлений для самих этих людей (см. раздел 1.2.4).

Наиболее отчетливо тип восприятия войны, характерный для «новых патриотов», проявляется в интервью с одной из информанток, которая говорит, что *«мы уже в конфликте, в котором надо принимать участие»*, даже несмотря на то, что причины развязывания войны ей до сих пор непонятны:

«Но для меня лично—они защищают мою страну. Мы уже в конфликте, в котором надо принимать участие. Ис нашей стороны—они, вот эти солдаты. Они на нашей стороне в этом конфликте, за это они умирают. Вопрос “за что, почему развязало руководство страны конфликт?” такой, подвешенный. Я не знаю»

ж., 37 лет, инженер, в декрете, октябрь 2022

Информантка подчеркивает, что она поддерживает войну несмотря на то, что ей не нравятся многие вещи («не нравится мне может все, что угодно, что я поддерживаю»), но как «законопослушный, честный гражданин» она делает выбор в пользу поддержки, так как «правительство решило так, и приказы не обсуждаются»:

«А сейчас у меня есть стабильное ощущение, и оно примерно все эти полгода сохраняется, что я поддерживаю в целом. Потому что в моем ощущении это как законопослушность. Я вообще себя законопослушным человеком считаю, не беру взятки, я не ворую. Я — честный гражданин. И если правительство решило, что эта операция нужна, я не знаю, я не следила, что там происходило, какие были предпосылки, какие были еще методы, чтобы эту ситуацию решить, но в общем правительство решило так, и приказы не обсуждаются. Они решили, значит, так было надо. И я буду слушаться, вот так. <...> Не нравится мне может все, что угодно, что я поддерживаю. Ну, я в целом поддерживаю»

ж., 37 лет, инженер, в декрете, октябрь 2022

Важно отметить, что информантка приняла решение «слушаться», несмотря на то что до войны следила за деятельностью российской оппозиции и даже испытала влияние расследований Алексея Навального. Начало войны, однако, привело ее к выводу, что именно такой человек как Путин должен быть у руля:

«Но как бы этот шлейф работы Навального, он как-то тянулся за ним у меня в сознании. Но когда началась “спецоперация”, стало понятно, что все это неважно. Что во время боевых

действий я бы хотела, чтобы вот такой человек был у руля. И в общем я поддерживаю. Вот так»

ж., 37 лет, инженер, в декрете, октябрь 2022

Описывая свою позицию по прошествии полугода войны, некоторые информанты прямо признают, что они стали «большими патриотами» — именно потому, что уже начавшуюся войну они восприняли как ситуацию выбора, в которой нужно «*поддержать своих*» и «*быть со своей родиной*» [м., 23 года, журналист, октябрь 2022] (см. 1.2.4). Так, двадцатитрехлетний журналист, который не поддерживает Путина и выступает за гражданские свободы, на восьмом месяце войны так описывает свое отношение к ней:

«Сейчас отношение такое, что нужно, на мой взгляд, до конца уже идти, поддерживать своих, не бросать. И стараться найти какой-то компромиссный путь. Ну, поставить себя в удобную переговорную позицию. То есть одержать военную победу, но при этом понимать, что какого-то полного контроля не будет над ситуацией. <...> Да, да, я думаю, что я стал большим патриотом. Я понял, что со своей родиной я буду до конца идти, что бы не произошло, как бы тяжело ей не было. Я никуда не уеду, я буду русским, буду с ней до конца. Раньше я был более такой космополитичный в каком-то плане. То есть я не считал, что я самый главный патриот»

м., 23 года, журналист, октябрь 2022

Одной из причин, по которым «новые патриоты» делают выбор в пользу поддержки войны, является страх военного поражения и его последствий в смысле ущерба населению и экономике России:

«Война — это, конечно, плохо. Но хуже

*войны только проигранная война. <...>
Христианство христианством, можно
подставить левую щеку, конечно. Но в случае
чего у нас населения в стране больше и ощути-
мее будет этот удар, и не только санкционный.
Если боевые действия начнутся на территории
Российской Федерации, то гораздо больше людей
от этого страдают»*

м., 32 года, каменщик, ноябрь 2022

Кроме материальных последствий войны, «новых патриотов» беспокоят и последствия моральные — в смысле потери лица на международной арене:

*«Что мне не понравилось, что в некоторых
моментах опять же мне казалось, что... А, ну,
вот даже вот в связи с подрывом Крымского
моста мне было интересно, стерпят ли
наши власти этот удар? Хотя мы сами
понимаем, что этот удар, это не просто
сломать мост или инфраструктуру. Это, грубо
говоря, это плевок или удар перчаткой, так
скажем, по лицу Путина, потому что это
же все-таки символ в любом случае. И вот мне
интересно было: стерпят ли? И оказывается,
что не стерпели. И вот здесь, на самом деле,
я подумал, что вот это вот правильно
сделали, что не стерпели»*

м., 22 года, программист, октябрь 2022

Важным элементом поддержки войны «новыми патриотами» является нежелание оказаться виноватыми. В отличие от уверенных сторонников, некоторые «новые патриоты» в своих рассуждениях о войне готовы использовать категорию вины. Понимая, что

сами могут оказаться в позиции виноватых, они начинают рефлексировать о критериях справедливости в международной политике, задавая вопросом: почему «*своим можно <...> а другим нельзя?*» [м., 22 года, программист, октябрь 2022]. Для части «новых патриотов» разрешением этого противоречия становится переход из позиции (потенциально) виноватых на позицию «правых» — людей, которые поддерживают свою страну, несмотря ни на что:

«И с каждым днем ты понимаешь то, что ты не виноват ни в чем. Не ты направляешь, не ты ничего не говоришь, не поддерживаешь рублем. Ну, не, налоги ты платишь в любом случае, конечно, значит, поддерживаешь, но тем не менее. Не отправляешь в какие-то отделения роты и так далее, боеприпасы или еще что-то. Но тем не менее тебя считают виноватым, вот. И вот это так нагнеталось, нагнеталось, нагнеталось. <...> Ну, как бы вот типа своим можно. А другим нельзя. И это неприятно, и от этого как раз-таки люди, мне кажется, все больше и начинают поддерживать СВО»

м., 22 года, программист, октябрь 2022

Если для уверенных сторонников войны неизбежным является ее начало, то некоторым «новым патриотам» эта неизбежность «открылась» лишь по прошествии нескольких месяцев боевых действий, постфактум. Выше мы назвали такой тип оправдания войны «реверсивным» (см. 1.2.2). Например, нежелание украинской стороны сложить оружие или активное сопротивление со стороны ВСУ воспринимается этими информантами как доказательство неизбежности войны:

«Смотри, ты меня спросила: веришь ли ты в угрозу со стороны Украины? Да, верю. Вот, убей меня, верю. Вот 24-го не верил. А сейчас верю.»

Когда все, все, то я поверил, я понял, что там не сопли жевали. Там занимались конкретным делом. <...> Все вот это вот для меня какое-то время назад, условно говоря, год назад, то, что я сказал, была полная нелепица, даже угроза Донбасса была полной нелепицей. Ну, никак. Ну, я в этом сомневался сильно»

м., 60 лет, предприниматель, октябрь 2022

«Реверсивные» аргументы в поддержку войны не обязательно касаются Украины, но могут быть связаны с ощущением, что «*весь мир объединился против России*»:

«Я не знаю, по адекватным ли причинам напали, не по адекватным, но то, что весь мир объединился против России, ушли бренды, ушли компании, какие-то подрывные работы идут в сторону России. Такое ощущение, что несправедливо обижают мою страну. У меня даже больше появилось патриотизма, которого никогда не было»

ж., 37 лет, предпринимательница, октябрь 2022

Не разделяя в полной мере существующие оправдания войны, «новые патриоты» приходят к необходимости ее поддержки, мотивированной как моральными, так и прагматическими соображениями. Как и уверенные сторонники, свою поддержку многие из них воспринимают как осознанный выбор, но вдохновленный не столько верой в неизбежность войны, сколько нежеланием столкнуться с материальными и моральными последствиями поражения в затяжном конфликте.

«Я хочу, чтобы все вернулось на свои места»: в поисках нейтралитета

Информанты, относящиеся к четвертой группе, не считают, что война была неизбежна. Также они не уверены в необходимости ее продолжать. Несмотря на это, их нельзя назвать противниками войны — лейтмотивом интервью с ними является идея «нейтралитета» в смысле права не занимать какую-либо определенную позицию по поводу войны, и на этом праве они готовы настаивать. Так, один из информантов утверждает, что «нейтралитет» — тоже «мнение», которое, впрочем, не требует выбора стороны:

«Ну, я сразу [свою] позицию сказал, что я всей истины не знаю, я буду придерживаться золотой середины. Это тоже для меня это тоже мнение. Есть какие-то за одну сторону, за другую, я за нейтралитет. Потому что реально я не знаю. Не я эту войну начинал, не мне ее заканчивать»

м., 34 года, менеджер, ноябрь 2022

Заключительная фраза в приведенной цитате хорошо иллюстрирует отличия восприятия войны стремящимися к «нейтралитету» информантами от других типов восприятия войны, представленных в наших данных. Уверенные сторонники считают необходимым закончить «не ими начатую войну» победой России, не важно, сколько для этого потребуется времени и ресурсов. «Новые патриоты» уверены в том, что, независимо от того, кто и как начал эту войну, она должна быть завершена, по возможности — в пользу России. Наконец, даже сомневающиеся сторонники войны настаивают на необходимости ее завершения. Только стремящиеся к нейтралитету информанты попросту «умывают руки» — заканчивать войну будут политики, которые ее и начали, и повлиять на эти процессы невозможно:

«Потом как-то у меня создалось ощущение, что это вряд ли быстро кончится, что это достаточно долгий процесс. И я просто понял, что на это никак не могу повлиять, и я успокоился, и в таком же состоянии пребываю вот до сих пор. <...> Абсолютно нейтральное отношение к “спецоперации”, к ее последствиям — негативное для своей жизни в повседневности»

м., 18 лет, студент, ноябрь 2022

Стоит отметить, что такой тип восприятия войны мы намеренно называем «в поисках нейтралитета», а информантов — стремящимися к «нейтралитету». Таким образом мы хотим подчеркнуть, что «нейтралитет» означает не столько определенную позицию по отношению к войне, сколько само стремление не занимать никакой позиции. В течение интервью рассуждения таких информантов могут дрейфовать от допущения ненужности войны до перечисления плюсов от войны. В этом смысле им не всегда удается сохранять нейтральность, но, тем не менее, они продолжают к ней стремиться.

Хотя сомневающихся сторонников и информантов, стремящихся к «нейтралитету», сближает акцент на их неспособности повлиять на окружающие обстоятельства, сомневающиеся сторонники войны, выступающие за ее завершение, испытывают сильные эмоции и моральные переживания из-за того, что затяжная война приводит к многочисленным жертвам. В отличие от них, информанты, стремящиеся к «нейтралитету», в большей степени сфокусированы на собственной повседневной жизни и отказываются от попыток сформулировать для себя приемлемый выход из ситуации. Они говорят о своем *«абсолютно нейтральном отношении»* [м., 18 лет, студент, ноябрь 2022] к войне и что им *«плевать»* на ее политические аспекты [м., 21 год, студент, октябрь 2022]. В интервью эти люди акцентируют внимание на

собственной неспособности что-либо изменить: они называют себя «пешками», «жертвами пропаганды» [м., 21 год, студент, октябрь 2022], «обычными обывателями» [ж., 23 года, студентка, ноябрь 2022], а также высказывают желание вернуться в мир до 24-го февраля, прекрасно понимая его нереализуемость:

«Знаете, мне вообще на это, если честно, плевать все. Потому что я считаю, что мы — обычные люди. Мы — жертвы пропаганды. Все мы жертвы пропаганды. У нас, русских, своя правда, у Запада — она своя. Кому-либо верить это, я считаю, это глупо. Мы — марионетки. Я считаю так. Поэтому мне абсолютно плевать, кто там, в чем виноват. Это дела политические. Я в них лезть, ну... <...> Кто я такой, чтобы за кого-то там решать, понимаете? <...> Я хочу, чтобы все вернулось на свои места. Чтобы война прекратилась, чтобы все американские бренды вернулись, я прошу прощения. Я хочу, чтобы все-все-все встало на свои места»

м., 21 год, студент, октябрь 2022

«Я живу, я не собираюсь с этой хуйней жить. Я решил, что как столкнусь с этим пиздецом, с этой ситуацией... Я не хочу в общем коллапсе без желания жить... Мне это неинтересно, у меня своих проблем хватает. Просто думать об этом, нервничать... <...> Не знаю, мне похуй вообще, пока меня не коснулось — мне похуй. У меня есть свои проблемы личные»

м., 27 лет, работник нефтяной сферы, ноябрь 2022

Стремление информантов к «нейтралитету» и дистанцирование

от политики не исключает возможности осмысливать свою позицию как патриотическую. Так, одна из таких информанток называет себя «человеком, который всегда был патриотом своей страны», хотя и не «пела гимн круглосуточно», и «не голосовала за Путина», к которому относится «нейтрально — он просто есть и все» [ж., 23 года, студентка, ноябрь 2022]. В интервью она подчеркивает, что не поддерживает «спецоперацию», хотя ей и «жалко, что люди умирают, не важно, с какой стороны»:

«Сейчас — скорее нейтралитет. Пока это напрямую не касается меня, то мне как будто бы все равно. Ну, мне не то, что все равно — по-своему, мне жалко всех: мне жалко и украинскую сторону, и российскую, мне жалко всех. Мне просто жалко, что люди умирают, не важно, с какой стороны. Я не хочу, чтобы это все решилось в пользу Украины, чтобы это решилось в пользу России — я бы просто хотела, чтобы все жили мирно и спокойно, это мое глобальное отношение, а так, в принципе, мне как будто все равно. <...> Плюс я не сильна в истории, я не сильна в политике, я никогда этим не интересовалась особо, не углублялась, мне казалось, что все в стране хорошо. У меня проблем не было, у моей семьи проблем не было, поэтому мне казалось, что все отлично, прекрасно, то есть меня это не касалось особо»

ж., 23 года, студентка, ноябрь 2022

Характерно, что, рассуждая о потерях и жертвах, информантка подчеркнуто отказывается принять сторону и сформулировать перспективу выхода из ситуации. В отличие от сомневающихся сторонников войны, которых переживания по поводу жертв заставляют задуматься о конкретных сценариях (например, «крымском» или «приднестровском»), ее желание «чтобы все

жили мирно и спокойно» сформулировано абстрактно и отсылает к ситуации до 24 февраля. Ее собственные наблюдения противоречат идее о неизбежности войны, однако она готова допустить, что у Путина могли быть достаточные, хотя и неизвестные «обычному обывателю» причины ее начать:

«Если коротко, то я считаю, что это была необходимость, наверно. <...> Бей первым и все такое. <...> Я скорее склоняюсь к варианту, что что-то знает президент, чего не знаем мы. И что, если он это начал, значит для чего-то это было нужно, значит была какая-то опасность для нашей страны. <...> Если бы я чувствовала, знала о какой-то угрозе со стороны Украины или Америки через Украину, то, возможно, я бы поступила точно так же, если бы у меня были какие-то знания объективные, подтвержденные. Но в идеале я бы постаралась, чтобы всего этого вообще в принципе не допустить, чтобы в принципе не объявлять никакую “спецоперацию”, потому что зачем? И так нормально жили»

ж., 23 года, студентка, ноябрь 2022

Иными словами, сомнения в оправданности войны разрешаются при помощи допущения о том, что у военно-политического руководства России были причины начать вторжение в Украину, хотя узнать, в чем эти причины заключаются, невозможно. Подобные рассуждения присутствуют у многих информантов, однако они наиболее характерны для сомневающих сторонников и информантов, стремящихся к «нейтралитету». Некоторые исследователи называют такой способ рассуждения **«подразумеваемым оправданием»** — люди оправдывают войну, опираясь не на конкретные обоснования решения о ее начале, а на веру в то, что такие обоснования существуют. Подразумеваемое оправдание хорошо сочетается с «нейтралитетом», который

пытаются сохранять эти информанты:

«Ответ: *Мое отношение такое, как и было.*»

Вопрос: *Не изменилось?*

Ответ: *Я считаю... Да. У меня ко всему какое-то нейтральное отношение. Я ничью сторону не хочу принимать. Я считаю, что иначе, и правда, быть не могло. Ну, и они что, дураки там все сидят что ли сверху? Правда, ну, я уже думаю, они знают, что делают. Уж наверняка. Иначе быть не могло»*

м., 21 год, студент, октябрь 2022

Суммируя, можно сказать, что смыслом «нейтралитета», к которому стремятся такие информанты, является деполитизация — политика «просто есть, и все», поэтому она не заслуживает интереса или внимания, пока не затрагивает повседневную жизнь. Это нейтральное отношение к внутренней политической жизни страны они переносят и на «спецоперацию», отказываясь ее поддержать или осудить, и при этом подчеркивая реактивный характер своей позиции: «*Не я эту войну начинал, не мне ее заканчивать*» [м., 34 года, менеджер, ноябрь 2022].

Россия, которую мы найдем: война как шанс на обновление

Чтобы лучше понять, как воспринимают войну ее сторонники, уверенные в необходимости продолжения боевых действий до победы — в нашем случае это те, кого мы условно называем уверенными сторонниками и «новыми патриотами» — нужно разобраться не только в том, как они видят причины войны, но и в их представлениях о будущем после ее окончания. Речь идет не о желанных сценариях окончания войны (об этом см.

2.5), а об образе будущего, которое может наступить после войны (и благодаря войне). Эти варианты будущего во многом определяются пропагандистскими клише, однако их конкретные типы варьируются от индивида к индивиду. Их анализ позволяет понять, на что именно возлагают надежду информанты, когда они выбирают поддержку войны.

Сторонники войны, уверенные в необходимости ее продолжения, рассматривают войну как способ отстоять «свои интересы» и «свои правила» на международной арене [м., 37 лет, маркетолог, ноябрь 2022], а конкретную войну России с Украиной — как важный прецедент, доказывающий, что подобный способ действия до сих пор возможен:

«Про отношение к России. <...> Мы создали очень крутой прецедент за последние лет сто, когда доказали, что кто-то еще может задавать свои правила и отстаивать свои интересы. Мы показали, что нужно. Отношение к России не сильно изменилось, те кто нас уважал—стали уважать сильнее и наоборот. Вскрылись старые обострения»

м., 37 лет, маркетолог, ноябрь 2022

Другие информанты часто формулируют свои ожидания от войны «от противного», отталкиваясь от того, что им не нравилось в довоенном мире, а также от проблем, решением которых может стать война. Например, такими проблемами являются: отсутствие «истинной независимости» у России, плохие социально-экономические условия в стране и отсутствие заботы со стороны государства, а также равнодушие и пассивность российского общества. Так, один из информантов, сорокалетний университетский менеджер считает, что именно благодаря началу войны Россия «претендует на истинную независимость», когда ее правительство начнет действовать «в интересах нашей страны, а не в чьих-либо других»:

«Положение нашей страны в мире? Мне кажется, что мы претендуем на истинную независимость. То есть независимость, по-настоящему независимость. <...> Под независимостью я понимаю, что действие руководства нашей страны, оно независимо от мнения других стран, никем не регулируется, и наше правительство действует в интересах нашей страны, а не в чьих-либо других. <...> Мне кажется, что “спецоперация” как один из элементов глобального переустройства мне видится и переустройство нашей страны, в частности. <...> Лично для меня не остается сомнений, что Россия должна перестроиться, и перестроиться, ориентируясь ни на Запад, ни на Восток, Россия должна ориентироваться на себя. <...> Мне кажется, что наша страна обладает всеми возможностями — это и ресурсы, и мозги, и территория, и население, чтобы сориентироваться на себя. Мы можем быть абсолютно независимы. Мы должны сделать правильные выводы. Мы должны перестроить нашу экономику, промышленность и максимально не зависеть ни от кого»

**м., 40 лет, административный работник в университете,
ноябрь 2022**

Другой информант, двадцатипятилетний вахтовый рабочий, который был на войне 2022 года по контракту, в эмоциональной форме описывает свое отношение к социально-экономической ситуации в стране до войны («мы достойны большего») и низкий уровень заботы государства («наше правительство хуй на нас забило»). Несмотря на эту критику, с началом войны он переосмыслил свое видение внутренних проблем страны, придя

к выводу, что только текущее правительство может защитить от американского влияния и «западной пропаганды» («однополые браки и все тому подобное»), которые несут экзистенциальную угрозу:

«В моменте у меня было такое, что на самом деле наше правительство хуй на нас забило, то есть не дает нам достойную зарплату, еще чего-то. Это так и есть, в этом плане мое отношение не поменялось, это правда. Мы достойны большего, на самом деле. Я понимаю просто, что вся эта западная пропаганда... И этот Навальный — я раньше думал “ебать, Навальный — красавчик, он Путина разбивает”. А сейчас я просто все это осознаю с этой стороны и думаю — а ты представляешь, они бы пришли к власти, и мы бы просто все бы Америке запулили, мы бы продали какое-нибудь оружие, запустили бы их к себе в страну, ну типа того, я так размышляю. Что бы было тогда? Нас бы как народа реально не осталось бы, сам посудите. Вся эта пропаганда западная, где пидарасы ходят за ручку, целуются. Мне на них-то как бы и похуй, на этих пидарасов, пусть они целуются, прячутся где-то. Но в открытую... Наши дети не должны этого видеть, потому что это ненормально. “Все умрут, а я останусь” — знаешь такое? Пусть все умрут, суки ебаные, а мы останемся. Россия никогда не падет»

м., 25 лет, вахтовый рабочий, октябрь 2022

После начала войны информант проделал эволюцию от критики правительства за конкретные социально-экономические проблемы (зарплата) к его поддержке перед лицом идеологической угрозы,

воспринимаемой как экзистенциальная (влияние ЛГБТ как угроза народу). Война становится шансом защитить свои ценности («мы — самый нормальный народ, у кого еще остались ценности какие-то — духовные, семейные, вообще по жизни») [м., 25 лет, вахтовый рабочий, октябрь 2022], которые угрожают самой сути существования России. Ряду других информантов война кажется возможностью для обновления и протрезвления общества, в том числе и в буквальном смысле. Так, один из них полагает, что проблемы в стране должны решаться обычными людьми, но люди до войны были пассивными и погруженными в частную жизнь («сериал и пиво»):

«Я опять повторюсь, что вот эта политика равнодушия у нас, может быть, закончится. Я сожалею, что она именно таким образом должна закончиться, хотя это можно было сделать совершенно спокойно. Ну, видите — сколько лет алкоголизма, сколько лет наркомании. Казалось бы, банальные вещи, но они же тоже на социум влияют. Как ты заставишь человека работать, у которого ничего, кроме как побухать, мыслей нет? Таких у нас миллионы, к сожалению... Протрезвеют все очень резко. Бомбы летят, конфликт начался и все, ты в стороне не останешься — хочешь ты или не хочешь. Может быть, мы научимся ценить то, что у нас есть сейчас, вот и все. Пока я просто вижу такую тенденцию»

м., 27 лет, звукорежиссер, октябрь 2022

Для некоторых других информантов поддержка «спецоперации» имеет важное значение для их будущего в качестве политически активных граждан. Так, один из информантов, в прошлом участвовавший в митингах Навального, объясняет необходимость поддерживать войну следующим образом:

«Вот эта парадигма, что моя хата с краю, ничего не знаю — она закончилась 24 февраля. Сейчас неважно — ты за СВО, против СВО, но это в любом случае на тебя будет влиять. Когда это все закончится, то абсолютно логично, что право голоса будут иметь те, кто это как минимум поддерживал, а если не поддерживал, то хотя бы рот не открывал просто так»

м., 27 лет, звукорежиссер, октябрь 2022

Другой информант занимался разными гражданскими инициативами и по собственным словам «был глубоко в оппозиции», но с началом войны сделал выбор поддержать «спецоперацию», смирившись с тем, что «*вот такой у нас президент, у нас такой главнокомандующий, я ничего с этим сделать не могу, но оправдываться мне больше не хочется*». Рассуждая о том, как он видит свою поддержку войны и как он видит ее конец, он говорит следующее:

«Я надеюсь, что все поскорее закончится, мы вернемся к мирной жизни, снова можно будет заниматься правами ЛГБТ, трудных подростков и так далее. <...> Кстати, печально то, что я буду в одиночку этим заниматься, потому что все свалили в Тбилиси. <...> По-прежнему соотношение сил в пользу России. Тут фактически до конца жизни люди будут лишены возможности чего-то добиваться внутри страны. Из-за рубежа можно что угодно говорить, но только изнутри можно что-то продвигать, какую-то политическую активность вести»

м., 34 года, маркетолог, октябрь 2022

Наконец, в интервью с последовательными сторонниками войны не единожды встречается рассуждение о том, что ее начало 24 февраля маркирует переход к принципиально новому и более совершенному этапу в жизни России и даже мира:

«Это некий Рубикон, это понятно. <...> То есть эпоха, в которую мне жилось тяжело, она, значит, явно заканчивается. Она заканчивается в России в том числе. Ну, и, в принципе, на планете, но это отдельная тема»

м., 37 лет, программист, временно безработный, декабрь 2022

Приведенные примеры показывают, что убежденная поддержка войны строится не только на вере в ее неизбежность, но и подпитывается видением желаемого будущего, которое, как считают информанты, принесет война. Война воспринимается ими как реальный шанс на новую жизнь: «истинная независимость» России позволит людям наконец-то встряхнуться от алкогольной дремы, война заставит людей перестать быть равнодушными друг к другу, защититься от западной пропаганды (ЛГБТ) и сохранить свои ценности, либо получить шанс на участие в политической жизни страны. Впрочем, это касается только той части информантов, которые, по собственным словам, осознанно делают выбор в пользу ведения войны до победного конца. Остальные же гораздо более «растеряны»: они не уверены в том, что война нужна (даже если иногда приводят аргументы в ее защиту), они не видят будущего после ее окончания и многие из них все еще пытаются отстраниться, избегать оценки происходящего.

Таким образом, простое разделение на сторонников и сомневающих не схватывает всей сложности восприятия войны ее не-противниками осенью-зимой 2022 года. Наши информанты второй волны по-разному оценивают необходимость начала «спецоперации» и необходимость ее продолжения, причем эти оценки могут не совпадать. На основании этих двух критериев мы выделили четыре типа восприятия войны.

С одной стороны, у нее есть уверенные сторонники, настаивающие на неизбежности начала войны и необходимости ее продолжения до победного конца. С другой стороны, среди сторонников войны есть информанты, уверенные в ее неизбежности, но сомневающиеся в необходимости ее продолжения. Эти информанты, сомневающиеся сторонники, считают войну оправданной, но не готовы настаивать на ее продолжении до победы по моральным соображениям. Третий тип восприятия войны мы назвали «новым патриотизмом». «Новые патриоты» не считали (и порой до сих пор не считают) войну неизбежной и не готовы в полной мере согласиться с ее господствующими оправданиями, однако убеждены в том, что «надо довоевывать» — как по моральным, так и по прагматическим соображениям. Хотя многие из них не хотели бы, чтобы война началась, сейчас они желают победы России, опасаясь последствий поражения. Наконец, четвертый тип восприятия войны характеризуется стремлением удержать «нейтралитет», не занимая никакой определенной позиции по отношению к войне. Эти люди не уверены ни в том, что война была неизбежной, ни в том, что ее следует продолжать до победного конца. Воспринимая войну как «данность» и подчеркивая озабоченность своей собственной жизнью, они предпочли бы просто вернуться в мир до 24 февраля, хотя и понимают, что это невозможно.

Типы восприятия войны отличаются друг от друга не только содержательно. «Новые патриоты» и уверенные сторонники считают свой взгляд на войну результатом осознанного выбора. Их поддержка войны опирается на представления о том, какое будущее ждет страну в случае победы — они надеются на некое возрождение России и приобретение ею «истинной независимости», которая позволит решить накопившиеся в стране внутренние проблемы. Напротив, сомневающиеся сторонники и стремящиеся к «нейтралитету» признаются, что формируют свое отношение к войне, реагируя на окружающие события и обстоятельства, изменить которые они не могут. Наконец, «новые патриоты» и сомневающиеся сторонники войны склонны к моральным оценкам, которых избегают уверенные сторонники войны и информанты, стремящиеся к «нейтралитету».

Мобилизация: как они действуют и бездействуют в ответ на нее?

Мобилизация стала шоковым событием для многих россиян—сравнимым с началом «спецоперации». В этом разделе мы рассматриваем разные аспекты восприятия россиянами мобилизации. Мы прослеживаем, как строятся аргументы в оправдание мобилизации и аргументы, содержащие ее критику. Рассматривая критические высказывания, мы обращаем внимание на то, что именно критикуется (само решение об объявлении мобилизации или процесс его претворения в жизнь), и кто именно критикуется. Мы также показываем, как информанты реагируют на мобилизацию в ситуации, когда последняя может затронуть их лично или их близких и знакомых. Наконец, мы обсуждаем как информанты оценивают чужие стратегии поведения в ситуации мобилизации.

2° 2° 1° Восприятие мобилизации: непопулярное решение

21 сентября 2022 года президент В. Путин объявил о начале «частичной мобилизации». Люди, предпочитавшие держаться от войны подальше, вдруг осознали, что теперь она может коснуться их лично. Вот как об этом вспоминает один из наших информантов, тридцатидевятилетний специалист по недвижимости:

«Я, наверное, сидел в офисе, чего-нибудь там типа включил прямой эфир, там вроде он объявлял это в прямом эфире. Подумал, что вот теперь и меня это коснется напрямую»

м., 39 лет, специалист по недвижимости, октябрь 2022

Для некоторых информантов мобилизация стала событием, которое превратило далекую «спецоперацию» в настоящую войну:

«Поэтому “спецоперация” кончилась, началась война. Война. И война будет долго, война будет очень изнуряющая и, скорее всего, это не будет война с однозначными победителями и побежденными. Как-то так или иначе и та, и другая сторона припишет себе победу, и та, и другая сторона по факту очень много потеряет, поэтому вот так вот. А “спецоперация” кончилась как бы, и это уже очевидный факт, и нету людей, которые не признают, говорят, что... После мобилизации говорить о “спецоперации” — этого никто уже не делает»

м., 34 года, школьный учитель, октябрь 2022

Для многих мобилизация стала событием, к которому нельзя быть готовыми заранее — в этом смысле слухи о ее приближении не сделали ее объявление менее шокирующим:

«Меня всего трясло, когда я услышал о мобилизации. Потому что еще с начала февраля у нас все говорили: “А вдруг мобилизация будет?! Будет мобилизация — это будет все! Это война!” И вот этот момент настал — 21-го сентября объявляют о мобилизации. Для меня это было... Я даже не знаю... Вы сами представьте: началась война! Что тут еще можно чувствовать, если не страх какой-то? Все! Дальше света в конце тоннеля нет. Понимаете? Свет погас. Это конец! Мобилизация!»

м., 21 год, студент, октябрь 2022

Важно отметить, что эти же информанты одновременно могут утверждать, что мобилизация была неизбежной! Похожим образом наши информанты оценивали войну в момент ее начала: это кошмар, но а как иначе?

Впрочем, для кого-то из не-противников войны мобилизация не стала шоком и не привела к переживаниям и тревогам:

«Я не совсем понимаю психологических переживаний по этому поводу [по поводу объявления мобилизации]. Видимо, это моя особенность, но не только моя... У нас на работе британская компания и многие попрятались, поуезжали. Кто-то сразу свалил, кто в Лондон, в Дубай, в Казахстан, большинство. Но не все — с некоторыми людьми я разговариваю, мы ходим, пожимаем плечами — что с ними такое? Меня в депрессию от происходящего не кидает. Не знаю, может я монстр какой-то, но факт есть факт — меня не пугает мобилизация. Если меня заберут — что делать? Я пойду. <...> Нет, меня это не шокировало, давно пора»

м., 34 года, маркетолог, октябрь 2022

Мобилизация как вынужденная мера ████████████████████

Почему мобилизация кажется многим информантам, вне зависимости от переживаемых ими по ее поводу эмоций, неизбежной? Многие информанты полагают, что она естественным образом следует из критической ситуации, сложившейся на фронте: неудач российской армии на поле боя, преимущества противника в военной силе из-за помощи НАТО, усталости российских кадровых военнослужащих.

Большинство информантов сходятся на том, что у российских

властей был план быстрой победы над Украиной, но он не удался, и поэтому появилась потребность в отправке на фронт новых солдат:

«Не, ну, как-то с одной стороны это напрягло, с другой стороны, может, как-то успокоило, потому что мне казалось, что вообще надо объявить мобилизацию, потому что все плохо после этого отступления под Харьковом. Типа что это может быть какое-то военное поражение, что другого варианта нету. Потому что туда набирали уже... И “Вагнер” набирает туда чуть ли не уголовников. Ну, что это за армия такая? Понятно, что не хватает солдат, кадровых частей. Ну, а что еще делать? Сколько на Украине там уже идет мобилизация? Там они мобилизуют, не мобилизуют. Казалось, что другого варианта никакого нету»

м., 39 лет, университетский преподаватель, ноябрь 2022

Пытаясь объяснить необходимость мобилизации, некоторые из наших информантов обращаются к тому же типу аргументации, который они использовали, комментируя решение о начале войны (и который в разделе 2.1.5 мы назвали «подразумеваемым оправданием»): если руководство страны решилось на такой шаг, значит, на то были причины. В то же время, придерживаться веры в обоснованность действий властей в данном случае оказывается сложнее, особенно когда мобилизация начинает затрагивать жизнь информантов напрямую:

«Поначалу у меня проскочила мысль, что началась мобилизация, и я как будто подумала — ну здорово, так и надо, это не то, чтобы защитить свою страну, а чтобы что-то изменилось, видимо нужно такое действие. Если правительство приняло такое решение, значит оно важно и нужно. Но потом, когда

это начало касаться непосредственно меня и моих знакомых начали забирать, то я подумала — а действительно ли это все нужно?»

ж., 23 года, студентка, ноябрь 2022

Многие наши собеседники рассматривают объявление мобилизации как необходимый шаг из-за потенциальной угрозы переноса военных действий на приграничные территории России, которую необходимо предотвратить:

*«Это все закономерно проводилось, мобилизация. **Наших войск там не хватает, чтобы держать такую границу в нормальном состоянии, чтобы они к нам не лезли. Бомбят же Курскую, Белгородскую область»***

м., 71 год, пенсионер, октябрь 2022

Некоторые связывают эту угрозу с повышенным из-за войны давлением на Россию извне. Так как стране теперь приходится противостоять всему миру, нужно гораздо больше людей для защиты ее границ:

*«**Мобилизация? Этого следовало ожидать. Если весь мир, как говорится, 40 стран ополчилось против России, разве наши одни только, которые по контракту служат, могут нашу такую громадную Россию защитить? Конечно же не смогут! Не хватит столько людей! Понимаете? Не хватит столько людей!**»*

ж., 70 лет, пенсионерка, ноябрь 2022

Так или иначе многие информанты рассматривают объявление мобилизации как вынужденную меру, пусть неприятную, но необходимую в ситуации, в которой оказалась Россия осенью 2022 года.

Критика мобилизации: «запоздалое» решение или нарушение общественного договора

Однако вынужденная мера — не значит приятная и радостная мера. Рассматривая мобилизацию как необходимое решение, большинство информантов одновременно критикуют ее. Эта критика может быть направлена на разные аспекты мобилизации: например, на (не)своевременность решения о ее проведении или на то, как она была организована. Важно, что критика в адрес мобилизации озвучивается информантами с самым разным отношением к войне, в том числе, ее уверенными сторонниками.

Уверенные сторонники войны, считая объявление мобилизации необходимым шагом, недовольны ее запоздалым, неполноценным, квази-характером. Эти информанты ждали начала мобилизации еще весной или летом. В их восприятии мобилизация — это не крайняя мера, а обязательное условие «нормального» ведения войны. В связи с этим уверенные сторонники войны часто сетуют на нерешительность российских властей, объявивших мобилизацию слишком поздно, а также на их противоречивую позицию в отношении войны и победы:

«Я, как и большинство тех, кто старается это осмысливать с пророссийской патриотической позиции, не понимаю мягкости, с которой действует Россия. То ли это действительно слабость и неспособность все это закончить, то ли это сознательная позиция. Если это сознательная позиция, то это очень хорошо. Но если это невозможность, то какого черта мы в это все ввязались. Мне кажется, что если бы была объявлена мобилизация сразу, и полноценная, масштабная, то мы бы побыстрее это все закончили»

м., 34 года, маркетолог, октябрь 2022

Критикуя правительство за откладывание мобилизации, уверенные сторонники приходят к выводу, что тем самым руководство страны

демонстрирует свое неумение или даже нежелание воевать «по-настоящему»:

«И я считаю, что это поздно сделали, что надо было это раньше сделать. Для того, чтобы был у нас резерв. Для того, чтобы у нас был тыл. Вот потому я и сказал, что если воевать, то надо воевать по-настоящему. А если не воевать, то не воевать совсем»

м., 69 лет, пенсионер, октябрь 2022

По этой же причине они осуждают и отказ правительства России объявлять полноценную войну Украине, который — в особенности после объявления мобилизации — воспринимается ими как лицемерная полумера. С точки зрения многих убежденных сторонников, российскому руководству следует или официально объявить войну и проводить мобилизацию, или же сохранять статус интервенции в Украину как «спецоперации», но тогда и не призывать рядовых граждан на фронт:

«А самое главное, народ дико обиделся, что мобилизация-то поперла. И мертвые уже поперли. А войны-то нету! <...> И все! И все сидят. И не пойми куда и зачем все это надо было начинать? Если мы не воюем. А они еще все полгода говорили, что мы воевать не будем. <...> Им все орут: “Все, ребята, вы взялись в войну! Здесь воевать надо!” А они [военное руководство] воевать не хотят»

м., 34 года, школьный учитель, октябрь 2022

«Я сторонник концепции “спецоперации”. <...> Но при этом я был сторонником того, что именно потому, что “спецоперация” проводится профессиональными войсками, что это какие-то там... Это же не реальный

захват. Это мы разоружаем в приграничной полосе неких опасных радикалов. <...> А соскальзывание на войну по-старинке, это значит вот гораздо большие потери, и в общем это очень плохо»

м., 37 лет, программист, временно безработный, декабрь 2022

Большинство наших информантов, как уверенные, так и менее уверенные сторонники войны и люди, стремящиеся к “нейтралитету” (см. классификацию информантов в разделе 2.1), принимая необходимость решения об объявлении мобилизации, выражают недовольство самим процессом ее проведения:

«Я понимаю, почему это нужно для достижения целей, которые они затеяли и для реализации всего того, что происходит — это нужно, да. Людей не хватает, вязались в то, что не потянули, совершили большое количество ошибок, погибло огромное количество людей, потому что убийства происходит и с той, и с другой стороны. И сейчас один из логичных выходов — это привлечь больше массы. Печально то, как это происходит — бардак, коррупция, хаос, это в очередной раз подтверждается. Грубо говоря, если ты идешь драться, то ты должен быть к этому готов. Если ты не готов к этому или не провел подготовку, то не иди драться. Как-то так...»

м., 33 года, профессия неизвестна, октябрь 2022

Такие критические (и зачастую весьма эмоциональные) отзывы в адрес проведения мобилизации могут сопровождаться критикой неэффективности российского государства. Один из главных пороков российского государства, выявляемый такой критикой — это коррупция:

«Да! Бардачелло страшный! То есть их не знают, где размещать, не знают, чем кормить, формы нету. Поднимается этот хмырь и говорит: “А вы знаете, у нас 1,5 миллиона комплектов форм у нас украдено”. Вот, прямо в глаза. И все довоенное время эту форму можно было купить на Avito за 2 500 рублей. И все пайки, форма, система “Ратник”—поперто все! Просто все! Это ужасает! Даже если ты сильно большой патриот, даже если у тебя честно что-то там горит, ну, так же нельзя, господа. Вы же с голым носом. Вы собираете людей пусть даже не на фронт: на прифронтовые территории... Да любые другие территории! Жрать и форма им нужна! А нету, а все, а ничего и никуда»

м., 34 года, школьный учитель, октябрь 2022

Недовольство государством и личные тревоги могут совмещаться в критике процесса проведения мобилизации:

«А у меня мама в военкомате работала. И я знаю, что там беспредел происходит. Для меня это ожидаемо. Ну, в общем изначально было такое ощущение, что вообще сейчас всех сгребут, вот. И было страшно, конечно, что заберут мужа, что есть остаться риск без поддержки финансовой, что ребенок может остаться без отца и так далее. Очень, конечно, было тяжело, вот»

ж., 37 лет, инженер, в декрете, октябрь 2022

Однако важно отметить, что критика власти и падение доверия представителям государственных органов практически никогда не распространяются на президента Путина лично. Тем

самым информанты отделяют Путина от коррумпированного бюрократического государства, ставя первого над вторым:

«Замечу, что у меня изменилось в худшую сторону отношение к правительству, потому что плохо работают военачальники и мобилизационные центры. Видно, очень много ошибок. А также в плане военного штаба, координационного правительственного совета и в экономике они что-то не так делают. Мое отношение к государственной власти стало хуже, к самой структуре власти, ее системе.

Вопрос: *То есть твое мнение к Путину не изменилось, скорее к аппарату поменялось?*

Ответ: *Да. Не потому, что Путин хороший, он не отвечает за все подряд. Претензии скорее к самой системе — это более широкое понимание»*

м., 37 лет, журналист, октябрь 2022

Наконец, некоторые аполитичные, неуверенные сторонники войны, оправдывая решение об объявлении мобилизации в первые дни, начинают сомневаться в его необходимости чуть позже, когда становится понятно, что, несмотря на обещание властей, оно может затронуть их жизни и жизни их близких. В таком случае объявление мобилизации становится для них нарушением привычного уклада жизни, в рамках которого действовал негласный договор между обществом и властью— общество не лезет в политику, а власть не лезет в частную жизнь и карьеру:

«Но это бред как-то... По-моему, это вообще полнейший бред. Это должны делать наемники, люди за деньги. Но это не должен делать офисный сотрудник, он всю жизнь за компьютером работал. С какой стати? Он

взрослый мужик, тридцать лет, он пойдет с ружьем, куда-то поедет, будет в такого же чувака стрелять. Это такой бред, это у меня не укладывается»

ж., 37 лет, предпринимательница, октябрь 2022

«Я хочу прожить свою жизнь как можно дольше, я хочу получить как можно больше кайфа от этого. Я хочу много повидать, много получить удовольствия. Я не хочу просто бездарно умереть ради чьих-то тем. Я не хочу стать тем, кто закончит чью-либо жизнь. Осознание того, что мое государство подталкивает к этому — оно вообще меня не радует. Это вообще не круто»

м., 30 лет, профессия неизвестна, временно не работает, октябрь 2022

Многие далекие от политики люди, испытавшие шок в момент объявления войны, со временем приняли это положение вещей и/или отстранились от происходящего, поскольку они не могли на него повлиять. Поступая таким образом, они надеялись на сохранения статуса кво двух предыдущих десятилетий: власть воюет, а простые люди ей не мешают и продолжают жить своей жизнью. Поэтому недовольство мобилизацией, под которую вдруг попали простые люди, не имеющие никакого военного опыта (вопреки обещаниям властей) — это недовольство нарушением властями этой негласной нормы. Согласно этой логике, если политики развязали этот конфликт — именно они (а никак не простые люди) должны участвовать в его разрешении:

«Я думаю, что вот эта “спецоперация” под собой несла более веские причины, чем просто “нам нехуй делать”. Но отношение, конечно, негативное. Ну, элементарно — знакомых забирают на войну. Вот если бы могли

политики между собой пиздиться — собрались такие, там 20 человек, тут 20 человек политиков, и кто победил, тот и молодец. А они-то заставляют обычных людей идти, причем не добровольная армия, а именно мобилизация!»

м., 22 года, студент, ведущий мероприятий, октябрь 2022

Так или иначе, большинство не-противников войны одновременно рассматривают объявление мобилизации как вынужденный, необходимый шаг и оказываются недовольны многими ее аспектами. Однако, как мы показали выше (см. 1.2.3), такое недовольство не приводит автоматически к недовольству «спецоперацией» в целом: отношение к мобилизации и отношение к войне, особенно в случае далеких от политики людей, могут существовать как будто бы в разных плоскостях.

2° 2° 2° **Что делать? Смириться «с судьбой», надеяться на лучшее, избегать**

Принято считать, что, столкнувшись с мобилизацией, россияне либо пассивно принимают свою участь (этот взгляд, в частности, содержится в [исследованиях Левада-Центра](#)), либо — что встречается реже — с энтузиазмом поддерживают происходящее. И хотя сотни тысяч эмигрантов и десятки тысяч задержанных протестующих ставят такие обобщения под вопрос, мы не стремимся разоблачить «неправильные» теории. В этом разделе мы пытаемся понять и описать способ рассуждений и образ действий людей, впервые столкнувшихся с реальной вероятностью быть отправленными на войну или проводить туда своих близких вне зависимости от того, сопровождалась ли реакция на мобилизацию энтузиазмом, безучастностью или протестом.

Как мы показали выше, объявление мобилизации осмысляется как ожидаемое, вынужденное событие большинством наших информантов (в том числе многими ее критиками). Многие

предполагают, что эскалация военных действий с возможным переходом на территорию России — вопрос времени, и что рано или поздно участие в военных действиях потребуется от каждого. Исходя из этих ожиданий люди выстраивают свои практики в отношении мобилизации.

«А куда деваться?»: фатализм

Большинство наших информантов не-противников войны не считают себя способными повлиять на ход событий. Мобилизация часто воспринимается ими как данность, как некие независимые от воли отдельных людей неустрашимые обстоятельства.

Как следствие, даже те информанты, которые не испытывают никакого энтузиазма в связи с перспективой отправиться на фронт и не обладают уверенностью в необходимости и осмысленности войны как таковой, тем не менее бездействуют в ответ на объявление мобилизации. «А куда деваться?» — говорят они:

«Тут же получается как? Если нет семьи, по идее нечего терять, то есть почему бы и не пойти [воевать]? <...> А с другой стороны, если у тебя есть семья, то тебе, значит, есть что терять, значит, надо либо как-то юлить, либо, либо...

Вопрос: В принципе, ты для себя еще точно не решил, что ты будешь делать, если придет повестка?

Ответ: Нет, почему? Я решил.

Вопрос: Решил, что пойдешь?

Ответ: Так [да], конечно. А куда деваться-то?»

м., 39 лет, тестировщик в сфере IT, ноябрь 2022

Для кого-то такой фатализм — это проявление рациональности, другие же обнаруживают его в себе с удивлением.

Многие информанты ожидают расширения военных действий, превращения их в «глобальную войну» или войну на территории России: *«Даже если меня не призовут, война, к сожалению, может прийти к нам»* [м., 30, металлообработчик, октябрь 2022]. Это подкрепляет их фатализм. Попытки уклониться от мобилизации являются в таком случае бессмысленными, ведь рано или поздно «деваться» будет некуда.

Важно подчеркнуть, что, обсуждая с нами возможные реакции на мобилизацию (в том числе уклонение), информанты всегда говорят только об индивидуальных стратегиях и никогда — о коллективных. Информанты не рассуждают о возможностях кооперации с другими для пассивного уклонения, активного протеста или любой другой формы коллективного действия в ситуации мобилизации.

Неудивительно поэтому, что ситуация мобилизации часто осмысляется в терминах индивидуальной судьбы и ответственности. Так, пятидесятишестилетняя работница сферы культуры и образования из небольшого города рассказывает в интервью, что очень сильно испугалась в момент объявления мобилизации — ведь на фронт могли забрать ее единственного сына (*«У меня была паника один раз, когда была мобилизация — я думала: боже, Дениску заберут!»*) [ж., 56 лет, университетская преподавательница, ноябрь 2022] (позже сын успокоил ее, сообщив, что по месту работы ему пообещали «бронь»). Однако вопрос о том, не планировала ли она в случае получения сыном повестки попытаться каким-то образом предотвратить его мобилизацию (в том числе спрятать его или отправить за границу), вызывает у нее не только недоумение, но и возмущение:

«Вопрос: А ведь некоторые начали уезжать из-за мобилизации, чтобы их не забрали из страны...»

Ответ: Да ну, ерунда какая-то. Это как называется? Дезертир. Если надо, то надо.

*Судьба тебя все равно [настигнет]... <...>
Тебя жизнь будет за это наказывать. <...> Я
его не прячу. Если бы такое случилось, то я буду
плакать, переживать, я буду молиться за него,
и это есть—постоянно пересылаются какие-
то посты, типа “молитесь, коллективная
молитва”. Благодать, она спасает.*

Вопрос: *То есть если бы это произошло, то вы бы
не стали препятствовать?*

Ответ: *А куда деваться? Что я сделаю? Нет.*

Вопрос: *Можно там...*

Ответ: *Я ничего не смогу сделать. Это хуже
еще будет, я буду еще больше переживать»*

ж., 56 лет, университетская преподавательница, ноябрь 2022

Идея уклонения от мобилизации воспринимается этой информанткой как попытка переписать предначертанную для конкретного человека судьбу — попытка, которая по определению обречена на провал. Формулируя эту мысль, она обращается к яркому литературному образу, иллюстрирующему тотальную власть фатума, перехитрить и обмануть который невозможно:

*«Помните “Песнь о вещем Олеге, Пушкин”?
Когда ему волхвы предсказали, что “ты умрешь
от коня своего”. Ну и что? Он слез с коня,
приказал кормить, поить. Конь служил. И
когда конь умер, то он пришел и сказал, мол “ну
вот...”. И из черепа вылезает змея и жалит этого
князя, он умирает от коня своего. “Ты примешь
смерть от коня своего”. Так же и Пушкину
предсказывали»*

ж., 56 лет, университетская преподавательница, ноябрь 2022

В этой картине мира мобилизация из политического решения, принятого конкретными людьми в конкретных исторических обстоятельствах, превращается в рок, почти божественную предопределенность и в итоге интернализируется: от себя не убежишь.

«Так и тут: кто там уехал, <...> он уехал в открытое пространство, но по сути-то он не убежал от себя.

Вопрос: *А почему от себя? Может он считает себя заложником ситуации.*

Ответ: *Он бежит в первую очередь от себя. От себя того, который не пошел на войну»*

ж., 56 лет, университетская преподавательница, ноябрь 2022

Но все же далеко не все информанты заходят настолько далеко в фаталистическом восприятии мобилизации. Многие просто не имеют материальных и социальных возможностей «прятаться» или «убегать», в том числе и за границу, хотя и допускают для себя такой вариант при других обстоятельствах. В целом же, как мы показываем ниже, чаще всего наши информанты все-таки не осуждают (или, по крайней мере, не осуждают резко) «бегство» за границу, однако и не рассматривают его в качестве возможной личной стратегии в ситуации мобилизации. Отказ от потенциального уклонения может быть продиктован семейными обстоятельствами («*То есть у меня здесь квартира, все, друзья, семья, родители все, все здесь, работа. И уеду я в Израиль. Ну, что у меня там? Вообще ничего»*) [м., 34 года, менеджер, ноябрь 2022]. Ожиданием финансовых трудностей в случае переезда и страхом общественного осуждения. Сочетание ощущения «неизбежности» новых волн мобилизации с невозможностью «убежать» усиливает их фаталистическое отношение к мобилизации, которое определяет их бездействие в сложившихся обстоятельствах.

«Если надо будет, то пойду»: защита родины и гражданский долг

Соответственно, некоторые информанты решают не уклоняться от мобилизации не только (и не столько) из-за фаталистического отношения к происходящему, сколько потому, что чувствуют необходимость защищать свою страну. Информанты называют эту необходимость «долгом», «обязанностью» или «ответственностью». Значит ли это, что они встречают возможность быть мобилизованными с энтузиазмом? Отнюдь. Скорее, верно противоположное: *«Я не хочу, чтобы эта ответственность наступала, потому что это не очень классно, но, если меня призвут, я не буду бегать, а пойду воевать»* [м., 37 лет, маркетолог, ноябрь 2022]. Или короче: *«Страна призвет — и я пойду»* [м., 46 лет, строитель, музыкант, октябрь 2022].

Примечательно, что многие подчеркивают, во-первых, свою неготовность и нежелание убивать, а во-вторых, свою бесполезность на поле боя как непрофессионалов. Однако из этого они не делают вывод о необходимости уклонения от призыва. Наоборот, если «страна призвала» даже тех, кто «бесполезен», значит она в опасности. *«Если страна меня призвет, значит уже пиздец полный в стране, значит надо будет идти»* [м., 38 лет, предприниматель, декабрь 2022]. Иными словами, фатализм (который является общим для большинства наших информантов) свойственен даже тем, кто сознательно решает защищать родину — просто он не становится их основным мотивом. Эти информанты тоже не видят смысла уклоняться от мобилизации в ситуации затяжной войны. Если сейчас, в первую волну, можно «отвертеться», то в долгосрочной перспективе это не имеет смысла: *«Надо? Все пойдём. Вот если объявят полную, то тут уже не отвертись»* [м., 27 лет, звукорежиссер, октябрь 2022].

Таким образом, «надо» — это ключевое слово для понимания логики этих информантов. Выполнение задачи «потому что надо» не предполагает энтузиазма, но и не предполагает уклонения от такого приказа:

«Я не скажу, что обрадовался, не скажу, что я загрузил. Я не скажу, что я хотел ехать»

убивать — нет, я же не маньяк. Но если надо...»

м., 37 лет, профессия неизвестна, октябрь 2022

Однако часть информантов объясняет свое нежелание уклоняться от призыва не только тем, что страна призывает к своей защите, но и тем, что их близкие могут оказаться под угрозой в случае переноса военных действий на территорию России:

«Если произойдет ситуация, когда будет угроза непосредственно для меня, для моих близких, для будущего моей страны, и понадобится мое участие... Ну, я не испытываю подъема духа от того, что мне придется воевать, кого-то убивать — нет, совершенно нет»

м., 28 лет, компьютерный график, октябрь 2022

Связь семьи, родины и эскалации войны наиболее емко суммирована одним из информантов через описание «дома», который в скором времени может быть в опасности:

«Блин, ну, возможно, что этот дом надо защищать. То есть его определенно надо защищать, если вдруг такая вот необходимость есть. И сейчас по ходу дела как раз все к этому и идет»

м., 37 лет, предприниматель, октябрь 2022

«Бегать не собираюсь»: непротивление закону и вызов мужественности

Часто, однако, информанты-мужчины объясняют свое нежелание уклоняться от повестки с помощью «негативных» аргументов. Следующий фрагмент интервью с тридцатидвухлетним разнорабочим из Подмосковья хорошо иллюстрирует эту закономерность — нежелание «бегать» от представителей

военкомата и быть арестованным предшествует «позитивному», содержательному обоснованию участия в войне.

«Вопрос: *Когда началась мобилизация, как ты воспринял эту новость?*

Ответ: *Ну, никак. Сидел, ждал, пока мне повестка придет.*

Вопрос: *И ты готов пойти был?*

Ответ: *Ну, так я же не буду бегать, чтобы меня в тюрьму сажали.*

Вопрос: *В смысле, что ты бы пошел, но без особого энтузиазма. В этом смысле? Типа вынужденно?*

Ответ: *Вынуждено пошел бы, конечно, да.*

Вопрос: *Чтобы не бегать?*

Ответ: *Чтобы не бегать, да. <...> Ну, в чем-то, конечно, я нашел бы смысл своего призыва. Надо же как-то объяснить: что, для чего, почему?»*

м., 32 года, арборист, декабрь 2022

Такое обоснование информант подбирает постфактум, в процессе дальнейшей беседы—и с помощью интервьюера:

«Ответ: *В принципе, некоторое объяснение у меня есть.*

Вопрос: *Какое, если не секрет?*

Ответ: *Ну, какое... Я хочу спокойно жить. И чтобы моя семья спокойно жила.*

Вопрос: *В смысле, что это был бы твой вклад в обеспечение безопасности России?*

Ответ: *Да, наверное, да. Хороший ответ»*

м., 32 года, арборист, декабрь 2022

«Негативные» обоснования готовности пойти на фронт в случае получения повестки в первую очередь связываются информантами с нежеланием нарушать закон. Однако, можно предположить, что во многих случаях они также вызваны нежеланием отклоняться от нормативной модели мужественности, распространенной в российском обществе, в соответствии с которой уклонение, а тем более «бегство» за границу — поступок, недостойный «настоящего» мужчины:

«У меня нет никакого желания идти воевать, но если придет повестка, я пойду и буду воевать. Потому что это банальная вещь, что страна существует до тех пор, пока женщины готовы рожать, а мужчины готовы воевать. Все очень просто»

м., 60 лет, предприниматель, октябрь 2022

Информанты, однако, редко ссылаются на представления о «поведении настоящего мужчины» для объяснения собственных стратегий в связи с мобилизацией, зато часто используют этот критерий для оценки поведения уехавших знакомых или незнакомых людей (см. 2.2.3).

В любом случае самые разные представления о невозможности уклонения подкрепляют фаталистичную установку информантов, описанную нами выше. Например, в следующем отрывке сорокашестилетний научный сотрудник обосновывает свою готовность пойти на войну тем, что стратегия уклонения не соответствует его представлению о достойном поведении человека его возраста. Тем не менее он заканчивает это рассуждение, подчеркивая свой фатализм:

«Позовут — приду. Не позовут — не приду. Я не собирался бегать, у меня уже такой возраст, что я не мальчик на велосипеде, чтобы куда-то бежать, скрываться. Это, во-первых. А во-вторых, все-таки есть какая-то гражданская

ответственность в целом. <...> Есть такая штука как фатализм. Наверное, я отношусь к этим людям, фаталистам. Даст бог — пойду, не даст бог — не пойду»

м., 46 лет, научный сотрудник в музее, октябрь 2022

Показательно, что в данном случае содержательный аргумент о гражданской ответственности опять приводится только после аргумента о нежелании скрываться, нарушать закон.

«Я не поддаю»: мобилизация идет по плану

Часть информантов решают не уклоняться от призыва потому, что верят в разумность распоряжений властей. Они выражают уверенность или (чаще) надежду на то, что мобилизация проводится согласно продуманному плану, и их, «бесполезных» на поле боя, не призовут. Они подкрепляют такое убеждение примерами из личного опыта или опыта знакомых, которые, например, пытались записаться добровольцами, но получали отказ. Когда те, кто не подлежат мобилизации согласно указу президента, все-таки получают повестки, такие информанты интерпретируют это как «перегибы на местах». Порой такие перегибы, в глазах информантов, заканчиваются благополучно: *«Понятно, что на местах, наверное, были и перегибы, да. За всем не уследишь, но люди в итоге получали какие-то справки и их отпускали»* [м., 42 года, профессия неизвестна, октябрь 2022].

Не у всех информантов есть твердое убеждение в том, что мобилизация проходит по закону. Такие люди выражают тревогу в интервью, но тем не менее стараются «свериться» с указом президента и оценить вероятность быть призванным или получить отсрочку. Кто-то из них надеется на «бронь» из-за учебы или работы, а кто-то живет не по прописке. Иногда эти информанты рассматривают для себя возможность переехать за границу, но в результате принимают решение остаться:

«Я все-таки надеялся очень сильно на закон об образовании, и на то, что студентов трогать не будут. В принципе, так оно и оправдалось. Уезжать из страны мне особо сильно не хотелось»

м., 23 года, медицинский инженер, ноябрь 2022

«Ко мне на завод не может зайти военкомат никак, они ко мне не могут попасть, их посылают на хуй, потому что это опасное производство и всякая шерсть не может туда попасть никак»

м., 27 лет, работник нефтяной сферы, ноябрь 2022

Такое поведение находится где-то между уклонением и неуклонением. Эти информанты не предпринимают конкретных действий для уклонения от призыва. Тем не менее, надеясь на соблюдение правил в процессе мобилизации и убедившись в наличии у себя «защитных» обстоятельств, они рассчитывают избежать призыва на фронт.

«Я бы уехал, но...»: пассивное уклонение ████████████████████

Есть среди не-противников войны и те, кто рассказывает о своем решении уклоняться от мобилизации. Тем не менее даже эти информанты часто бездействуют, предпочитая решать проблемы по мере их поступления:

«Вопрос: Ну, вы как-то думали об этом: что делать, если вдруг придет повестка?»

Ответ: Ну, с ней не встречаться, вот...»

м., 37 лет, программист, временно безработный, декабрь 2022

У них нет продуманного плана действий на случай получения повестки, но они надеются придумать его, если такое все-таки произойдет:

«На крайний случай думал переехать с моего места постоянного проживания к кому-то из друзей, к кому точно не могли бы прийти. Это просто чтобы выиграть время, чтобы если вдруг придут, то что-то там придумать, что-то понять, продумать план обороны. Как-то так...»

м., 23 года, медицинский инженер, ноябрь 2022

Активное уклонение от призыва — например, эмиграция — кажется многим информантам невозможным, в том числе, в силу финансовых, социальных, психологических причин:

«Нужно, по сути, полностью изменить свою жизнь, лишиться всего, что у тебя было до этого, кардинально изменить свой образ жизни. <...> Мне кажется, что я — трус, потому что я побоялся бросить все, что у меня есть в Питере и уехать в никуда»

м., 22 года, студент, ведущий мероприятий, октябрь 2022

«[Идея] съехать в Грузию—это было на доли секунды, потому что у меня здесь родители, я не могу их здесь оставить ни в коем случае...»

м., 27 лет, работник нефтяной сферы, ноябрь 2022

Показательно, что единственный информант, который эмигрировал в связи с мобилизацией, во-первых, сделал это под давлением близких (мамы и девушки), а во-вторых, говорит о наличии сбережений, которые позволяют ему жить в эмиграции не работая: *«Я живу за счет тех денег, которые у меня на строительство [дома] были»* [м., 30 лет, профессия неизвестна, временно не работает, октябрь 2022].

Единицы наших информантов рассматривают вариант активного уклонения от мобилизации, предполагающего готовность подвергнуться уголовному преследованию и сесть в тюрьму.

«Уехавшие» и «оставшиеся» глазами наших информантов

Не секрет, что посредством подконтрольных СМИ и лояльных чиновников российская политическая элита выносит бинарную, черно-белую оценку гражданам России в зависимости от их поведения в ситуации мобилизации. Так, высокопоставленные лица вроде [Медведева](#), [Кадырова](#), [Володина](#) и других обвиняют россиян, покинувших страну после объявления мобилизации, в трусости и предательстве родины. Чиновники разного уровня выступают с инициативой лишения гражданства и/или собственности уехавших россиян. В то же время участники войны с Украиной объявляются героями, примерами для молодежи, наказывать за оскорбление которых планируют с помощью [уголовного кодекса](#). Но считают ли простые россияне, не эмигрировавшие и не мобилизованные, такую черно-белую оценку адекватной? Как они оценивают мобилизованных, не уклонившихся от повестки, и тех, кто уклоняется или даже эмигрировали, чтобы не попасть под мобилизацию?

На деле в интервью встречается не только (и не столько) героизация мобилизованных и осуждение уклонистов. Скорее это крайние оценки, не разделяемые в такой форме большей частью наших информантов. Это не значит, что наши собеседники полностью воздерживаются от оценок. Точнее будет сказать, что чаще всего они заявляют о своей индифферентности к чужим действиям, и скорее пытаются найти объяснение той или иной стратегии поведения. В конечном счете, заключает большая часть информантов, идти воевать или уклоняться от мобилизации, уехать или остаться— «это личное дело каждого». Далеко не все пытаются повлиять или собираются влиять на решения своих близких, не говоря уже о просто знакомых.

Герои, злодеи или глупцы? Отношение к решению пойти на фронт

Наши информанты по-разному относятся к решению мобилизованных пойти на фронт (здесь мы говорим не о добровольцах, а о тех, кто решили не уклоняться, получив повестку). В основе аргументов в поддержку не-уклонения лежат те же темы — защита семьи, идея и/или понятие долга (и иногда — материальная выгода от участия в войне):

«Потому что это реально надо. И что те, кто идут туда на войну, на фронт, на линию соприкосновения, для меня эти люди герои. Потому что они не свалили в Казахстан. Они сказали: “Да, я буду выполнять свой долг. Родина сказала: надо защищать Родину. И я пошел”. Для меня эти люди — герои»

ж., 37 лет, инженер, в декрете, октябрь 2022

«Я занимаю в этом среднюю позицию, посредине. Когда люди идут, то одни, получается, оперируют логикой, а другие оперируют чувствами. Те, кто оперирует логикой—это, в основном, люди постарше, у кого есть дети и внуки, которым терять особо нечего. Они говорят: “Я поеду защищать, в случае чего семья получит большое количество денег”. <...> Те, кто помоложе, они частично оперируют денежным расчетом, но многие оперировали понятием родины, понятием долга, кто-то— вот этой своеобразной романтикой. <...> И есть ребята, которые вдохновились романтикой, типа “вот, я стану бесстрашным солдатом”. И они шли туда... Их понять было с этой стороны тяжелее»

м., 23 года, медицинский инженер, ноябрь 2022

Однако другим информантам сложно понять тех, кто идет воевать по идейным или прагматическим соображениям. Такие люди кажутся им излишне жестокими:

«Есть примеры таких отъявленных патриотов <...> Я видела людей, которые говорят: “Мой еще пойдет тоже! Мой пойдет, я пойду, мы все пойдем!” Я была прямо шокирована, мне было страшно. Я понимала, что, да, в такое время люди конечно нужны... Но эти люди беспощадны!»

ж., 33 года, спортивный инструктор, ноябрь 2022

Рассуждая о поведении своих близких в случае получения повестки, другая наша информантка, двадцатитрехлетняя студентка, критически высказывается о возможном решении своего партнера отправиться на фронт без ее согласия. Для нее такой выбор — это прежде всего пренебрежение своей семьей:

«То есть он думает, что там он нужнее, чем здесь, со мной. Если он думает так, то уже большие вопросы к нему. Я считаю, что такие решения должны приниматься в семье, коллективно, тем более если вы вместе живете. Если бы он, не посоветовавшись со мной, решил так, то мне было бы очень грустно»

ж., 23 года, студентка, ноябрь 2022

Наконец некоторые информанты не понимают пренебрежения собственной жизнью в обмен на денежные выплаты. Такие решения кажутся им недальновидными. По их мнению, эти люди просто не знают, на что идут:

«У меня есть моя подруга близкая, у нее есть родственники в деревне, в Подмоскowie. Мы с ней прямо это обсуждали. Она говорит: “Ты

представляешь, у меня кузены, братья, они наоборот такие, типа платят 200 тысяч, мы пойдём”. Но мы обсуждали это с точки зрения того, что они молодые еще, им 21-22 года, дураки, они как-то по-другому себе представляют это все»

ж., 37 лет, предпринимательница, октябрь 2022

Информанты также отмечают, что участие в войне влияет на психику: «Я не знаю, кого она не сломаст. Ну, не знаю, какого-нибудь уголовника-головореза. <...> А вот просто обычные гражданские — ну, это серьезная психологическая травма» [м., 42 года, инженер, декабрь 2022]. Это рассматривается и как личная опасность, и как опасность для общества в целом:

«И я вчера ездила к другу в Наро-Фоминск. Он служит сейчас в армии, я просто видела автобус огромный с мобилизованными. И оттуда выходили пьяные ребята, которые просто бухают перед тем, как их мобилизуют в этом автобусе. И это страшно, потому что ты понимаешь, что эти люди будут навсегда многие из них с абсолютно травмированной психикой»

ж., 30 лет, редактор в IT сфере, октябрь 2022

Иными словами, если некоторые не-противники войны восхищаются решением мобилизованных пойти на фронт, то другие скорее не одобряют его. Кажется, что в российском обществе, даже среди не-противников войны, нет консенсуса по этому вопросу.

Прагматики, трусы, предатели или перестраховщики? Отношение к решению уклониться и эмигрировать ■■■

Несмотря на то, что ряд высокопоставленных чиновников в

России регулярно высказывается о россиянах, не поддержавших «спецоперацию», как о предателях, которых необходимо покарать, в своем февральском послании Совету Федераций Владимир Путин попытался традиционно смягчить такую крайность. И хотя он сам использовал словосочетание «национал-предатель», завершением этой мысли стало упование на «совесть» таких людей. Поэтому особый интерес представляют характеристики, которые наши информанты дают уклоняющимся от мобилизации и эмигрировавшим россиянам.

Выражают ли наши информанты осуждение или желание наказать тех, кто избегает участвовать в войне? В основном нет. Многие понимают, что отъезд из страны мотивирован желанием сохранить себе жизнь:

«Я понимаю тех людей, которые уехали. Я не могу испытывать к ним презрения или что-то еще, потому что я понимаю, что каждый человек, он хочет сохранить свою жизнь»

ж., 30 лет, редактор в IT сфере, октябрь 2022

Некоторые информанты объясняют разницу между теми, кто готовый пойти воевать, и «уклонистами» разницей в изначально присущих тем и другим чертах характера: первые являются по природе своей смелыми людьми, в то время как вторые этим качеством не обладают. Парадоксальным образом, признание «уклонистов» и «уехавших» трусами не ведет к осуждению такими информантами их выбора. Наоборот, именно подразумеваемая «врожденность» этих свойств служит в данном случае оправданием для неучастия в войне тех, кто в силу своего склада для этой деятельности просто не подходит. Поскольку трусов не превратить в смельчаков, нет причин их осуждать. Им можно просто посочувствовать и понять их нежелание ехать на фронт:

«Многие уехали за границу. Ну, может, с одной стороны, я считаю, это правильно сделали. <...> Ну, нет у них такой смелости. Понимаете? Нету такого патриотизма

такого что ли? У них нету. И поэтому они вот или тихо в омуте, как говорится, сидят или уехали за границу. Ну, есть люди, которые тихо сидят, но они ни в коем случае не оплевывают ни Путина, ни Россию. Просто у них нету столько смелости»

ж., 70 лет, пенсионерка, ноябрь 2022

Как показывает предыдущая цитата, сочувствия и понимания наших информантов не достойны в первую очередь те россияне, которые критикуют Россию и Путина из-за рубежа. И наоборот, те, кто уехали из-за неприятия войны, отсутствия «смелости», по семейным или финансовым причинам, но при этом не высказываются за рубежом против России, вызывают понимание. Доведенная до предела, неприязнь к тем, кто «оплевывает» Россию и Путина [ж., 70 лет, пенсионерка, ноябрь 2022], выражается в желании им «расплаты» за то, что они «сбежали» в трудный для страны момент:

«Сейчас и со стороны властей есть какие-то решения о том, как к этому относиться, и какие могут быть взыскания, условно говоря, за то, что люди в тяжелый момент сбежали. <...> Ну, в общем людям придется решать, действительно, или менять гражданство, или вернуться, или заплатить за то, что они так сделали»

ж., 41 год, научный сотрудник, октябрь 2022

«Те, кто уезжал без особой вони — к ним вопросов было меньше всего. <...> Их можно полностью понять»

м., 23 года, медицинский инженер, ноябрь 2022

Таким образом, многие не-противники войны с сочувствием относятся к эмиграции, вызванной страхом, переживанием за личное благополучие и благополучие своей семьи, и даже просто неприятием войны. Они, однако, отказывают в понимании тем, кто уезжает «громко», во всеуслышание озвучивая свою политическую позицию из-за рубежа.

Тем не менее, критики войны могут вызвать уважение у отдельных (правда, совсем немногочисленных) информантов. Например, если они критикуют войну, находясь внутри России:

«А человек, который полуполегално скрывался, где-то писал статьи, проводил репортажи, делал расследования, находясь буквально через дорогу от управления ФСБ — его хочешь не хочешь, но уважаешь»

м., 23 года, медицинский инженер, ноябрь 2022

В этом случае действия, соответствующие декларируемым взглядам, вызывают уважение — ведь такие люди не «сбежали» и не поливают Россию грязью с безопасного для себя расстояния. И наоборот — те, кто активно поддерживали «спецоперацию», но столкнувшись с риском быть мобилизованными, сбежали из страны или стали уклоняться, заслуживают осуждения. Информанты указывают на лицемерие такого рода уклонистов, делая акцент на том, что их действия идут вразрез с их взглядами и словами:

«Знаю тех, кто уехал. Может быть, некоторые, кто уехал, я в них разочарован, потому что до этого они несли что-то патриотическое в массы. А оказалось, что когда жареным пахнуло, то они первые отсюда улетели»

м., 46 лет, предприниматель, ноябрь 2022

Информанты также не доверяют командованию российской армии, которое не заботится должным образом о безопасности мобилизованных. И если страна может использовать своих граждан

как «пушечное мясо» — значит, уклонение россиян от призыва можно понять:

«Проблема в том, что если изначально человек был настроен по-боевому, и он видит, что происходит, что в любой момент его правительство может кинуть, то есть недостаточно послать войска на линию фронта, что у противника будет преимущество или получается, что им командует бездарное руководство, которое [может] его как пушечное мясо оставить»

м., 40 лет, гид, октябрь 2022

Многие информанты при этом жалеют тех, кто уезжает за границу из-за мобилизации, ведь эти люди теряют свой дом, свою родину, и рискуют приобрести финансовые сложности и трудности с интегрированием в принимающее общество:

«Мы же видим много роликов, как относятся к людям в Казахстане, в Грузии, к этой ситуации. Они негативно воспринимают бегущих людей. Я думаю, что плохо не то, что люди бегут, а то, что они получают за границей ситуацию хуже, чем сейчас»

м., 37 лет, журналист, октябрь 2022

Наши информанты переживают не только о благополучии самих бежавших за границу от мобилизации, но и о благосостоянии своей страны. Некоторые из таких информантов жалеют, что хорошие, умные, талантливые люди, профессионалы своего дела бегут из России, что из-за войны и мобилизации происходит «утечка мозгов». Они считают, что волна бегущих от принудительной мобилизации подрывает репутацию России и в глазах мирового сообщества, и в глазах некоторых россиян (даже тех, кто поддерживают «специальную операцию»). Вину за это они вменяют

государству. Одновременно они выражают надежду на то, что уехавшим позволят вернуться домой, когда война закончится:

«Мне бы хотелось, чтобы, знаете, добрая русская душа, чтобы мы всегда приняли назад. И чтобы не рвали связей, и люди понимали, что вот дом — он здесь, и вернуться они могут»

ж., 41 год, научный сотрудник, октябрь 2022

Среди не-противников войны, разумеется, есть люди, осуждающие уклонистов — пусть и меньше, чем тех, кто понимают их. Многие из таких информантов восприняли объявление мобилизации как событие, которое «сняло маски» с окружающих, показало «кто есть кто»:

«Показали, кто есть кто. Вот это — самое ценное, что можно извлечь из всей этой ситуации. Тот, кто вроде был нормальным, он оказался просто ссылком, который просто при первой же опасности взял свои шмотки и свалил куда подальше»

м., 27 лет, звукорежиссер, октябрь 2022

Осуждение информантов прежде всего вызывает уклонение от несения службы родине, которая нуждается в своих гражданах. Как отмечает одна из информанток, «у нас родина одна, и уехать — это предать ее» [ж., 60 лет, врач, ноябрь 2022]. С точки зрения осуждающих уклонистов, жители России обязаны своей стране уже тем фактом, что до войны они могли жить спокойно, работать, заниматься любимыми хобби: «То есть ты хочешь здесь хорошо жить, чтобы у тебя все хорошо было, но при этом, когда надо, ты собираешь свои шмотки и сваливаешь» [м., 27 лет, звукорежиссер, октябрь 2022].

Такие информанты называют уклонистов неадекватно понимающими ситуацию «паникерами» [м., 46 лет, предприниматель, ноябрь 2022], [м., 38 лет, профессия неизвестна, ноябрь 2022], «лошарами» [м., 37 лет, профессия неизвестна, октябрь 2022], «трусами» [м., 24 года,

помощник депутата, ноябрь 2022], «ссылком» [м., 27 лет, звукорежиссер, октябрь 2022], бесполезными для страны и неблагодарными стране людьми:

«Они сами здесь живут, пожинают плоды нашей страны, нашего общества, но от них никаких ответных действий, помощи ожидать вообще не стоит. Потому что это люди, которые сольются в первые три секунды. Этим людей не останавливает то, что ты им говоришь: “Я тебя буду чморить, я буду смеяться над тобой, что ты трус”. А он говорит: “А мне без разницы, зато я буду живой, здоровый, ну и ладно что буду трус”. Вот такие бывают люди, моменты. Я считаю, что люди сами должны идти»

м., 25 лет, вахтовый рабочий, октябрь 2022

Другой информант выражает похожую мысль: уклонисты — это «блядуны», которые пользуются благами своей страны, как пользуются женщинами, но не готовы быть ей верными [м., 27 лет, звукорежиссер, октябрь 2022]. «Блядуны» и «трусы», разумеется, вызывают презрение таких информантов. Другой повод для презрения — это поведение, не достойное настоящих мужчин:

«Кто-то из знакомых прятаться стал, тоже такие случаи были. Люди есть люди, люди разные. И в такие стрессовые моменты всегда видно, кто есть кто. <...> Говоря дворовым языком — те, кто пошел в военкомат и те, кто попал под мобилизацию, они пацаны. А те, кто стал прятаться, те — лошары. Ну, мы их называли другим словом... короче, гомосексуалист на букву П, так называли во дворе тех, кто не относился к числу пацанов. Вот и все»

м., 37 лет, профессия неизвестна, октябрь 2022

Соответственно, уехавшие из России из-за мобилизации люди — это «балласт», это «отваливающиеся наросты», которые мешали стране, и от которых радостно, наконец, избавиться:

«Все, что мешало, оно отваливается. Оно отваливается, сыплется, все эти Галкин, Пугачева, Красовский, вот это вот все... Все, что не нужно было, эти наросты, они отваливаются. <...> Уехавшие — это, в основном, те, у которых к стране отношение не всегда было положительным»

м., 50 лет, администратор в цирке, октябрь 2022

При этом некоторые информанты выражают озадаченность решением уклонистов уехать из страны, даже не получив повестку. Эти информанты не нарекают уклонистов предателями родины или трусами. Их оценка опирается не на морально-идеологические критерии (как у резко осуждающих уклонистов информантов), а скорее на представление о здравом смысле, о том, как поступать рационально, а как — нелогично. Например, уклонисты могут осуждаться такими информантами как принимающие решение уехать на эмоциях, паникующие «раньше времени»:

«У меня у старшего рванули, потому что они как раз подходили под мероприятия... Хотя, опять же, поехали даже те, кто имел военные билеты с болячками и аккредитацию по отсрочке, работающие в IT-компаниях. Почему — они сами толком не понимали. Но всегда был такой элемент — один какой-то паникер, и вот он устраивал эту всю ситуацию страха. Я не знаю, откуда это берется... Вернее, понятно откуда. “Вы все умрете через два дня” и все. Вот такие персонажи были»

м., 46 лет, предприниматель, ноябрь 2022

В отличие от информантов, резко осуждающих уклонистов, эти люди оценивают чужие стратегии поведения в условиях мобилизации, сравнивая их не со своими воображаемыми стратегиями («если бы меня это коснулось, то я бы...»), а со своими реальными стратегиями — стратегиями бездействия («я ничего не предпринимаю до тех пор, пока меня лично не призовут в военкомат»). Они не понимают зачем паниковать, не дожидаясь того, что тебя прижмут к стенке, дадут в руки ружье и отправят на фронт. Если не хочешь попасть на войну, то лучше использовать легальные методы:

«Хотя я очень вообще не понимаю людей, которые куда-то уезжают. <...> Если тебе пришла повестка и ты не служил, опять же, у тебя категория В. Ты не служил, но у тебя военник, потому что ты в запасе находишься. Приходишь в военкомат, показываешь, рассказываешь — скорее всего, тебя должны отпустить. Ну, должны? Если, конечно, не отпустили — все. Начинаешь либо с адвокатом приходить, либо жаловаться везде всем в СМИ, и тогда тебя если заметят, то, ясное дело, тебя отпустят»

м., 22 года, программист, октябрь 2022

Уверенность в том, что такая стратегия сработает, часто исходит из веры части наших информантов в рациональность действий российского правительства и верховенство закона, которую мы уже описывали выше.

Итак, объявление «частичной мобилизации» в России стало шоком даже для многих сторонников «спецоперации». Оно превратило «спецоперацию» в настоящую войну, которая теперь может коснуться обычных россиян. При этом большинство наших информантов одновременно критикуют мобилизацию — и

находят ей оправдания. Они критикуют самые разные ее аспекты: ее «запоздалый» характер, хаос в ее организации, и даже саму нацеленность на призыв обычных людей вместо профессионалов. Они, в то же время, оправдывают мобилизацию печальной необходимостью: в ситуации неудач на фронте и затягивания конфликта российской армии просто не хватает людей. Недовольство мобилизацией многих информантов, особенно тех, что далеки от любой «политики», не трансформируется автоматически в критику «спецоперации» в целом.

Большинство наших информантов объединяет фаталистическое отношение к мобилизации: чему быть, того не миновать. Поэтому бездействие — это распространенная среди не-противников войны стратегия поведения в ответ на объявление мобилизации. Многие информанты готовы пойти воевать, если призовут — если потребуется отдать «долг» родине, защищать свою страну, семью, дом. Другие надеются избежать призыва, веря путинскому указу, согласно которому только люди с боевым опытом попадают на фронт. Но даже те, кто принимают решение уклоняться в случае получения повестки, не предпринимают почти никаких действий, чтобы заранее обезопасить себя. Препятствиями для них становятся различные финансовые, социальные и психологические факторы.

С точки зрения информантов-не-противников войны идти воевать или уклоняться — «это личное дело каждого». При этом большинство наших информантов все-таки восхищаются получившими повестки и уехавшими на фронт, и только небольшая часть — осуждает их. Восхищаясь добровольцами и мобилизованными, многие информанты одновременно признаются, что по-человечески понимают и уклонистов — и даже «уехавших». Только немногие осуждают уклонистов и эмигрантов: как с морально-идеологических позиций, потому что те покинули страну в сложный для последней момент, так с позиций здравого смысла, согласно которому не нужно паниковать до того, как наступила реальная опасность. Тем не менее, оценка нашими информантами ушедших на фронт, «оставшихся» и «уехавших» гораздо сложнее, чем черно-белая картина, в которой есть герои и есть предатели родины.

2° 3 Эмоции: как они переживают войну?

Начавшаяся в феврале 2022 года война изменила жизнь многих россиян — в том числе ее эмоциональную составляющую. Как мы показали в прошлом отчете и в разделе 1.1 этого текста, события 24 февраля стали шоком для многих наших информантов, включая не-противников войны. В интервью они вспоминали, что в первые дни войны не могли ни есть, ни спать, постоянно плакали и переживали. В то же время среди сторонников «спецоперации» были и те, кто, по собственным словам, отнесся к началу войны спокойно, как к должному. В большинстве случаев эмоциональное состояние не-противников войны нормализовалось уже весной 2022 года: кто-то убедился в необходимости «спецоперации», кто-то просто решил не думать о том, на что не может повлиять. Однако объявленная в сентябре «частичная мобилизация» вызвала новую волну эмоций в обществе.

В этом разделе мы показываем, какие эмоции пришли на смену тем, что испытывали не-противники войны в первые ее месяцы, какой была их эмоциональная реакция на мобилизацию, и какие события, кроме мобилизации, отразились на чувствах наших информантов.

2° 1° Страх, тревога, грусть и боль: эмоции в связи с затянувшейся войной

Осень 2022 года, как показывают наши интервью, принесла в жизнь не-противников войны множество новых эмоциональных переживаний. Часть из них является реакцией на какие-то определенные события, главным образом, конечно, объявление мобилизации. Кроме того, эмоциональные отклики у информантов вызывают неудачи российской армии на фронте — в первую очередь отступления с завоеванных ранее территорий, а также диверсии

в тылу (самой яркой из которых был взрыв Крымского моста). Однако большинство эмоций и аффектов, которые описывают информанты, являются длящимися и/или циклическими — они затихают со временем и возвращаются вновь. Как рассказывает один из наших собеседников: *«у меня, как каждое тут украинское обострение, оно в общем выходит в обострение на здоровье. <...> Я болею в ответ на вот эти вот обострения»* [м., 42 года, IT-специалист, октябрь 2022]. Оставив пока в стороне эмоциональные реакции людей на объявление мобилизации (которым будет посвящен отдельный раздел), ниже мы опишем основные эмоции, переживаемые нашими информантами — как краткосрочные, так и долговременные.

Страх, тревога: ядерная угроза, военное поражение России, гражданская война и неопределенность будущего

Большинство наших информантов так или иначе жалуются на переживания страха или тревоги. Чего боятся не-противники войны (помимо мобилизации, о которой мы расскажем отдельно)?

Многих тревожит угроза ядерной войны. Показательно, что весной 2022 года многие уверенные сторонники войны одобряли воинственную риторику российской власти, угрожающей «Западу» применением ядерного оружия:

«Восприняла тоже положительно. Как только наши это объявили, так НАТО по-другому петь начали»

ж., 72 года, пенсионерка, март 2022

Страх ядерной войны тогда был характерен в основном для противников «спецоперации» и сомневающихся. Осенью же ситуация меняется: даже уверенные сторонники войны, не говоря уже об остальных, настроенно относятся к риторике ядерной

эскалации. *«Надеюсь, до этого не дойдет»* [М., 39 лет, университетский преподаватель, ноябрь 2022] — говорят большинство информантов второй волны по поводу применения ядерного оружия, вне зависимости от отношения к «спецоперации». Угрозы ядерным оружием, также как и мобилизация, о которой речь пойдет ниже, поднимают общий уровень тревожности информантов:

«Вопрос: С 24 февраля прошло много времени, расскажи, как изменилось твои ощущения от “специальной военной операции”?»

Ответ: С точки зрения разумной оценки ситуация не менялась, только эмоциональный уровень тревожности вырос в связи с постоянными обсуждениями атомной войны и количеством мобилизованных. Изменился только уровень тревожности...»

М., 37 лет, журналист, октябрь 2022

Показательно, что этот информант сам говорит о своем страхе ядерной войны, не дожидаясь специальных вопросов про эмоции или ядерную угрозу — этого почти не происходило в весенних интервью. Некоторые информанты даже признаются, что продумывают план действий на случай ядерного удара: кто-то узнает, где находится ближайшее бомбоубежище, кто-то запасается продуктами.

Однако и осенью 2022 года среди не-противников остается немало тех, кто говорит о своей невосприимчивости к угрозам применения ядерного оружия. Они полагают, что взаимные ядерные угрозы — это всего лишь приемы устрашения, и не стоит воспринимать их всерьез.

Некоторые не-противники войны боятся поражения России и/или продолжения войны на российской земле, а также перетекания войны в третью мировую или гражданскую. Так, одна из наших собеседниц, сорокадевятiletняя работница образовательной

сферы, рассказывает, что справилась с шоком по поводу начала войны, но теперь обрела новый страх:

«По началу ни спать, ни есть не могла, а сейчас привыкла. Ну, к сожалению, ко всему человек привыкает. Привыкла. И тем не менее боюсь, что война перейдет на территорию России, и начнут бомбить наши города, и мы будем также как украинцы сейчас прятаться от бомбежек где-то, и умирать от этого. Ну, вот таких последствий боюсь»

ж., 49 лет, работница сферы образования, октябрь 2022

Еще один информант говорит, что не хочет верить в вероятность поражения России, и в то же время признается, что этот страх все-таки закрадывается в его мысли, как бы он не гнал их от себя:

«Вопрос: Но ты сказал, тем не менее, что тебе кажется, что Россия не может проиграть?»

Ответ: Я тешу себя мыслью, что это не самообман, не желаемое за действительное, а более-менее объективный взгляд на вещи. Потому что бывает такое, что это меня, может быть, так пугает поражение России, что я не могу это принять, не верю в возможность поражения, а на самом деле оно вполне реально»

м., 34 года, маркетолог, октябрь 2022

Страх того, что война может перейти на территорию России, практически отсутствовал в весенних интервью с не-противниками войны. Но он хорошо заметен осенью: даже информанты, живущие в центральной России и на Урале, боятся необходимости оказаться в бомбоубежищах в будущем. Таким опасениям способствует

затягивание войны, новости о снарядах на приграничных российских территориях, отступления российских войск:

«Потом в общем как-то к середине лета подотпустило, стало поспокойнее. Но вот когда мы уходили из Харькова, я как раз коронавирусом заболела в эти дни. И вот эти новости, что мы из-под Харькова уходим, я как раз лежу с температурой, и я что-то... В общем кошмар, меня накрыло, просто ужасно. Я лежала, страдала. И у меня был такой страх, что они сейчас вот из-под Харькова уйдут, и пойдут на территорию России. Вот это меня очень беспокоило»

ж., 37 лет, инженер, в декрете, октябрь 2022

Отступление российских войск под Харьковом и под Херсоном вызывает сильный эмоциональный отклик у наших информантов, сравнимых, пожалуй, только с эмоциями по поводу мобилизации. Эти события заставляют наших информантов бояться перемещения войны на российскую территорию, переживать за судьбы жителей захваченных, а потом «отданных обратно» регионов и испытывать общую тревожность.

Другое событие, испулавшее часть наших собеседников,—это взрыв Крымского моста:

«Ну, Крымский мост—это такой символ. И еще это было сделано символично ко Дню рождения Путина. Конечно, это выглядело как то, что мы не в безопасности, что кажется, что после Крымского моста такое может произойти и в Москве, и где угодно. Тем более, что сделали это русские люди. Я не очень вникала в детали и не читала всякие документы-

расследования, но то, что я слышала в новостях, что там то ли из Ростова был человек, ну, в общем, что наши люди участвуют в этом. И готовы устраивать террористические акции против нас. И это пугает. Я понимаю, что среди нашего населения сейчас много тех, кто против и тех, кто готовы поддерживать Украину. И если есть такие, которые готовы поддерживать это даже такими методами, то это страшно»

ж., 41 год, научный сотрудник, октябрь 2022

Взрыв Крымского моста, как и отступления российской армии, оказались событиями, которые продемонстрировали возможности и силу противника, и внесли свою лепту в повышение тревожности не-противников войны — эти события заставили многих задуматься о возможности военного поражения России.

Кроме этого, в осенних интервью появился и новый, не встречавшийся нам весной страх. Информанты опасаются того, что в результате поражения (или даже без него) в России начнется гражданская война:

«Меня пугает только одно (только вот эта эмоция появилась), и я в это верю, честно, я не могу сказать, хорошо это или плохо, потому что сложно сравнивать то, что происходит здесь и сейчас, при текущей власти и то, что будет в перспективе, но в случае, если Российская Федерация проиграет на этой войне, то один из вариантов, который может быть — это гражданская война здесь. Или, по крайней мере, какие-то события, когда условно не будет власти, будет много группировок, которые будут хотеть

эту власть захватить и разгул, разбой, прочие дела, голод. Вот это, конечно, пугает»

м., 33 года, профессия неизвестна, октябрь 2022

Интересно, что весной 2022 года, когда в мегаполисах по всей стране (а наши информанты — это, в основном, жители мегаполисов) проходили массовые протесты, не-противники «спецоперации» не боялись гражданской войны. Через полгода, когда антивоенные и антимобилизационные протесты сходят на нет, этот страх появляется. В отличие от страха поражения, свойственного самым разным не-противникам войны, в своем страхе гражданской войны признаются в основном стремящиеся к «нейтралитету» информанты (подробнее типы восприятия войны описаны в разделе 1.2). Логично предположить, что те, кто испытывают сомнения в том, на какой стороне правда, менее уверены и в единстве российского общества — и поэтому предполагают, что противоречия внутри страны могут привести к внутривнутриполитическому расколу и военному противостоянию.

Ожидаемо, наши информанты признаются в наличии не только глобальных страхов, но и страхов за конкретных людей (например, за своих родственников в Украине или за знакомых, которые ушли воевать в рядах вооруженных сил России).

Не-противники войны также боятся и тревожатся по поводу происходящего в целом: им бывает страшно читать новости, страшно думать о том, что будет дальше и так далее. Как удачно описывает это один из информантов, они испытывают *«общее состояние тревожности»*:

«Тревожности больше, что это никак не заканчивается, плохо это очень, люди умирают с той и с другой стороны. <...> Да, общее состояние тревожности, подавленности, оно естественно присутствует. То, что

оно тянется, это видно, это как умирающая бабушка... Она лежит, и ее не выбросишь, и сделать ничего нельзя»

м., 50 лет, администратор в цирке, октябрь 2022

Таким образом, осенью 2022 года не-противники войны чаще всего испытывают страх и тревогу. Они боятся ядерной войны, мировой войны, гражданской войны, поражения России, мобилизации на фронт (речь о которой пойдет ниже), а иногда — чего-то неопределенного, погружающего их в «общее состояние тревожности». Страх и тревога присутствовали и в интервью первой волны, весной 2022 года. Эти эмоции являются одними из немногих, которые не ослабевают, а только усиливаются со временем.

Грусть, боль, жалость: неудачи российской армии, смерти людей по обе стороны границы, затягивание конфликта

Впрочем, осенью 2022 года не-противники войны не только боятся — они также грустят и выражают сожалению по поводу смерти людей. Многие из них испытывают целую «гамму чувств», где страх и тревога соседствуют с болью и жалостью, и эти эмоции вместе заставляют их колебаться и сомневаться в своем отношении к войне:

«С одной стороны, стало более понятно, почему все так, а с другой стороны более страшно и тревожно. Потому что когда ты понимаешь, что масштаб другой и мы вовлечены в самом прямом смысле, то конечно менялось [отношение]. Ну и чисто эмоционально — сначала нам казалось, что это быстро, мы потерпим. Потом мы стали понимать, что это долго, больно и потери. Мне кажется,

что тут у всех гамма чувств от страха, жалости, убежденности. Потом опять сомнения в правоте... <...> Плачешь иногда, страшно, больно и горько»

ж., 52 года, университетская преподавательница, ноябрь 2022

Информанты грустят и после отступления российской армии с завоеванных территорий, и из-за того, что война не заканчивается и продолжают гибнуть люди. Часть информантов уточняют, что им жалко в первую очередь «своих» — российских солдат или людей, оставшихся на территориях, покинутых вооруженными силами России в результате отступления:

«Но мы же не вывели... Или где там отступали — под Харьковской областью? Там тоже многие села оставляли и остались только старики 80-90 лет, которые сказали, что “мы никуда не пойдём, нам негде жить, мы здесь будем помирать”. Мне жалко этих людей. Они голосовали, по сути, они думали: “Да, нас уже защитят”. И тут отступление жесткое — это вообще как?»

м., 23 года, лаборант в медицинской лаборатории, октябрь 2022

Другие информанты жалеют всех людей, которые страдают от войны по обе стороны фронта:

«Конечно, мне как любому человеку хочется, чтобы горячая фаза окончилась как можно быстрее, потому что смерти гражданских, смерти военных — это все больно, это горе большое»

ж., 23 года, инженер, октябрь 2022

Важно, однако, понимать, что эти эмоции, даже жалость ко всем жертвам войны, не превращают сторонников войны в противников. Как объясняет одна из информанток:

«Мне очень жалко тех людей, но я хочу, чтобы эта сторона победила, потому что для меня это конкретные лица. <...> То есть Россия выполняет свои обязательства по отношению к Л/ДНР. Я это воспринимаю, как какое-то неизбежное, очень болезненное, очень тяжелое решение, но неизбежное»

ж., 30 лет, редактор в IT сфере, октябрь 2022

Если в начале войны грусть, боль и жалость испытывали, в основном, противники войны и сомневающиеся в своем отношении к ней, то за полгода войны, как мы видим, грустить «научились» и ее сторонники.

Злость, ненависть (редкие эмоции) ████████████████████

Стоит отметить, что среди уверенных сторонников войны есть и те, в ком указанные выше события, например взрыв Крымского моста, вызывают не столько страх или грусть, сколько приливы ненависти или злости:

«И потом ты видишь последствия удара по Крымскому мосту. <...> И когда после такой ситуации люди начинают фотографироваться на фоне марки, взорванного моста, когда начинают писать “ахахах, смотрите. Что произошло! Вот вам, а не Крымский мост”, еще что-то, ты начинаешь уже проявлять уже как раз-таки не сочувствие к людям, а больше даже ближе к ненависти, если не полноценную ненависть»

м., 22 года, программист, октябрь 2022

Пусть наши информанты и нечасто произносят слова «ненависть» и «злость», описывая свои эмоции, сам тон некоторых интервью с уверенными сторонниками войны — скорее агрессивный, и кажется, даже чуть более агрессивный, чем весной.

Радость и надежда на лучшее будущее: геополитические сдвиги и их отложенный эффект

Интересно, что информанты второй волны, будучи как минимум не-противниками, а то и сторонниками войны, редко выражают положительные эмоции в связи со «спецоперацией», такие, например, как радость или гордость за страну. Если что-то и оценивается положительно нашими информантами, это перемена некоторого сложившегося мирового порядка:

«Страшно было в любом случае, потому что война — это война. Какой бы она ни была, страшно будет всегда. Но, с другой стороны, успокаивали геополитические сдвиги, которые происходили в процессе этой войны, и то, что изначально... В общем, произошел некий слом мирового порядка, и это, на самом деле, радует. Это тот случай, когда прямо сейчас плохо, но через 10 лет мы скажем спасибо тому, что это было»

м., 38 лет, профессия неизвестна, ноябрь 2022

Радость скорее используется в качестве синонима одобрения действий президента в высказываниях максимально лояльных власти информантов:

«И он [Путин] сейчас хочет всему миру доказать, что мы — лидеры. Что флаг, корона будет за нашим президентом. Лично я рад этому, и я полностью поддерживаю нашего руководителя»

м., 46 лет, предприниматель, ноябрь 2022

Как видим, даже в этом случае радость касается не настоящего, а скорее предвосхищаемого будущего.

То есть радость, которую испытывают наши информанты, граничит с надеждой: это не столько положительная оценка случившегося, сколько ожидание перемен к лучшему в будущем. И весной только единицы радовались происходящему—но тогда эту радость могли вызывать события, уже произошедшие, причем произошедшие на фронте (например, некоторые информанты положительно оценивали само начало войны, так как думали, что это поможет освободить русскоязычное население Донбасса). Осенью же ни один из наших информантов уже не «радуется» началу войны, даже если считает ее необходимой. Кроме того, не-противники войны второй волны могут подчеркивать, что они не рады бомбардировкам украинских городов, и осуждать радость своих знакомых по этому поводу. В целом, однако, и тогда и сейчас положительные эмоции контрастируют с общим, в целом негативным, эмоциональным фоном.

Отсутствие эмоций, спокойствие, рационализация чувств

Наконец, некоторые информанты в принципе не рассказывают о переживании ярких эмоций. Они могут фиксировать наличие у себя неприятных, негативных переживаний — но описывают их безэмоционально и отстраненно, как бы пытаясь рационализировать происходящие с ними процессы:

«Когда российские войска что-то там оставляли, погиб крейсер Москва, наступление ВСУ было — это было не очень приятно. И действия российских властей в то же время у меня не вызывали приятных чувств. Ну, как правило это негативные эмоции у меня были, причем усиливающиеся»

м., 23 года, лаборант в медицинской лаборатории, октябрь 2022

Те же события, которые вызывают у других информантов страх, тревогу, или грусть, этому молодому человеку, по его словам, просто делают «не очень приятно». Информанты такого типа часто намеренно избегают языка эмоций при ответах на вопросы интервьюера, пытаясь показывать себя непредвзятыми наблюдателями с холодной головой:

«Честно — вообще ничего не испытывал. Все, что происходило казалось совершенно логичным и закономерным. Единственное что — что-то долговато тянули и можно было в некоторых моментах пограмотнее сделать. А в целом — совершенно ничего удивительного и того, что могло бы поменять настроение, вызвать панику, апатию и все такое. Совершенно спокоен»

м., 27 лет, звукорежиссер, октябрь 2022

Мы уже писали о похожей тенденции в нашем первом аналитическом отчете: если противники войны считают, что важно продолжать испытывать эмоции по поводу войны в том числе для того, чтобы сохранять человечность и подпитывать свою позицию, ее сторонники и сомневающиеся в своем отношении к ней часто полагают, что эмоции мешают «объективному» взгляду на войну, ее грамотной оценке.

Получается, что наши информанты-не-противники войны редко — еще реже, чем весной — испытывают положительные эмоции. Они не радуются гибели мирных жителей, бомбардировкам украинских городов и даже военным успехам российской армии (что, впрочем, может быть вызвано отсутствием последних). Основные эмоции осени 2022 года в связи с войной — это страх, тревога, грусть и боль, иногда разбавленные надеждой на перемены к лучшему в будущем.

Было страшно, но не долго: эмоции в связи с мобилизацией

Объявление «частичной мобилизации» 21 сентября 2022 года ожидаемо, вызывает самый большой эмоциональный отклик у наших информантов. О том, что чувствуют не-противники войны, узнавая, что рядовые граждане теперь могут оказаться на фронте, и как они переживают эти чувства, мы расскажем ниже.

«Меня всего трясло» и «я абсолютно спокоен»: первая реакция

Большинство наших информантов, рассказывая о своей первой реакции на объявление «частичной мобилизации», описывают исключительно негативные эмоции, такие как страх, испуг, панику, тревогу, разочарование, осуждение, негодование, недоумение, подавленность, грусть, возмущение, неприятное удивление, шок:

«Вопрос: 21-го сентября президент объявил “частичную мобилизацию”. Вот в этот день, конкретно в этот день вы слышали об этом? Как вы на это отреагировали?»

Ответ: Меня всего трясло, когда я услышал о мобилизации. Потому что еще с начала февраля у нас все говорили: “А вдруг мобилизация будет?! Будет мобилизация — это будет все! Это война!” И вот этот момент настал — 21-го сентября объявляют о мобилизации. Для меня это было... Я даже не знаю... Вы сами представьте: началась война! Что тут еще можно чувствовать, если не страх какой-то? Все! Дальше света в конце тоннеля нет. Понимаете? Свет погас. Это конец! Мобилизация!»

Не начало «спецоперации», а именно объявление мобилизации стало для этого молодого человека началом настоящей войны. Это характерно для информантов второй волны в целом: известие о начале мобилизации переживается многими из них как второе 24 февраля (или даже как что-то более шокирующее, чем начало «спецоперации», ведь только сейчас война ворвалась в их частные жизни).

Многие информанты, не разделяющие антивоенные настроения, признаются, что отреагировали на объявление мобилизации негативными эмоциями разной степени интенсивности, самыми частыми из которых были осуждение, негодование и разочарование. Мобилизации стала для большинства из них дезориентирующей неожиданностью. Кто-то был неприятно шокирован самой необходимостью привлечь к «спецоперации» гражданские резервы, кто-то ужасался тем, как мобилизация проводится:

«Вопрос: А что испытал в этот момент, когда узнал, что будут мобилизовать людей?»

Ответ: Конечно что-то непонятное и неприятное. Ничего хорошего не было. Чего хорошего, если идет мобилизация, призывают молодежь? Сейчас многие говорят, и в интернете читаю—столько у нас вооружения, столько у нас контрактников. Неужели не хватает людей, чтобы не забирать у нас молодежь, 18-19-20 лет? Считай, необстрелянных бойцов посылают черт знает куда, непонятно. Сейчас смотрю-смотрю, сколько гробов тащат оттуда, это уже с ума сойдешь. <...> Аж до слез, вообще кошмар. Обидно, что гибнут такие молодые люди»

м., 68 лет, пенсионер, ноябрь 2022

Встречаются среди наших информантов и те, кто утверждают, что не испытали никаких эмоций 21 сентября 2022 года, поскольку

давно ожидали чего-то подобного. При этом в некоторых случаях исследователи или их знакомые имели возможность наблюдать реакцию этих информантов на мобилизацию в момент ее объявления и в первые дни или недели после этого — и та оказывалась совсем не «спокойной». Дело в том, что иногда информанты стремятся представить себя в интервью людьми с холодной головой, способными анализировать ход политических событий, вне зависимости от их подлинных переживаний и страхов по поводу войны:

«Из недавнего: насчет мобилизации — ничего удивительного. Я был уверен, что ее проведут, но я почему-то был уверен, что летом. Это было логично... По всей видимости, они до последнего не хотели ее проводить, потому что чисто стратегически ее было бы нужнее сделать летом, потому что там были более сложные этапы, которые Россия сейчас, в том числе, расхлебывает. Это какие-то стратегические, военные аспекты, которые она не смогла сдюжить, и она сейчас это расхлебывает, в том числе за счет призыва. Этим, вероятно, надо было заняться летом. Так что сама мобилизация меня сильно не беспокоит»

м., 28 лет, компьютерный график, октябрь 2022

Характерно, что представление себя в качестве «безэмоциональных» аналитиков свойственно скорее мужчинам, чем женщинам — вероятно, потому, что именно от мужчин общество ожидает холодного, рационального поведения, и некоторые информанты стремятся соответствовать этим ожиданиям (связь представлений о мужественности и реакции на объявление мобилизации мы описывали в разделе 2.2.3) «Безэмоциональные» информанты зачастую противопоставляют себя более эмоциональным, несдержанным знакомым, тем самым подчеркивая свое моральное превосходство и выражая негативное отношение к проявлению

ЭМОЦИЙ В КОНТЕКСТЕ МОБИЛИЗАЦИИ И ВОЙНЫ В ЦЕЛОМ:

«Вопрос: Если вспомнить тот день, 21-е сентября, там Путин утром выступает с речью, определяет мобилизацию—можете про этот день рассказать? Какие эмоции вы испытали, что происходило?»

Ответ: Я нормально, я спокоен—если призовут, то призовут. Я верен своим высказываниям, идеям. Если я выступаю за поддержку, за это, то я должен в конце концов подтвердить это своим участием, если это потребует. Я абсолютно спокойно это воспринял. У меня знакомые просто некоторые, конечно, из числа каких-то либерально настроенных, они впали в какую-то дикую панику и так далее. У меня одна знакомая, у нее сын 14 лет, она хочет уехать срочно, потому что сейчас сына мобилизуют 14-летнего. То есть какая-то истерика у людей»

м., 40 лет, гид, октябрь 2022

СМИРИТЬСЯ С НЕИЗБЕЖНОСТЬЮ \ ЧАСТЬ 2.

«Неприятно, но как-то привыкаешь»: эмоции спустя время

Мы проводили осенние интервью с середины октября до конца декабря 2022 года, то есть спустя как минимум несколько недель, а то и несколько месяцев после объявления мобилизации. Большинство информантов, которые пережили сильные эмоции сразу после объявления мобилизации, рассказывают, что постепенно эти эмоции ослабевают. Информанты привыкают к новой реальности, рационализируют ее:

«Я узнал как-то, я не помню. Ну, было страшно. Я понимал, что теперь это становится более серьезным, это начинает больше касаться

простых людей. До этого это происходило где-то там, и из-за этого менялись бы какие-то цены на продукты. Сейчас становится очевидно, что уже простой народ будет во все это вовлекаться. Само собой, я был этому не рад. Ну, за свою шкуру тоже было ссыкотно... Я помню, что первая реакция была, что это как-то страшно, но надо как-то сохранять спокойствие. Я подумал о каком-то плане действий что ли. Не о чем-то серьезном, типа план действий как срочно бежать из страны или где спрятаться, где медсправки получить. Я подумал о плане действий как работать со своими эмоциями и как работать со своим стрессом. Он заключался в том, чтобы отдохнуть, а потом постараться что-то почитать. В принципе, этим я и занялся. Ну и я немножко подрабобрался в ситуации со временем, когда материалов стало побольше. На первый день там вообще мало что было понятно. Потом стало попроще что ли... Ну, ситуация приятней не стала ни разу, но как-то привыкаешь»

м., 19 лет, студент, ноябрь 2022

При этом фоновая тревога чаще всего никуда не девается. Она сопровождает россиян с начала войны. Многие из наших информантов рассказывают, что после объявления мобилизации их тревожность резко возросла, а затем возвращалась к тому уровню, на котором была до 21-го сентября:

«Вопрос: То есть мобилизация была для тебя каким-то пиком в плане этого настроения? Или нет?»

Ответ: *Нет, оно... Если, допустим, моя тревожность осталась на каком-то уровне, когда я узнала про войну. Мобилизация — это такой чуть-чуть такой тревожный подъем, и опять мы остались на тревожном уровне. Вот примерно такая кардиограмма. <...> Ну, то есть оно упало не до нормы спокойствия, как в обычной жизни. А вот до этого уровня настороже, когда ты понимаешь, что сейчас что-то там решается, но непонятно, сколько это будет решаться, непонятно, где эта финальная точка»*

ж., 33 года, спортивный инструктор, ноябрь 2022

Чрезвычайность политической обстановки может вызывать постоянное напряжение, поскольку люди все время готовят себя к новым шокирующим событиям. Неопределенность относительно дальнейшего развития «спецоперации», а также слухи о том, как на войну забирают граждан, официально не подлежащих мобилизации, становятся для многих информантов источниками постоянной тревоги или даже триггером физиологических нарушений:

«Я сильно испугался, потому что я подумал, как бы я не попал под эту частичную мобилизацию. Потом я начал быстро читать, кого будут призывать в первую очередь. Я понял, что, естественно, будут призывать людей с военниками, с каким-то опытом военным. Я немножечко подуспокоился в тот момент, но все равно паника была. А потом я стал узнавать у знакомых, что призывают людей, у которых даже нет военника, и я такой типа “А, что происходит?” В такие моменты, конечно, жутко становится... Не за кого-то, как в случае с родственниками, а просто за свою собственную жизнь.

Вопрос: *Вот это состояние страха, оно подогревается каждый раз, когда ты узнаешь о том, что кого-то из знакомых или из людей без военника забрали? Или, как и с началом объявления о “спецоперации”, все затихает?*

Ответ: *Нет-нет. Конечно, когда я узнаю, что знакомых или близких людей эта ситуация коснулась непосредственно, то страх возобновляется, конечно. Я не знаю, связан ли следующий факт с этими событиями, но я последнюю неделю очень плохо сплю. Я, во-первых, сплю очень чутко, я просыпаюсь постоянно. Раньше я ложился, отрубался на всю ночь, утром просыпался. А сейчас я намного хуже стал спать. Вроде бы нет такого прямого переживания, просто стал спать хуже»*

м., 22 года, студент, ведущий мероприятий, октябрь 2022

Объявление «частичной мобилизации» послужило триггером новой волны отъездов из страны. Сами отъезды тоже вызывают эмоциональную реакцию у наших информантов. Многие пытаются понять уклонистов и «уехавших», но у других такие поступки вызывают негативные или «смешанные» чувства (см. подробнее 2.2.3).

Итак, большинство информантов-не-противников войны испытывают сильные негативные эмоции в ответ на объявление мобилизации — даже значительная часть тех, кто представляет себя в интервью аналитиками с холодной головой, которым «все было понятно» заранее. Но эти эмоции не задерживаются с людьми надолго: информанты успокаиваются, привыкают к новой реальности. Впрочем, фоновая тревога — и осуждение уехавших — остаются с ними надолго.

Осенью 2022 года, спустя более семи месяцев с начала войны, наши информанты продолжают испытывать эмоции по ее поводу, в основном, негативные. Они эмоционально реагируют на объявление мобилизации, а также — на серию отступлений российской армии на фронте, взрыв крымского моста, бомбардировки российских приграничных районов. Несмотря на то, что наши информанты — это те, кто так или иначе поддерживают войну или, по крайней мере, не являются ее однозначными противниками, только единицы делятся переживаниями радости, надежды, оптимизма. Напротив, наши собеседники рассказывают в интервью о том, как они боятся, тревожатся, грустят, испытывают боль. В аналитическом отчете по результатам первой, весенней, волны исследования мы уже отмечали, что страх и тревога растут у информантов со временем, причем вне зависимости от их отношения к войне. Осенние интервью показали, что этот рост, связанный в том числе с затягиванием конфликта и неопределенностями его целей, продолжается.

Объявление мобилизации вносит особый вклад в рост тревоги по поводу происходящего. В конце сентября 2022 года многие информанты повторно испытывают испуг, панику, шок — которые они уже испытали 24 февраля того же года. Впрочем, сильные эмоции начинают смягчаться уже в октябре. На их место снова приходит никуда не исчезающая фоновая тревога и, у кого-то, раздражение по поводу покинувших страну сограждан. В глазах некоторых не-противников войны новая, сентябрьская волна отъездов, выглядит как необоснованная «истерика», даже если они сами переживают за себя и за родных.

2° 4 **Потребление информации: что они (не)смотрят и (не)читают и чему не доверяют?**

Вопрос восприятия информации и эффектов пропаганды стал одним из самых обсуждаемых в контексте вторжения России в Украину. В первые месяцы войны западные журналисты и эксперты подчеркивали необходимость [«прорвать российский пузырь дезинформации»](#), а правительства и гражданские общества разных стран инвестировали значительные ресурсы в [проекты](#), которые бы подрывали эффект пропаганды. Ключевым допущением, которое лежало в основе этих проектов, была идея о том, что со временем прирост информации о разрушениях в Украине, гибели украинских мирных жителей, а также российских солдат, заставит российских граждан поставить под вопрос достоверность российских прогосударственных источников. Как устроено медиапотребление и восприятие информации о войне в России осенью 2022 года? Как оно изменилось за более чем полгода войны? Сделали ли альтернативные источники пропаганду менее убедительной? В этом разделе мы описываем медиареPERTуары наших информантов, анализируем то, как они воспринимают информацию и оценивают ее достоверность и как изменялись их практики медиапотребления на протяжении полугода после начала войны.

2° 1° **Страх, тревога, грусть и боль: эмоции в связи с затянувшейся войной**

На какие медиареPERTуары — комбинации различных источников — полагаются наши собеседники для того, чтобы получать информацию о войне? Среди этих источников есть телеканалы, радио, социальные сети, онлайн-медиа и новостные агрегаторы, а также близкое окружение — друзья, знакомые и родственники,

которые имеют прямой доступ к событиям в Украине или просто обладают авторитетом в глазах информантов.

Медиарепертуары большинства наших информантов смешанные, поэтому включают в себя множество источников. Часть информантов полагаются на телевизионно-ориентированный репертуар — телевидение играет в нем важную роль, но дополняется онлайн-медиа или информацией от значимых других. Другие опираются на онлайн-ориентированный репертуар — они либо используют исключительно онлайн-источники и социальные сети, либо онлайн-источники и социальные сети играют для этой аудитории центральную роль и дополняются информацией от значимых людей в окружении. Оставшаяся группа включает людей, которые не пользуются никакими источниками, либо полагаются только на значимых других. Всего несколько наших информантов ограничиваются просмотром телевизора для того, чтобы получать информацию о событиях в Украине.

Среди упомянутых информантами социальных сетей лидирует Telegram, за которым следуют YouTube, а далее остальные платформы — ВКонтакте, Instagram, Facebook, Tik Tok, Twitch. Кроме социальных сетей, некоторые информанты также пользуются онлайн-ресурсами и новостными агрегаторами (различные онлайн-СМИ, Яндекс.Новости). В таблице ниже перечислены основные типы источников, упоминаемые информантами, а также их примеры:

Тип	Пример
Российские телеканалы	<i>Первый канал, Россия 1, Россия 24</i>
Российские прогосударственные издания	<i>Lenta.ru, Gazeta.ru, РИА Новости, RT, Известия</i>

Тип	Пример
Российские прогосударственные Telegram-каналы	<i>Мир Сегодня с “Юрий Подоляка”, Рыбарь, Readovka, Kotsnews, Colonelcassad, War Gonzo, Сладков</i>
Российские прогосударственные YouTube-каналы	<i>Стас Ай, Как Просто!</i>
Российские новостные агрегаторы	<i>Яндекс.Новости, Новости Mail.ru</i>
Российские оппозиционные издания	<i>Meduza, DOXA, Новая газета, Дождь</i>
Российские оппозиционные Telegram-каналы	<i>Лентач, Раньше всех. Ну почти</i>
Социальные медиа / YouTube-каналы российских оппозиционных фигур	<i>Каналы Ильи Варламова, Екатерины Шульман, Майкла Наки</i>
Русскоязычные службы западных изданий	<i>Российская служба BBC, Deutsche Welle</i>
Западные издания	<i>The Guardian, Daily Mail, The New York Times,</i>
Социальные медиа / YouTube-каналы украинских публичных фигур	<i>Дмитрий Гордон, Алексей Арестович, Анатолий Шарий</i>
Украинские издания	<i>Strana.ua, УНИАН</i>
Украинские Telegram-каналы	<i>ІНІЙ, Труха</i>

«Не доверяй и не проверяй»: достоверность информации и ее оценки

Как наши собеседники оценивают достоверность информации? В зависимости от того, воспринимается информация как достоверная или нет, она может по-разному влиять на установки и взгляды по отношению к войне и происходящему в стране в целом. Большинство наших информантов жалуются на отсутствие достоверной информации и разочарованы в качестве журналистских материалов. Многие знают, что к информации нужно относиться критично, но не понимают, как именно реализовать это знание на практике. Например, один из информантов, двадцатидвухлетний студент, понимает, что нужно сравнивать разные источники информации и опираться на авторитетные СМИ. При этом в реальности он ориентируется на выдачу результатов поиска Google и рассматривает как достоверные первые попавшиеся ссылки, не обращая внимания на название источника и надежность: *«Вот, [я] в Google набираю: “Путин”. И вот первые новости — я уверен, это самые уважаемые издания, которым верить, мне кажется, стоит»* [м., 21 год, студент, октябрь 2022]. Так как результаты поисковых запросов зависят от многих факторов — начиная от предыдущей поисковой истории человека и заканчивая влияющими на алгоритмы сетями ботов — можно предположить, что пользователи с подобными схемами чтения новостей становятся заложниками этих случайностей. Чему доверяют, а чему не доверяют наши информанты и, главное, как именно они выбирают СМИ для своего потребления?

Тотальное недоверие к медиа

Большинство наших информантов не доверяют СМИ. Медиа, с их точки зрения, так или иначе манипулируют людьми. Тем не менее информанты отличаются друг от друга степенью этого недоверия и вытекающими из нее практиками.

Некоторые информанты полагают, что СМИ манипулируют сознанием людей всегда, вне зависимости от того, находится страна в состоянии войны или мира. В их представлении медиа по определению являются средством массового воздействия на людей. Как отмечает один из информантов:

«Я СМИ не доверяю никаким и никогда. Это не из-за событий на Украине — это в целом. Просто я знаю, как работают СМИ. <...> Они не могут быть объективными, это невозможно»

м., 28 лет, компьютерный график, октябрь 2022

Любое СМИ рассматривается такими информантами как инструмент, который используется его владельцами для того, чтобы представлять события с выгодной им точки зрения. *«Даже не знаю, к чему обращаться, откуда можно узнать. Мне кажется, что все так ненадежно, все так куплено»*, — говорит одна из информанток [ж., 27 лет, архитектор, октябрь 2022].

Другие информанты допускают возможность достоверной информации в СМИ в принципе, но не ждут от медиа объективности в освещении политических событий в период военных действий. Война, в их представлении — это слишком сложный политический и социальный процесс, информацию о котором простым людям никто не предоставляет:

«Строить на таком скудном количестве информации какие-то свои доводы — это я могу только с моральной точки зрения, с общечеловеческой. А что-то конкретное — этого никто не знает, кроме генералов, которые кнопки нажимают»

м., 27 лет, звукорежиссер, октябрь 2022

Кроме того, из-за разногласия СМИ информантам трудно разобраться в сути происходящего. По мнению одного из наших собеседников: *«А что там говорят — одни одно, другие другое. Цыплят по осени считают, вот она уже и началась, сейчас посмотрим, что к чему»* [м., 27 лет, звукорежиссер, октябрь 2022]. Другой информант формулирует похожую мысль:

«Я новостям не то, чтобы не верю. Но у нас говорят одно, в Европе другое, на Украине третье. То есть кому верить, в принципе, непонятно. Если бы говорили плюс-минус одно и тоже, тогда что-то, как-то можно связать»

м., 35 лет, инженер, октябрь 2022

Таким образом, сам факт наличия в информационном пространстве — и российском, и мировом — разных мнений и конкурирующих интерпретаций происходящего, и, как следствие, отсутствие единого монолитного нарратива заставляет их сомневаться в объективности всех источников сразу.

Однако такие люди все же склонны верить, что, несмотря на «информационную войну» и конфликтующие объяснения событий, в некоторой степени они могут отделить факты от манипуляции и построить на их основе единую картину мира. Хотя мы и не знаем, насколько распространена такая практика, цитаты некоторых информантов свидетельствуют о том, что в основании этой операции может оказываться политическая позиция информанта — свои собственные взгляды, «факты», в которые заранее верит информант. Например, один из информантов, двадцативосьмилетний специалист по компьютерной графике, признается, что исходит в интерпретации фактов *«из своей позиции, которую мне никто не транслировал, никакие СМИ, никакие каналы»* [м., 28 лет, компьютерный график, октябрь 2022]. Информант объясняет, что просеивает информацию через уже сложившуюся картину мира:

«Для себя я понимаю, кто виноват в этой войне, что сейчас происходит, зачем взорвали Северный поток и кто сейчас инспирирует Украину продолжать эту войну, хотя меньше всех она выгодна именно Украине. А каналами или СМИ я интересуюсь просто, чтобы смотреть на отдельные события»

м., 28 лет, компьютерный график, октябрь 2022

При внимательном рассмотрении становится очевидно, что эта картина мира воспроизводит основные элементы государственной пропаганды. Например, этот информант считает, что война началась из-за попыток провокаций России Западом, которыми *«занимались НАТО и американцы все эти годы»*, Россия вторглась в Украину потому, что *«все эти годы Украина была страной-агрессором по отношению к Луганску и Донбассу»* и так далее.

Наконец, третья группа информантов доверяет только отдельным СМИ. В первую очередь, это люди с телевизионно-ориентированным репертуаром. У них сложился список прогосударственных источников, которым они не желают изменять. Например, семидесятилетняя пенсионерка отмечает, что в список ее доверенных источников входит несколько программ на телевидении:

«Первый канал и наше местное телевидение. <...> У нас есть такая передача “Время покажет”, и там много политиков выступает, журналистов много. Потом “Международное обозрение”—тоже там много выступает»

ж., 70 лет, пенсионерка, ноябрь 2022

Эта информантка доверяет также и местному телевидению, так как ей кажется, что информацию, полученную из местных каналов, легко проверить, сопоставив с тем, что она наблюдала как очевидец:

«Что показывают по телевизору, мы же можем все сравнить. Особенно наше [городское] телевидение, мы были [на местности], мы видели, что и шум, и гам, и эти прилеты, и все. И если они там будут брехать там, зачем же я там буду смотреть это телевидение? Поэтому я верила этому телевидению»

ж., 70 лет, пенсионерка, ноябрь 2022

Те, кто полагаются на телевизионно-ориентированный медиарепертуар, редко сталкиваются с альтернативным освещением событий, распространяемым в онлайн-медиа — соответственно, у них нет причин не доверять телевидению. Само доверие к медиа у таких информантов является, по сути, результатом совпадения прогосударственных нарративов и собственного восприятия ситуации. Принципы оценки достоверности СМИ в интервью с тридцатисемилетним предпринимателем хорошо иллюстрируют эту тенденцию. С одной стороны, этот информант утверждает, что не доверяет российскому телевидению:

«Российское телевидение — там вообще к правде мало отношения [имеет]. Там могут показать, что угодно»

м., 37 лет, предприниматель, октябрь 2022

С другой стороны, государственные каналы вызывают у него больше доверия, чем остальные. Однако продолжая объяснять причины доверия, он ссылается не на факты или критерии объективности, а делает отсылку к украинским СМИ:

«Украинских смотреть? Ну, там вот прямо вот откровенное вранье, на мой взгляд»

м., 37 лет, предприниматель, октябрь 2022

Иначе говоря, критерием оценки достоверности для него является не соответствие информации реальности, а политическая принадлежность источника — СМИ противника доверять нельзя, а своим можно, хотя и не полностью. Причем во многом такая верификация является интуитивной — поясняя, информант говорит, что прогосударственные источники *«просто вызывают чуть больше доверия, чем остальные»* [м., 37 лет, предприниматель, октябрь 2022], что свидетельствует о том, что информант опирается скорее на интуицию.

Такую работу интуиции хорошо иллюстрирует случай следующей информантки, недавней выпускницы одного из нестоличных вузов, полностью аполитичной на момент объявления войны. Пытаясь разобраться в ситуации, она сначала попадает в пространство либеральных российских СМИ («Медуза», «Медиазона», «Новая Газета») — популярного источника информации в ее студенческом окружении. Там она встречается с негативными трактовками причин «спецоперации», в соответствии с которыми российское правительство виновато в развязывании преступной войны, а гражданам России предлагается активно выразить свое несогласие с действиями властей. Ее нежелание принимать эту негативную и «неудобную» для нее версию событий трансформируется в «интуитивное чувство», опора на которое позволяет ей назвать эти источники информации недостоверными. В результате она отказывается от них в пользу тех ресурсов, которые представляют ситуацию в более выигрышном для России свете:

«И мне как-то интуиция сказала, что какое-то несоответствие фактов было в том, как там (в той же более либеральной прессе) говорили о происходящем. И я начала уже рыться везде абсолютно, где только можно»

ж., 23 года, инженер, октябрь 2022

Этот поиск приводит ее к официальным Telegram-каналам пророссийских блогеров и СМИ, таких как Russia Today, которые

она описывает как более «искренние» и «честные», попутно признаваясь, что этим источникам ей просто «больше хотелось довериться», поскольку они соответствуют ее «картине мира»:

«Во-первых, мне как-то показалось, что то, какую они позицию высказывают относительно происходящих событий — и не только сейчас относительно “спецоперации”, а, в принципе, в мире, — это как-то конгруэнтно моему пониманию картины мира. Это первое, что, я думаю, все-таки [меня] зацепило. А следующее — что были интервью различные именно с людьми, кто там живет. Я как-то смотрю: ну, такое, [в принципе] можно подделать, но какая-то искренность [была] людей <...> и интуитивно мне <...> тем интервью больше хотелось все-таки довериться, и они более казались честными»

ж., 23 года, инженер, октябрь 2022

Эмоциональные установки

Скептицизм и ощущение невозможности получить достоверную информацию о происходящем провоцируют дискомфорт и негативные эмоции, а они, в свою очередь, могут определять практики медиапотребления. Человек, у которого отсутствие доступа к достоверной информации вызывает раздражение, с большей вероятностью перестанет следить за повесткой, чем человек, который воспринимает такую ситуацию спокойно. Ниже мы описываем разные установки по отношению к СМИ и связанные с ними эмоции, которые побуждают людей следить за повесткой или, наоборот, отключаться от нее. Среди информантов можно выделить три установки по отношению к информации: радикальную, отстраненную и аналитическую.

Информанты с радикальной установкой реагируют на невозможность получить достоверную информацию и разные конфликтующие интерпретации войны, с которыми они сталкиваются, негативно и с раздражением. Например, один из информантов описывает свое отношение к телевидению в агрессивной манере с множеством ругательных терминов и жалуется на психологическое давление с его стороны:

«Я думал, что когда Майдан закончится в 2014-м году, то прекратится это словоблудие телевизионное. Я сам мое мнение могу сформулировать, мне не нужно это постоянное нагнетание. <...> Когда я где-то нахожусь и включен этот зомбощик, если он в течение полчаса на мозги действует, то мне тяжело»

м., 59 лет, профессия неизвестна, декабрь 2022

Часто эта категоричная установка и раздражение ведут к отказу от медиапотребления, поскольку люди стараются избежать дискомфорта и остаться в гармонии с собой. Например, отвечая на вопрос о том, какие источники вызывают у нее доверие, другая наша информантка признается: «Я вообще думаю, что никакие» [**ж., 37 лет, предпринимательница, октябрь 2022**]. Это отсутствие источников, которым доверяешь, в свою очередь ведет к отключению от информационной повестки:

«Я не знаю, честно, поэтому и не смотрю. Я знаю, что никто правду не скажет, а я только начну заморачиваться»

ж., 37 лет, предпринимательница, октябрь 2022

Информанты с отстраненной установкой реагируют на тот же самый дискомфорт потерей чувствительности к событиям в Украине, апатией и дистанцированием. Например, один из них жалуется, что часто не до конца понимает события и процессы,

которые представлены в СМИ:

«Вот есть информация, что вышел какой-то закон — это реальная информация. А второй вопрос — это как он работает на практике. Что будет? Хуй знает... Вот такое отношение»

м., 27 лет, работник нефтяной сферы, ноябрь 2022

В свою очередь, это непонимание вызывает не раздражение, а отстранение: *«Я не принимаю [информацию] близко к сердцу»*, — говорит этот информант [м., 27 лет, работник нефтяной сферы, ноябрь 2022]. При этом, такие информанты стараются иметь хотя бы поверхностное представление о событиях, поэтому не отключаются от новостной повестки, а ограничивают потребление информации. Так, другой информант, двадцатипятилетний вахтовый рабочий, рассказывает о своем недоверии информации:

«Все равно все не знают про все, да и врут дохуя. Я не верю этому»

м., 25 лет, вахтовый рабочий, октябрь 2022

В результате он продолжает следить за событиями (*«за всем направлением [развитием событий на фронте] я на YouTube смотрю или в Telegram читаю»*), но ограничивает потраченные на это время и силы (*«Но я особо стараюсь не залипать в этом»*) [м., 25 лет, вахтовый рабочий, октябрь 2022].

Наконец, информанты с аналитической установкой спокойно справляются с недоверием к источникам информации. Они относятся к предвзятости разных СМИ как нормальному явлению и утверждают, что не испытывают сильных эмоций по этому поводу. Один из таких информантов, например, говорит, что *«военные новости, они, естественно, будут с уклоном в ту или иную сторону»* [м., 40 лет, гид, октябрь 2022], но при этом он продолжает их читать и анализировать:

«...но я пытаюсь читать их чисто по фактам, что произошло. Если какие-то войска отступили, то они уже отступили, с подтверждением причем. Тут уже, как ни крути, факт на лицо»

м., 40 лет, гид, октябрь 2022

Такой анализ не вызывает у информанта особо сильных эмоций — даже если информация кажется недостоверной или предвзятой, он воспринимает ее «без какого-то угара, без дикого восторга» [м., 40 лет, гид, октябрь 2022]. Другой информант подчеркивает, что анализ информации дается ему просто:

«Просто я стараюсь получать информацию хоть какую-то и фильтровать в голове то, что мне кажется совсем абсурдным, вот и все»

м., 30 лет, профессия неизвестна, временно не работает, октябрь 2022

2°

4° 3°

Спустя полгода: отношение к информации и медиапотребление в динамике

За более чем полгода военных действий медиапотребление информантов и внимание к информации о событиях в Украине менялось несколько раз в ответ на разные ключевые события. Масштабный кризис провоцирует тревогу и приковывает внимание людей к СМИ, в которых они ищут ответы на вопрос о том, что происходит. С течением времени усиленное внимание сменяется усталостью. Из-за постоянного фокуса на разрушении и жертвах порог чувствительности к человеческим страданиям снижается, а интенсивные переживания в начале приводят к естественной защитной психологической реакции — попыткам ограничить поток негативной информации. Все информанты так или иначе описывают несколько этапов эволюции их внимания к войне:

1 Первые месяцы войны (конец зимы 2022 — начало весны 2022): повышенное внимание.

Слова девятнадцатилетнего студента хорошо иллюстрируют эту тенденцию. В начале войны, — говорит он, — *«я был подписан на множество каналов, включал уведомления, читал все сводки, чтобы быть в курсе того, что там происходит»* [м., 19 лет, студент, ноябрь 2022].

2 Позиционная война (конец весны 2022 — лето 2022): усталость и дистанцирование.

К концу весны 2022 года усиленное внимание к войне приводит к усталости и апатии. Наши информанты признаются: в этот период *«наступила некая усталость и апатия, я уже перестал в какой-то период следить»* [м., 38 лет, профессия неизвестна, ноябрь 2022]. Это тенденция, зафиксированная в наших интервью, совпадает с другими свидетельствами. Телеизмерения и исследования показывают, что к лету почти на четверть **упал** охват государственных телеканалов и одновременно с этим сами телеканалы **сократили** количество контента, связанного с войной, почти в два раза.

3 Мобилизация (сентябрь 2022—октябрь 2022): повышенное внимание.

Логично, что объявление мобилизации стало масштабным кризисом, который снова приковал внимание людей к новостям и информации о военных действиях в Украине. Как замечает одна из информанток, *«после того, как объявили мобилизацию, я некоторые Telegram-каналы дополнительно начала читать, в том числе Meduza, еще несколько. Потом Telegram-канал “Раньше всех”»* [ж., 37 лет, предпринимательница, октябрь 2022]. Другой информант объясняет:

«А вот осенью, после летнего перерыва, внимание мое повышенное. Это, в частности, с

частичной мобилизацией связано, потому что как происходят процессы, как людей готовят, насколько быстро они туда попадают, какие задачи выполняют»

м., 40 лет, административный работник в университете, ноябрь 2022

14 **Конец осени—начало зимы (ноябрь 2022 — декабрь 2023): усталость и дистанцирование.**

Наконец, через несколько недель/месяц после объявления мобилизации многие информанты снова отключаются от новостной повестки. Как отмечает один из информантов в ноябре 2022 года, сейчас он следит за новостями скорее пассивно:

«Сейчас я достаточно так, не целенаправленно отслеживаю, а просто появляюсь в интернете, на что-то натываюсь, то смотрю»

м., 38 лет, профессия неизвестна, ноябрь 2022

Природу этого процесса другая информантка объясняет следующим образом:

«Сначала у людей начинается паника, когда объявили мобилизацию, потом это все потихонечку укладывается, люди понимают, что мы живем дальше»

ж., 33 года, спортивный инструктор, ноябрь 2022

Репертуары медиапотребления

Несмотря на то, что общая динамика внимания к войне и медиапотребления с двумя пиками (начало войны и объявление мобилизации) и двумя моментами спада (лето 2022 и конец осени 2022) схожа у большинства наших собеседников, эти процессы имеют разную природу у информантов с телевизионно-ориентированным и онлайн-ориентированным репертуарами.

В свою очередь, информанты с онлайн-ориентированным репертуаром распадаются на две группы, стратегии которых отличаются — это аполитичные и более политизированные информанты.

Информанты с онлайн-ориентированным репертуаром, прежде далекие от политики, отмечают, что в начале войны они не только стали более активно следить за новостями, но также потреблять информацию из идеологически разнонаправленных источников. Большинство информантов, даже если они поддерживают действия России, не доверяют государственным медиа — в первую очередь, телевидению. Это недоверие ведет их к попыткам разнообразить медиарепертуар — они начинают включать в список потребляемых источников информации западные, украинские или оппозиционные источники:

«Я стараюсь быть максимально симметричным. Несмотря на то, что я все-таки открыто поддерживаю уже в конце концов Российскую Федерацию, я стараюсь следить за всеми сводками. Я, если попадаю на какие-то украинские Telegram-каналы, я все равно их просматриваю, потому что я хочу видеть стереоскопическую объемную картинку. Я стараюсь быть объективным всегда. Я стараюсь как-то не быть в информационном пузыре, а прощупывать все точки зрения»

м., 38 лет, профессия неизвестна, ноябрь 2022

Некоторые информанты даже отмечают, что они отдают предпочтение украинским Telegram-каналам, потому что, в отличие от российских, те «обычно публикуют информацию первыми» [м., 23 года, аналитик данных, октябрь 2022].

Тем не менее со временем подверженность противоположным объяснениям событий запутывает этих информантов, они

чувствуют, что все еще не могут понять, что на самом деле происходит в Украине. Так, одна из информанток жалуется:

«Если одни говорят, что “мы отступили”, другие говорят “мы напали”, другие говорят “мы разбомбили”, третьи говорят “мы отразили”, то понятно дело, что найти какое-то среднее звено в этом уже невозможно»

ж., 24 года, студентка, октябрь 2022

Другой информант описывает сходную фрустрацию:

«У нас говорят одно, в Европе другое, на Украине третье. То есть кому верить, в принципе, непонятно. Поэтому если подытожить, то все равно вот за все это время какой-то правды не было. И судить по каким-то отрывкам, это как испорченный телефон — ну, смысла вообще нет»

м., 35 лет, инженер, октябрь 2022

Одновременно у таких информантов растет дискомфорт из-за большого количества интерпретаций военных действий. *«Нельзя объять необъятное. То есть читать все, что пишут — ну-у-у... Достаточно сложно»* — жалуются они [**м., 39 лет, специалист по недвижимости, октябрь 2022**]. Информанты сетуют на то, что этот дискомфорт нарушает их психологическое здоровье. По словам одной информантки, после чтения Telegram-каналов с разными идеологическими направленностями она поняла, что *«надо, наверное, остановиться, потому что моя психика не выдерживает»* [**ж., 37 лет, предпринимательница, октябрь 2022**].

В ответ на это «многоголосье» в интерпретациях войны некоторые далекие от политики информанты полагаются на стратегию полного отключения и сознательно игнорируют любые связанные с войной события:

«[Я] следил [за событиями в Украине]. И политикой интересовался в меру. Просто в меру, потому как на то, чтобы быть в курсе, уходило не очень много времени. А дальше пошел вот то, что называется, инфошум, очень большое количество информации. И на то, чтобы быть полностью в курсе, уходило бы очень много времени, а как-то однобоко воспринимать определенные события не хотелось. Поэтому я решил просто отказаться от абсолютного большинства медиа-ресурсов, каких-то авторитетов (в плане информационных) и просто пребывать в неведении»

м., 18 лет, студент, ноябрь 2022

Другие — не игнорируют политическую повестку полностью, но опираются на компромиссную стратегию ограничения, которая позволяет им быть в курсе событий в целом, но не тратить слишком много времени на анализ информации. Например, один из информантов делится:

«Раз в неделю я просто выжимку смотрю часовую у журналистов, которым я доверяю. У журналиста на YouTube. И по сути все»

м., 18 лет, студент, ноябрь 2022

Наконец, некоторые полагаются на стратегию отключения от новостей с опорой на других. Такая опора становится своего рода компенсаторным механизмом, который формируется в ответ на описанные выше запутанность и усталость. Как признается один из информантов, «у меня есть определенный круг друзей, которые прямо следят-следят. И они меня периодически информируют, что там происходит» [м., 39 лет, специалист по недвижимости, октябрь 2022]. Другая информантка объясняет связь между запутанностью и отключением с опорой на других еще яснее:

«Я совсем перестала читать новости, если честно, мне страшно это делать, потому что я не понимаю, что там происходит. У меня есть брат. Когда я вижу страшный заголовок, например, о прорыве или теракте, я к нему прихожу и прошу его объяснить мне, что там происходит. Может быть, это способ защититься, потому что в пересказе брата это не так страшно, как в реальности, так как среди множества новостей я ничего не понимаю»

ж., 21 год, студентка, ноябрь 2022

Иными словами, эта информантка опирается на мнение значимого другого (брата), чтобы компенсировать дискомфорт, вызванный множеством конкурирующих интерпретаций войны.

Информанты с онлайн-ориентированным репертуаром, интересующиеся политикой, тоже получают информацию о войне из разнообразных источников, в том числе, источников с противоположным взглядом на события. Соответственно, и более политизированные информанты сталкиваются с проблемой наличия конкурирующих интерпретацией войны вокруг них — но по-другому реагируют на нее.

Некоторые из них полагаются на стратегию активного потребления — они заявляют, что продолжают активно следить за государственной пропагандой и пытаются верифицировать информацию через сравнение ее с другими источниками:

«По телевизору могут говорить одно, а, на самом деле, может быть, другое. Поэтому для сравнения я нахожу и смотрю украинский канал. Думаю: “Посмотрю, что они, посмотрю, что эти, что другие”»

ж., 62 года, пенсионерка, декабрь 2022

Сложно сказать, насколько такие декларации являются реальными практиками. Исследователи [отмечают](#), что заявляемая верификация информации часто является результатом того, что эта практика является «социально желательной». Иначе говоря, признание такой аудитории в том, что она не верифицирует информацию и доверяет медиа на слово, может ставить под вопрос чувство собственного достоинства — особенно в России, где идея СМИ как средств манипуляции стала частью здравого смысла.

У других политизированных информантов, как и у многих аполитичных, интерпретация событий антирежимными источниками, которые часто представляют действия России в негативном свете, начинает вызывать дискомфорт. Происходит *поляризация медиапотребления* — информанты исключают антирежимные источники из своего репертуара:

«Я начал потихоньку чистить Telegram-каналы, которые я читаю, когда канал переходил уже к какой-то очевидной оголтелой пропаганде. Со стороны Украины я наблюдаю ужасный уровень топорной и агрессивной пропаганды. Причем я вижу, что публика это все с радостью принимает. Я вижу, как на непроверенную информацию со стороны Украины вся либеральная и украинская публика тут же реагирует, тут же начинает репостить, переживать страшно, осуждать Россию»

м., 28 лет, компьютерный график, октябрь 2022

Дискомфорт от представления России в негативном свете вызывают не столько освещаемые события сколько отбор фактов для изложения, язык описания и расстановка смысловых акцентов:

«Если российская армия бомбит Киев, то они пишут об этом <...> с обязательными эпитетами, которые характеризуют, типа

“жестокая бессмысленная бомбардировка российской армией украинского города” — это же всегда про стиль. <...> А почему бомбардировка жестокая и бессмысленная? Сейчас, когда Киев бомбили, они бомбили объекты военные и инфраструктуру, в основном. Это факт? Это факт. Они не пишут, что “жертвы бомбардировки Киева по ТЭЦ, военным объектам”. Нет, они пишут “Россия продолжает геноцид несчастных милых киевлян”. При этом — когда взрывается Крымский мост, то что они пишут? Не “страшный жестокий теракт, подлый, со стороны украинского руководства”. Они пишут “предположительный взрыв, российская сторона обвиняет во взрыве на Крымском мосту украинские спецслужбы”»

м., 28 лет, компьютерный график, октябрь 2022

Переставая уделять внимание антирежимным источникам, такие информанты понимают, что начинают полагаться на недостоверную государственную или прогосударственную пропаганду. И тогда они включают «внутренний» способ верификации этих источников — они ориентируются на собственные представления об их предвзятости. Как отмечает один из информантов, «я скорее пользуюсь источниками российской стороны, пытаюсь делить их информацию на их идеологическую позицию» [м., 37 лет, программист, временно безработный, декабрь 2022]. Но поскольку, как мы знаем из других [исследований](#), политизированные люди часто интерпретируют факты так, чтобы те подкрепляли их взгляды, вряд ли такая «внутренняя» проверка на предвзятость может быть эффективна. Более того, многие информанты не скрывают, что их целью вовсе не является проверка информации на объективность. Они признаются, что согласны смириться с ее необъективностью, если ценой этого является устранение дискомфорта. Например, одна из них вспоминает про освещение в мировых либеральных

СМИ инцидента на острове Змеиный, после которого она ограничила чтение западных источников:

«Были очень громкие заявления правящей верхушки Украины о том, что вот столько-то человек убиты были героически. И потом оказалось, что это фейк. Об этом написали все крупнейшие газеты не проверяя. Например, BBC. Я тогда была подписана на все либеральные СМИ вообще мировые. Washington Post, короче, все, Guardian. <...> А потом, оказывается, что эти все люди, они были живы, и они просто были сданы в плен. И об этом никто не написал»

ж., 30 лет, редактор в IT сфере, октябрь 2022

В результате информантка делает вывод, что «очень уважаемые мною некогда СМИ» также манипулируют читателями и решает *«придерживаться той стороны [российской], которая будет сохранять мою психику, а не расшатывать ее»* [ж., 30 лет, редактор в IT сфере, октябрь 2022]. По словам другого информанта, ему близка позиция прогосударственных СМИ, согласно которой *«мы воюем со всей Европой на территории Украины, вот это НАТО»* [м., 34 года, менеджер, ноябрь 2022]. Обосновывая свое мнение, он отсылает не к правдивости этих СМИ, а к психологической необходимости обоснования собственного мнения:

«Все равно мозгу же нужно какой-то теории придерживаться, да, и, наверное, мой больше этой придерживается»

м., 34 года, менеджер, ноябрь 2022

Эти высказывания демонстрируют глубокий уровень осведомленности информантов о предвзятости прогосударственных СМИ. Однако, несмотря на это, они делают выбор в их пользу, чтобы избавиться от дискомфорта, который порождается конфликтом между тем, во что они верят, и тем, что происходит.

В отличие от информантов с онлайн-ориентированным репертуаром, информанты с *телевизионно-ориентированным репертуаром* просто не сталкиваются с дилеммами в отношении выбора источников информации. Поскольку они доверяют телевидению и не полагаются или не слишком полагаются на онлайн-источники, то они практически не встречаются с конфликтующие объяснения событий и не испытывают дискомфорт, который заставлял бы их изобретать разные стратегии взаимодействия с информацией. Пусть некоторые из них и говорят о важности сравнения источников, они редко рассказывают о своих практиках сравнения в деталях, перечисляя конкретные источники. Это позволяет предположить, что такие высказывания — скорее декларации. Например, один из информантов говорит:

«Я сопоставляю то, что, скажем, официально, и то, что я смог получить неофициально. А они, в принципе, они не так уж и расходятся»

м., 69 лет, пенсионер, октябрь 2022

При этом, о каких именно источниках идет, он не поясняет — в отличие от информантов с онлайн-ориентированными репертуарами, которые часто называют конкретные источники.

Информанты с телевизионно-ориентированным репертуаром получают от государственной пропаганды риторику фейков и дезинформации как способ защиты от тех версий событий в онлайн-источниках, которые могли бы поставить ее под вопрос. *«Интернет — эти фейки не смотрю»*, — объясняет один из наших информантов [м., 71 год, пенсионер, октябрь 2022]. На вопрос о том, черпает ли он информацию из телевидения, другой информант отвечает:

«В основном — да. А где еще? <...> Нет, в телефоне новости я не смотрю. <...> Я посмотрел, там самая натуральная туфта. Там и Россию сквернят, все сквернят»

Риторика дезинформации и фейков предоставляет таким информантам объяснения, которые позволяют легко поставить под вопрос информацию из онлайн-источников в целом:

«[Я получаю информацию] именно из [теле] новостей. Я не всем телеканалам верю, каналам в Telegram и тому подобное. Там фейков много может быть. Людей стало мало, которые поступают по направлению журналистики, школьники. Почему? Потому что блогером быть легко. Я могу любую чушь за любого человека сказать и мне за это не будет наказания. Вот телеканалы, блогеры — я любую чушь сказал и люди поверили. А журналисты, те же самые новости, у них есть ответственность — за ложную информацию будет срок. Так что я больше буду верить новостям, телеканалам, чем этим фейкам»

**м., 31 год, председатель городского молодежного парламента,
декабрь 2022**

Иными словами, информанты с телевизионно-ориентированным репертуаром просто обходят проблему конфликтующих нарративов стороной, поскольку они либо не сталкиваются с такими описаниями и объяснениями, либо, если сталкиваются, имеют наготове ярлыки вроде «фейк» и «дезинформация», которые позволяют легко проигнорировать критику действий правительства.

Таким образом, часть не-противников войны полагается на телевизионно-ориентированный репертуар — телевидение в нем играет важную роль, но дополняется онлайн-медиа или информацией от значимых других. Другая часть опирается на

онлайн-ориентированный репертуар — они либо используют исключительно онлайн-источники и социальные сети, либо тоже соединяют информацию, полученную из интернета, с информацией от друзей и близких. Наши информанты так или иначе высказывают недоверие СМИ, в том числе, российским. Но те информанты, которые полагаются на телевизионно-ориентированный репертуар, все-таки склонны больше доверять СМИ, так как редко сталкиваются с конкурирующими нарративами. Недоверие сопровождается разными эмоциональными установками — радикальной установкой, когда информанты полностью отключаются от новостной повестки; отстраненной установкой, когда информанты ограничивают потребление информации; и аналитической установкой, когда информанты справляются с эмоциями и декларируют «рациональный» подход к потреблению информации.

В начале войны внимание информантов было приковано к СМИ, но к лету наступила усталость. Объявление мобилизации вновь заставило не-противников войны активно потреблять информацию; а к зиме усталость наступила вновь. Информанты с онлайн-ориентированными репертуарами, тем не менее, долгое время пытаются потреблять информацию «с разных сторон». Однако со временем они устают и испытывают дискомфорт от наличия вокруг них конкурирующих интерпретаций одних и тех же событий. Тогда аполитичные информанты полностью или частично ограничивают потребление новостей и — в некоторых случаях — начинают взамен полагаться на информацию, полученную от значимых других; а политизированные информанты игнорируют этот дискомфорт или же осознанно возвращаются к потреблению информации из исключительно пророссийских источников (даже понимая, что последние предвзяты). Информанты же с телевизионно-ориентированными репертуарами редко сталкиваются с конкурирующими объяснениями событий. Когда такое все же происходит, они избавляются от дискомфорта, объявляя конфликтующие интерпретации войны в онлайн-источниках «фейками» или «дезинформацией».

Российская медиасреда является чрезвычайно насыщенной. Несмотря на жесткие меры контроля, ограничить поток

альтернативной информации полностью просто невозможно. Соответственно, россияне сталкиваются с множеством версий событий, которые ставят под вопрос картину мира, выстраиваемую государственной пропагандой. Доступ к такой информации, однако, не приводит автоматически к формированию более антивоенных взглядов бывшими не-противниками войны. Иллюстрируя принцип «больше — не значит лучше», та аудитория, которая могла пересмотреть свои взгляды в силу активного использования онлайн-источников, реагируют на «многоголосье» в медиа набором адаптивных стратегий, которые позволяют купировать дискомфорт, не пересматривая взгляды.

2° 5 **Чем все закончится?**

Вопрос о том, как закончится война и какими будут ее последствия для обеих сторон конфликта, волнует многих. В этом разделе мы описываем различные сценарии окончания войны, которые предлагают наши информанты. Мы показываем, как не-противники войны видят будущее России и Украины и роль Европы и США в разрешении конфликта.

Большинство наших информантов, независимо от их восприятия других аспектов войны, смотрят в будущее скорее пессимистично. Они считают, что чем бы ни закончилась война, хорошо не будет никому. Некоторые из них с трудом представляют конкретные сценарии окончания конфликта. Многие отмечают, что ответить на вопрос о будущем конфликта очень сложно. В отличие от первых месяцев, когда надежда на скорое завершение «спецоперации» еще теплилась, через семь-девять месяцев войны будущее не кажется ни радостным, ни определенным.

Сценарии окончания войны, предлагаемые нашими информантами, можно условно разделить на желаемые (оптимистичные) — как информанты хотели бы, чтобы закончилась война, и реалистичные (более оптимистичные и более пессимистичные) — как, по предположению информантов, война может закончиться в реальности.

2° 5° 1° **Желаемые сценарии: мир на российских условиях**

Самым желаемым сценарием окончания войны является скорейшее прекращение военных действий и переход к мирным переговорам, с учетом интересов России как минимум и на условиях России как максимум. Информанты предполагают, что в этом случае, наконец, восстановится мир — будет положен конец насилию, люди

перестанут убивать друг друга и погибать, а Россия воссоединится с «братским народом Украины». Частью этого сценария является благоденствие всех — не только граждан России и Украины, но и Европы (которые, по мнению многих, тоже страдают от войны):

«Россия перестанет отправлять людей туда и умирать на территории другой страны. Л/ДНР наконец-таки станет (они уже стали) частью России, перестанет жить в этой вот “серой зоне” без карточек, под обстрелами и так далее. Эти бабки бедные из подвалов вылезут и уже наконец-таки смогут сидеть на лавочке спокойно. То есть я все-таки надеюсь на то, что... Господи, я хочу мира во всем мире, но вы понимаете, что, короче... Я хочу, чтобы Россия выиграла, но при этом, чтобы у других людей, которые стали частью этого конфликта, тоже наладилась как-то жизнь. То есть то, что мы там наблюдаем сейчас, мне бы хотелось, чтобы все-таки этого не было. Потому что люди не должны есть насекомых, не должны... Не знаю, что... Что там? Греть свои дома на температуру 16 градусов и так далее»

ж., 30 лет, редактор в IT сфере, октябрь 2022

Сохранение Россией оккупированных украинских территорий — важная часть желаемого сценария окончания войны. При этом мнения о том, какие территории нужно сохранить, а какими можно пожертвовать, разнятся. Некоторые считают, что Крыма будет достаточно, другие — что нужно сохранить все новоприсоединенные земли. Для многих отступление России к своим прежним границам кажется невыносимым:

«Другой момент — к сожалению, на той фазе, на которой мы сейчас находимся, нам просто нельзя, в принципе нельзя остановить это все, самим сказав “да ладно, давайте закончим,

вот это возьмем, а остальное — вам. Или вообще вам все отдадим.» Так уже не получится»

м., 46 лет, предприниматель, ноябрь 2022

«Нужно, на мой взгляд, до конца уже идти, поддерживать своих, не бросать. И стараться найти какой-то компромиссный путь. Ну, поставить себя в удобную переговорную позицию. То есть одержать военную победу, но при этом понимать, что какого-то полного контроля не будет над ситуацией. И нужно найти просто максимально выгодную переговорную позицию, чтобы закончить уже эту историю»

м., 23 года, журналист, октябрь 2022

Компромисс в качестве желаемого сценария (потому что он так же кажется более реалистичным в текущей ситуации) упоминают многие информанты, вне зависимости от степени их поддержки войны. Однако в результате этого компромисса Россия должна удержать, как говорит предыдущий информант, свои переговорные позиции. Просто отступить, в представлениях не-противников войны, уже невозможно, потому что с начала вторжения прошло слишком много времени и Россия успела понести свои потери — экономические, политические и человеческие:

«Я думаю... На мой взгляд, если Украина отвоевывает обратно вот эти новые территории, то это будет полным провалом для всей нашей страны. Думаю, что мало того, что никаких новых приобретений, ресурсов и т.д, и т.п, в том числе трудовых, так еще и санкции, кризис, бойкот и так далее. С захватом всей страны это можно было бы хотя бы как-то компенсировать»

м., 18 лет, студент, ноябрь 2022

Отдельного внимания заслуживает то место, которое занимает в обсуждаемых сценариях судьба жителей Донбасса. В разговоре о причинах начала войны большинство информантов использовали аргумент о необходимости защиты русскоязычного населения этого региона Украины в качестве основного. Однако при ответе на вопрос о желаемых (и даже о реалистичных) сценариях окончания войны забота о населении, на протяжении восьми лет (по версии информантов) страдавшего от агрессии украинских властей, отходит на второй, а то и вовсе на третий план. Именно закрепление территориальных приобретений становится основной заботой информантов, в то время как о судьбе жителей этих территорий наши собеседники вспоминают в основном во вторую очередь или не упоминают вовсе:

«Наверное, для меня было бы логично (мне очень сложно судить на эту тему сейчас), что раз уж это все свершилось, то оставили бы... Честно говоря, я думала, что будет только Луганск и Донецк, только они фигурировали. А потом еще больше земель оказалось. Раз уж там такая фигня случилась, то пусть эти останутся с Россией, а те успокоятся, не будут строить базы рядом с Россией. <...> Я бы сказала, что это очень примитивное рассуждение, но давайте вы уже просто отстанете друг от друга, ну именно с условием того, что там не будет никаких баз, угроз для России, как нам это подается»

ж., 33 года, спортивный инструктор, ноябрь 2022

«В идеале, чтобы не выглядеть совсем опозоренным, можно мечтать о том, чтобы в действующих границах, которые сейчас проходят, линия столкновения, чтобы по ней

прошла граница, все было бы хорошо. Спишут все замороженные активы на восстановление Украины, а мы уже будем сидеть и сами все восстанавливать. Наверное, это был бы идеальный вариант, который планируется сейчас где-то на верхах. <...> В нынешних границах мы забираем себе все что есть, мы не ставим никогда больше вопрос, проводим какой-то всенародный, всепланетный референдум, что да, ЛДНР—это точно всегда была Россия, это всегда русские были, это прямо наши восточные славяне»

м., 23 года, медицинский инженер, ноябрь 2022

Какое будущее ждет Украину, если война закончится в пользу России? Информанты описывают несколько сценариев. Во-первых, Украина может перестать существовать как государство, когда часть ее территорий перейдет под контроль России, а часть — другим странам (например, Польши). Другим вариантом является распад Украины на несколько частей, лишь одна из которых продолжит существовать как Украина. В обоих случаях линии разделения, в глазах наших информантов, проходят прежде всего по этническим границам, отделяя русских (русскоязычных, славян) от людей с другим менталитетом:

«С моей точки зрения, оптимально было бы, если бы Украина разделилась либо на две, либо на три части. Там, где русскоязычное население, которое себя самоидентифицирует как русские в первую очередь... Там же очень четко эти границы проведены. <...> То есть там один пояс—русскоговорящие, один пояс—пятьдесят на пятьдесят, один пояс—украиноговорящие. Я не знаю, не удалили ли эту картинку из Википедии, но она там вот до конфликта была

очень яркая. Понимаешь, оно все равно сейчас решается на поле боя. И вряд ли нам отдадут те части, на которые не зашли российские войска. Очень вряд ли»

м., 42 года, IT-специалист, октябрь 2022

Во-вторых, Украина может быть полностью оккупирована Россией. В этом случае Россия сможет контролировать напрямую степень ее «братскости» и дружелюбия. Один из информантов приводит в пример Беларусь, чтобы продемонстрировать, как Украина может снова стать «братской страной» для России:

«[Было бы хорошо] чтобы реально Украина была братским народом, чтобы она была как Беларусь. То есть я был в Беларуси много раз. Мне очень нравятся белорусы. Я бы не сказал, что Беларусь полноценная отдельная страна. <...> Там этот батька у них, у которого они все там... Вроде и ругаются, но при этом тоже говорили, что там и люди исчезают, и вот, он у власти там держится, и никому не дает. В строгости какой-то... Но при этом там чисто, порядок, ну, люди работают, и, в принципе, как народ они существуют. И очень отличаются они от... То есть Беларусь—это целый народ со своей культурой, со своей историей. Это Беларусь. И я не чувствую, что прямо Россия на них как-то давит или как-то еще что-то. Приятно туда даже приезжать»

м., 34 года, менеджер, ноябрь 2022

Некоторые (но их немного) говорят о том, что после того, как Россия освободит украинские территории (от Украины), люди, проживающие на этих территориях, должны будут сами выбрать, с

кем и на каких условиях им продолжать свое существование:

«Ну, если республики хотят независимости, значит, дайте им независимости.

Хотят в составе другого государства быть — присоедините, пусть там будут. А что еще? Обязательно нужно, чтобы сменилось правительство. Потому что старое полюбасу не сможет править остатками той страны, от которой отпочковались области, либо там еще что-то. Их просто сместят быстро. Вот так вот, то есть, в любом случае, как и везде и всегда происходило: замена правительства — раз, какие-то претензии на территорию плюс-минус, туда-сюда — два»

м., 35 лет, инженер, октябрь 2022

У многих информантов есть уверенность в том, что украинские территории, которые останутся под контролем России, будут восстановлены, потому что российское правительство позаботится об этом. При этом, даже говоря о необходимости сохранения новых территорий, часть информантов сомневаются, что эти территории России нужны, в первую очередь потому, что их восстановление и содержание потребует большого количества средств и может подорвать российскую экономику:

«Мне очень непонятно, вот, зачем нам эти территории. Ну, я понимаю, зачем нам эти территории. Чтобы там Америка не расставляла свои какие-то лаборатории, на этих территориях, какое-то оружие на них, правда. На границе с Россией. Ну, как-то... У нас и так денег нет. Да? А мы еще одни территории берем, чтобы и их тоже обрабатывать, спонсировать. Ну, как-то мне

это... Блин, мне за экономику страны страшно, понимаете?»

м., 21 год, студент, октябрь 2022

Если Украина продолжит существовать, то для того, чтобы желаемый сценарий окончания войны стал возможен, в ней, по мысли наших информантов, должно смениться правительство. Многие считают, что именно Зеленский представляет собой главное препятствие для установления мира. Кроме того, сами украинцы должны измениться — избавиться от влияния пропаганды, которая настраивает их против России, изжить национализм, переосмыслить свое прошлое:

«Мне бы хотелось, чтобы Украина оказалась одна сама наедине сама с собой. И всмотрелась в то, что с ней произошло за эти тридцать лет. Сама с собой—это значит, ей нужно остаться с теми территориями, где живут люди, которые прямо мечтают о “самостийной Украине”. Теперь я, правда, не знаю, а что это за территории. Вот я раньше был уверен, что это Харьковская область, потом Одесская область, Николаевская области. Теперь я не знаю. Мне кажется, в Харьковской области все на Россию смотрят и думают: “Пошли вы на хер!”. Не представляю. Но, тем не менее, я бы хотел, чтобы Украина осталась наедине сама с собой. И прожила честный диалог внутри себя. Как мы дошли до этого? Я не думаю, что на Украине найдутся силы, которые сейчас готовы начать этот диалог»

м., 43 года, университетский преподаватель, декабрь 2022

Наконец, желаемый сценарий окончания войны невозможен без отступления НАТО и Америки. Чтобы Россия победила, нужно «прогнать запад»:

«[Нужно] чтобы нас, Россию, оставили в покое. Ну, как этот конфликт с моей стороны выглядит? Это с американской стороны все началось»

ж., 30 лет, хирург, ноябрь 2022

«Я надеюсь, что конфликт разрешится так, что интересы России, а именно не вступление Украины в НАТО, отсутствие вот этой армии оснащенной и абсолютно милитаризованного государства, интересы которого на протяжении восьми лет были полностью заточены на ведение войны, устройство бункеров рядом с ЛДНР—все это прекратится»

ж., 30 лет, редактор в IT сфере, октябрь 2022

Описывая желаемые сценарии окончания войны, информанты упоминают множество факторов, которые могут повлиять на конечный исход конфликта. Такими факторами являются: погодные условия в зимний период в Европе и то, как европейские государства справятся с обеспечением теплом и электроэнергией в условиях ограничения использования российских энергоносителей; результаты выборов в США в ноябре 2022, потому что победа республиканцев может повлиять на объем поставок оружия Украине, и так далее. По мнению большинства информантов, итоги войны будут зависеть скорее от решений и действий третьих лиц — европейских государств и США, а не от действий украинцев. Именно «третьи лица» — это те, с кем Россия должна договориться о мире (потому что Зеленский недоговороспособен и только Америка или Европа могут заставить его начать переговоры; или потому что он на самом деле ничего не решает). Но это так же и те,

кто должен «организовать» перемирие, посадить разные стороны за стол переговоров:

«Мне бы хотелось, чтобы завтра перестали стрелять и чтобы наших президентов усадил бы кто-то, не знаю кто — китайцы, индийцы, папа римский. Усадили бы в одну комнату, чтобы они не выходили оттуда, пока не договорятся. Главное — чтобы не стреляли»

м., 59 лет, профессия неизвестна, декабрь 2022

Многие информанты, говоря о желаемых сценариях окончания войны, тут же упоминают реалистичные сценарии, противопоставляя первые и последние друг другу—ведь они не верят, что желаемые сценарии могут претвориться в жизнь:

«Ну, есть оптимистичный прогноз, есть пессимистичный. <...> Оптимистичный— что главы государств сядут, пообщаются, прекратят военные действия, придут к какому-то компромиссу, перестанут туда людей отправлять, убивать. Это, конечно, оптимистичный, как в сказке. Но что-то мне подсказывает, что такого не будет...»

м., 22 года, студент, ведущий мероприятий, октябрь 2022

Другие же информанты, напротив, вместо того чтобы говорить о желаемых, идеальных сценариях окончания войны (отвечая на прямой вопрос о них), начинают рассуждать о реалистичных сценариях — они как будто бы просто не могут помыслить «хорошее» окончание войны. Можно предположить, что описание желательных сценариев как нереалистичных, как и неспособность многих информантов описать желательное окончание войны в принципе, указывает на важную характеристику этой войны.

Несмотря на то, что, согласно опросам, цифры поддержки «спецоперации» остаются высокими, ответы на вопрос об окончании войны показывают, что эта поддержка является вынужденной: для многих людей победа в России в войне — не повод для радости, а необходимость (о чем подробнее будет сказано в следующем подразделе).

2. Желаемые сценарии: мир на российских условиях

Одним из самых важных компонентов желаемого сценария является окончание войны в ближайшем будущем. Затягивание конфликта — это то, чего боятся и чего не хотят информанты. Однако, как многие из них отмечают, скорее всего именно это и произойдет. Затягивание конфликта, изоляция и экономические потери России, напряженность внутри страны и даже ее распад — это то, как видят реалистичное окончание войны даже те, кто не являются ее противниками.

Во многих интервью окончание войны описывается как далекое или даже невозможное. Война становится нормой жизни для россиян. Многие информанты полагают, что мирные переговоры или военные действия, не заканчивающиеся капитуляцией Украины, разделом или присоединением ее территорий, в будущем могут привести к возобновлению военных действий: *«Если мы не победим Украину и многое другое сейчас, то дети через 20 лет пойдут на войну»* [м., 19 лет, студент, ноябрь 2022].

С точки зрения некоторых информантов, даже если мирные переговоры в какой-то момент состоятся и война закончится, напряжение между странами останется и опасность возобновления конфликта — тоже:

«Может быть, все-таки каким-то образом смогут между собой власти договориться, хотя я тоже не представляю, как это вообще»

возможно. Все равно ненависть какая-то, она останется. Так что я думаю, что прямо до конца не закончится это. То есть даже если все стороны пойдут на какое-то примирение, то все равно Россия будет ожидать подвоха со стороны Украины, Америки, еще кого-то. А Украина всю жизнь будет опасаться повтора этого со стороны России. То есть не будет доверия между людьми, между странами. И, может быть, кто-то опять решит что-то начать, типа пойти на опережение. Мне бы хотелось, конечно, чтобы это все как-то закончилось мирно»

ж., 23 года, студентка, ноябрь 2022

Другой возможный вариант развития событий, описываемый информантами — переход от острой фазы к «замороженному конфликту», частью которого могут стать террористические акты уже на территории России:

«Я считаю, что скорее всего после Нового года, точнее к весне, позиционный военный конфликт закончится на тех территориях, где он есть. И будет больше экономическое и политическое давление, и, возможно, организация терактов на нашей территории»

м., 37 лет, журналист, октябрь 2022

Одним из самых пессимистичных сценариев является ядерная война:

«Можно всего ожидать — от заморозки конфликта и заканчивая ядерной войной. Как повернутся события — мы не знаем»

м., 24 года, помощник депутата, ноябрь 2022

Наконец, война может не просто затянуться — если контроль над украинскими территориями не будет удержан и российским войскам придется отступить, то «война перекинется на территорию России и придется защищать Россию здесь» [м., 26 лет, сурдопереводчик, октябрь 2022].

Одним из самых пугающих аспектов затягивания конфликта, причем в любом его виде, для наших информантов является неопределенность. Поэтому для некоторых из них даже поражение России кажется более приемлемым вариантом, чем ситуация «ни войны, ни мира»:

«Я могу сказать только то, что я могу вообразить. Разных сценариев я не вижу. Есть сценарий затяжного конфликта, замораживание его, ни туда, ни сюда. Это будет самый печальный для меня сценарий, его больше всего не хочу. Я хочу, чтобы это завершилось чем-то однозначным — либо Россия побеждает, чего я конечно же хочу, либо Украина побеждает, чего я не хочу, но с чем мне придется иметь дело, но как минимум будет определенность. Мне, естественно, хотелось бы, чтобы Россия победила в обозримой перспективе один-два года»

м., 34 года, маркетолог, октябрь 2022

Если Россия проиграет, то, по мнению практически всех информантов, это приведет к катастрофическим для страны последствиям. Они будут касаться как статуса страны на международной арене, так и изменений ситуации внутри страны. Россию постигнет та же участь, что и Украину в случае победы России: произойдет раздел территории страны между другими государствами и распад государства на отдельные части. Россия ослабнет настолько, что ее смогут подчинить своей воле другие страны:

«Проигрывает Россия, и России будет очень несладко, ее просто задавят — не только санкциями, тут пойдет и раздел территорий, все последствия. Победит Россия? Будет Украине плохо. Для меня, как для жителя России, предпочтительнее чтобы победила Россия»

м., 24 года, помощник депутата, ноябрь 2022

В случае проигрыша сама страна столкнется с экономическим упадком, переделом власти и социальной нестабильностью — «вторыми девяностыми», которые для многих воплощают самый тяжелый и унижительный период новейшей российской истории:

«Если мы проиграем эту войну, то будет жесткий передел власти и что-то наподобие 90-х, конечно, не в такой яркой форме и в другом формате, но суть та же: передел власти и грызня элит между собой, дополнять это будет усилившийся экономический кризис и санкции. Нас подомнут под себя либо западные, либо азиатские государства. Не могу сказать, что мы станем марионеточным государством, но более управляемым и несвободным. <...> С экономической, мы и так уже сильно зависим, а с политической, пока что свободны в своих действиях»

м., 19 лет, студент, ноябрь 2022

Ужас поражения России связан, таким образом, не столько с тем, что она потеряет оккупированные территории, сколько с угрозой собственной целостности, независимости и благополучию. Именно поэтому часто можно наблюдать следующий парадокс: даже те информанты, которые критически относятся к войне и высказываются против нее из-за жертв и разрушений, которые она

принесла, хотят, чтобы Россия победила, потому что ее поражение означает для них конец страны.

Однако в реалистично-пессимистичных сценариях даже победа России не спасает страну от внутреннего кризиса. Этот кризис не ведет к распаду и экономическому коллапсу страны, как в случае поражения. Однако у него так же есть и социальное измерение, связанное с ухудшением ситуации внутри страны, и внешнеполитическое, связанное с международной изоляцией и репутацией агрессора:

«У нас есть ядерный купол. Система, которая [в случае] поражения накрывает весь мир ядерными боеголовками. Соответственно, в этом плане, я думаю, у нас при любом раскладе будет победа, так или иначе. Вопрос просто, какой ценой и какое у нас при этом будет лицо? Я могу зайти в детский садик, всех отпиздить и сказать, что я вот такой весь победитель. Но при этом... Какой я есть при этом? Я победил более маленькие страны, путем того, что я просто сильнее. И вопрос, что дальше? Хорошо, мы победим. Говорю, у меня дальше вопрос. Мы победим Украину. У нас отношения со всеми испорчены. Все, блять, испорчено. <...> И глобально-то мне лично насрать. Но я бы не хотел, как гражданин поехать в другую страну, и из-за какого-то пидораса слушать, что я — агрессор. Несмотря на то, что я против войны вот этой всей, я все равно буду виноват. Потому что я — русский. <...> Тут в любом случае, какой бы расклад ни был, он [плохой] для России... Россию не захватят, слишком большая страна, слишком много народу и много оружия. Но вопрос просто в том, что победа, она для

чего? Какая она и какой ценой? И что мы с этого поймем все? Какой смысл?»

м., 34 года, предприниматель, октябрь 2022

Под ухудшением ситуации внутри страны, даже в случае победы России, наши информанты обычно подразумевают ухудшение экономической ситуации и внутренние конфликты — как между властью и обществом, так и между обычными людьми, которым окончание войны принесет новые проблемы:

«Потому что, как бы это ни печально, я всячески желаю всего хорошего своей стране, но если это все [победа России] получится, то система же законсервируется напрочь. И грабить будут уже своих. Потому что цель построена на том, что кого-то нужно грабить. Если вы не можете грабить соседей, то вы будете грабить своих, чтобы нарастить силы, а потом, по возрастающей стоимости, будем грабить тех, до кого может дотянуться. Если мы сейчас установим шаткий мир или даже торжественно победим — начнут жрать своих. Победим ли мы, проиграем ли мы — за это все равно будем платить мы все. Своими налогами, своими правами, благами и так далее»

м., 26 лет, сурдопереводчик, октябрь 2022

«Передо мной один вопрос — я за Россию или нет, для меня других вопросов не существует. Какие там политики — хорошие или плохие, народ-то остается. <...> Но у нас народ веселый, я боюсь, что могут начать столкновения в первую очередь в головах у людей, друг с другом. А потом это может вылиться в массовые

беспорядки. Например, мы знаем, что самое большое насилие после войны, когда раненые солдаты возвращаются домой. Вот какими эти солдаты вернутся, как у людей поменялось мировоззрение там — мы не знаем. Могут вот эти уклонисты назад вернуться, представители кавказской национальности, которые в большом количестве уехали»

м., 21 год, студент, октябрь 2022

Опрос, проведенный Russian Field в декабре 2022 года, демонстрирует следующий парадокс: при том, что 45% опрошенных заявили, что поддерживают проведение «спецоперации», а 44% — что хотели бы перехода к мирным переговорам, 70% (!) отметили, что если Путин подпишет мирное соглашение уже завтра, они поддержат такое решение. Наши интервью показывают, что именно затягивание конфликта кажется одновременно самым реалистичным и наименее желательным сценарием развития конфликта. Вместе с этим даже те, кто критически относится к военным действиям, считает, что поражение России приведет к коллапсу страны.

Для большинства информантов, несмотря на то что они не являются однозначными противниками войны, главным желанием является прекращение военных действий, причем чем скорее, тем лучше. Победа России в этой ситуации многими рассматривается скорее как необходимость. Конечно, есть и те, кто хочет победы, потому что верят, что она принесет благо как россиянам, так и жителям других стран, в первую очередь—украинцам, живущим на оккупированных Россией территориях. При этом, однако, большинство наших информантов желают победы России просто потому, что поражение является для них синонимом катастрофы, которая навсегда изменит страну. За исключением небольшого числа тех, кто верит в оптимистичные сценарии завершения

войны, и оставляя за скобками желанные, но вряд ли осуществимые сценарии, даже победа России для многих информантов связана с ухудшением и ситуации внутри страны, и ее положения на международной арене.

Заключение

В этом аналитическом отчете на основе результатов качественного социологического исследования мы разбирались с отношением россиян к затягивающемуся военному конфликту между Россией и Украиной. Мы задавались вопросом о том, как жители Российской Федерации воспринимают «специальную военную операцию» более чем через полгода после ее начала. Мы также хотели понять меняется ли взгляд рядовых россиян на войну со временем, и если да, то как.

Это — вторая волна нашего исследования восприятия войны россиянами. С результатами первой волны исследования, проводившегося весной 2022 года, можно познакомиться [здесь](#).

Данные, на которые мы опирались в рамках второй волны—это социологические интервью с россиянами из разных регионов, с разным бэкграундом и разными взглядами, которые не считают себя однозначными противниками войны. Эти интервью мы собирали осенью 2022 года, спустя более семь месяцев после начала «спецоперации». Мы собрали 88 таких интервью, 40 из которых были повторными разговорами с информантами, с которыми мы уже говорили весной 2022 года.

В результате анализа этих данных мы пришли к следующим выводам.

- Если весной 2022 года не-противников войны можно было условно разделить на ее сторонников и сомневающихся, спустя полгода такое деление потеряло смысл. Конечно, среди не-противников войны все еще есть ее убежденные сторонники и те, кто сомневаются в ее поддержке, но большинство информантов поддерживают одни аспекты «спецоперации» и недовольны другими. Иными словами, они как бы и сторонники войны, и ее противники одновременно. Причем эти информанты поддерживают

войну пассивно, безрадостно, как необходимое зло, которого в идеальной ситуации они предпочли бы избежать.

■ Восприятие войны информантами может существенно меняться в первый месяц войны. После этого и до конца 2022 года взгляд россиян на войну кардинально не меняется — ее сторонники не становятся ее противниками, и наоборот. В то же время восприятие войны неустойчиво, подвижно, его оттенки постоянно меняются. В обществе, где политика не является частью жизни большинства людей, не может быть «твердых позиций» по отношению к вдруг вспыхнувшим геополитическим конфликтам. У большинства наших информантов (и, как можно предположить, у большинства россиян) восприятие войны одновременно «неуверенное» (не позволяющее им стать однозначными противниками или сторонниками «спецоперации», в том числе менять взгляды радикально) и «неустойчивое», противоречивое, подвижное: оно может сдвигаться в одну или в другую сторону в зависимости от обстоятельств.

■ Многие россияне испытали шок в момент начала «спецоперации» 24 февраля 2022 года — они не могли вообразить, как нападение России на Украину стало возможным. Военная агрессия в адрес «братского народа» вступала в конфликт с их моральными нормами, а требования государства поддержать ее — противоречили их представлению о себе как о хороших людях. Удивительно, но противники и не-противники войны часто переживали ее первые дни похожим образом. Однако постепенно шок будущих не-противников войны проходит. Используя ряд риторических стратегий, они убеждают себя в неизбежности «спецоперации», одновременно продолжая настаивать на неприемлемости военной силы как способа решения конфликтов. Это позволяет не-противникам войны поддержать действия власти, оставаясь при этом «нормальными», «здравомыслящими» людьми. Но они все

равно не испытывают радости в связи с войной. Наоборот, чем дальше — тем больше негативные эмоции доминируют. Осенью-зимой 2022 года большинство информантов переживают страх и тревогу на фоне затягивания военного конфликта. Этот страх становится интенсивным в момент объявления мобилизации в сентябре 2022 и вновь превращается в фоновую, зудящую тревогу без повода уже спустя несколько недель.

- Казалось, что объявление мобилизации, заставившее рядовых россиян вновь пережить интенсивный страх за себя и своих близких, могло поменять их готовность поддерживать войну. Однако этого не произошло. Многие далекие от политики информанты не превращают свое недовольство мобилизацией в недовольство «спецоперацией» в целом—для них политика Путина, война и мобилизация существуют в разных плоскостях. Вообще большинство информантов, критикуя мобилизацию, одновременно находят ей оправдания как печальной, но вынужденной мере: в ситуации неудач на фронте и затягивания конфликта российской армии просто не хватает людей. Не-противники войны смотрят на мобилизацию с долей фатализма: чему быть, тому не миновать—считают они.
- На момент конца осени-начала зимы 2022 года не-противников войны можно условно разделить на четыре группы. Во-первых, это те, кто уверены в необходимости как решения о начале войны, так и ее продолжения до победного конца. Во-вторых, это те, кто верят в необходимость/неизбежность начала войны, но не хотят ее продолжения. В-третьих, это те, кто, наоборот, не считают начало войны неизбежным и необходимым (и предпочли бы, чтобы она не началась), но убеждены в том, что «надо довоевывать». В-четвертых, это те, кто все еще пытаются удержать «нейтралитет» — они не уверены ни в том, что война была неизбежной, ни в том, что ее следует продолжать до

победного конца, но пытаются отстраниться от оценок и жить своей жизнью.

■ Осенью-зимой 2022 года появляются и новые оправдания войны. Многие из них заимствуются информантами из государственной пропаганды (для того, чтобы понять, как именно это происходит, нужно отдельное исследование), но наделяются разными смыслами и используются по-разному. Самые важные из них — это, во-первых, «реверсивные» оправдания (агрессивная реакция/поведение Украины и ее союзников после 24 февраля как бы подтверждают правильность начала «спецоперации») и, во-вторых, представление войны как природной катастрофы (она ужасна, но нет никакого смысла быть «против» нее, так же как нет смысла быть «против» урагана или землетрясения). Не-противники войны продолжают подчеркивать неизбежный и вынужденный характер ее начала или ее продолжения. Это помогает людям сохранять гуманистическую позицию по отношению к ужасам войны, но одновременно — не выступать против вторжения России в Украину.

■ Как и в начале «спецоперации», осенью-зимой 2022 года не-противники войны не доверяют большинству СМИ. Многие из них какое-то время пытаются потреблять информацию о «спецоперации» из разных источников — но им становится некомфортно от постоянного столкновения с конкурирующими объяснениями событий. Тогда они ограничивают потребление новостей о войне или сознательно решают использовать только пророссийские источники, понимая, что последние предвзяты. Таким образом, доступ к альтернативной информации не приводит автоматически к формированию более антивоенных взглядов не-противниками войны. Люди реагируют на «многоголосье» в медиа набором адаптивных стратегий, которые позволяют купировать дискомфорт, не пересматривая взгляды.

- Осенью-зимой 2022 года затягивание конфликта кажется его не-противникам самым реалистичным и, одновременно, наименее желательным сценарием развития событий. Главное желание информантов, не являющихся противниками войны — это, парадоксально, ее прекращение, впрочем, желательно, на условиях, благоприятных для России. Но даже победы России эти люди хотят не потому, что верят в позитивные изменения после нее, а потому, что проигрыш кажется им еще большей катастрофой. Это снова свидетельствует о том, что значительная часть поддержки войны в современном российском обществе — это поддержка пассивная. Не-противники войны предпочли бы, чтобы последняя никогда не начиналась и желают ее прекращения, и даже победа России для многих из них — всего лишь меньшее из «зол».

Наше исследование показывает, насколько сложной и неоднородной является поддержка войны в российском обществе. Оно также позволяет развенчать некоторые представления о не-противниках войны в России, распространенные на Западе или среди антивоенно настроенных россиян. Поэтому ниже мы даем свои ответы на часто задаваемые вопросы и расхожие суждения о том, как устроено восприятие войны среди лояльной части населения России.

Если россияне не протестуют против войны, значит их все устраивает?

Стоит начать с того, что только меньшую часть не-противников войны, с которыми мы говорили осенью-зимой 2022 года, можно назвать ее активными и последовательными сторонниками. Это чаще всего политизированные люди, следившие за российско-украинскими отношениями задолго до начала «спецоперации». Они уверены в правильности решения о начале военных действий в Украине и в необходимости их продолжения. Они ясно видят

цели и задачи «спецоперации» и считают последнюю полезной для будущего России. Они не против эскалации военных действий и перехода от «специальной военной операции» к полноценной войне. Они настаивают на необходимости удержания завоеванных территорий и продвижения российской армии вглубь Украины. Мобилизация воспринимается ими как мера, необходимая для победы России в войне. Хотя они и критикуют отдельные аспекты ведения боевых действий, уличают в некомпетентности российское руководство и чиновников, они, тем не менее, продолжают связывать с войной надежды на «перерождение» России, на обретение российским государством нового статуса на мировой арене и в конце концов на улучшение жизни в стране.

Большинство же наших собеседников, которыми являются рядовые, неполитизированные россияне, не имеют цельных, консистентных позиций в отношении войны. Рассуждения этих информантов о ней полны внутренних противоречий и сомнений. Повторяя пропагандистские аргументы в защиту «спецоперации», они стремятся убедить себя в их правдивости, не будучи твердо уверенными в них. Присваивая одни из этих аргументов, они отвергают другие. Зачастую они и вовсе ограничиваются робкой надеждой на то, что какие-то причины для начала войны, пусть и неизвестные им, существуют. Война почти не вызывает у них положительных эмоций. Они чувствуют фоновую тревогу, сожалеют о гибели людей с обеих сторон и не видят позитивных перспектив для своей жизни и жизни страны даже в случае победы России. Они хотят, чтобы война поскорее закончилась (желательно, на условиях России), но не верят в то, что это возможно. У большинства из них отсутствует внятный образ будущего, им сложно представить себе положительный исход этой войны—они предпочли бы, чтобы война и вовсе не начиналась. Поддержка войны или воздержание от ее осуждения у большинства наших информантов вынужденная и безрадостная, она во многом является следствием ощущения собственной неспособности хоть как-то повлиять на ситуацию. Такой пессимистичный настрой заметно усиливается по сравнению с весной 2022, когда у многих не-противников еще оставались надежды на скорое окончание боевых действий. Иными

словам—нет, многих россиян, в том числе тех, кто не являются противниками войны, устраивает далеко не все.

Если у многих людей нет консистентных позиций и они выражаются противоречиво, значит, поддержка войны — это следствие отсутствия способностей к критическому мышлению? ████████████████████

Для большинства россиян проблемы «фашистской» Украины и угрозы со стороны НАТО не существовало вплоть до начала «спецоперации» (за исключением тех, кто были связаны личными связями с Донбассом — но они обычно становятся последовательными, убежденными сторонниками войны). Широко обсуждаемая идея военной интервенции России на территорию Украины и возможность полномасштабной войны с соседями казались им фантастическими сценариями. Они не имели претензий к украинцам как к нации.

24 февраля 2022 года застало многих россиян врасплох, став для них глубоким потрясением. Они не были готовы к необходимости выбирать сторону в большом геополитическом конфликте. Они выросли в деполитизированном обществе, жили частной жизнью и не интересовались политикой. У них не было опыта оценки устройства общества и государства или отношений России с другими странами. Вместе с войной они оказались стремительно погружены в совершенно новую, незнакомую, непонятную для них реальность, которую они усиленно пытались осмыслить. Соответственно, отсутствие консистентности в их восприятии войны не удивительно — и не является следствием недостатка критического мышления: на наших глазах происходит живой процесс формирования отношения людей к прежде далеким от них феноменам.

Более того, есть и множество других свидетельств способности не-противников войны мыслить критически и даже творчески. Например, многие из наших собеседников прямо в интервью вступают в заочную полемику с антивоенными аргументами своих сограждан. Это делает их высказывания сложными, внутренне диалогичными. Точно так же, наши информанты часто усваивают пропагандистские аргументы не автоматически, а прилагая к этому процессу риторические усилия и изобретательность. Отсутствие критического мышления—это стереотип, который скорее мешает, чем помогает разобраться в том, как устроена поддержка войны. Наконец, большинство наших информантов имеют высшее образование, что само по себе говорит о наличии у них навыков и опыта аналитической работы с информацией.

Но тем не менее, они усваивают и повторяют пропагандистские клише, пусть и «творчески» — почему поддержку войны нельзя просто объяснить эффектом зомбирующей пропаганды? ██████████

Во-первых, потому что восприятие войны состоит не только из аргументов в защиту войны. Есть еще эмоции — и они далеко не всегда резонируют со страстями российской государственной пропаганды. Наши информанты пытаются оправдать войну, но также они делятся своими страхами и тревогами по ее поводу. Эти страхи и тревоги, переживаемые ими в одиночку или со своими близкими — часть их отношения к «спецоперации». Они боятся неопределенности в будущем, непреодолимого раскола внутри общества, боятся никогда не найти общий язык со своими близкими, и даже боятся, как украинцы сегодня, оказаться в бомбоубежищах. Эти переживания, в общем, противоречащие пропагандистскому взгляду на войну, составляют значительную часть восприятия войны россиянами.

Во-вторых, потому что самый главный эффект пропаганды — это не столько навязывание определенного взгляда на войну,

сколько формирование представления о том, что правда недоступна в принципе, а, значит, нет смысла тратить время на ее поиски. Поэтому, например, когда наши собеседники пользуются множеством источников информации и встречаются с противоположными объяснениями событий, они не ставят под вопрос российские пропагандистские клише, а приходят к выводу, что ни одной из этих версий не стоит доверять. В ситуации такого многоголосия, вызывающего дискомфорт, они выбирают сторону России не потому, что верят пропагандистским объяснениям войны, а потому, например, что «неправда» своей страны им ближе, чем «неправда» чужой. Таким образом, пропаганда оказывается эффективной не столько в убеждении россиян в единственно верной интерпретации происходящего, сколько в создании пассивной поддержки войны, основанной на тотальном недоверии и убежденности в том, что иметь независимый взгляд на ситуацию невозможно.

Как можно продолжать оправдывать войну несмотря на столько смертей, которые она принесла? Ваши информанты (как и большинство россиян) — бесчувственные люди, у которых нет сердца, им наплевать на проблемы других. ██████████

Безусловно, среди наших информантов есть люди, которые с радостью встретили войну и которые, несмотря ни на что, продолжают быть убежденными в ее правильности. Есть среди них и те, кто отнесся к войне индифферентно и кто старается не думать о происходящем, пока это событие не касается его или ее напрямую. Однако такие информанты находятся в меньшинстве. Большинство же наших собеседников не просто были напуганы новостями о начале полномасштабного вторжения в Украину, но и пережили серьезное моральное потрясение. Испытываемые информантами шок, оторопь, нарушения сна и работоспособности подсказывают, что многим будущим не-противникам войны было ясно: происходит что-то неправильное. Некоторые из них даже успели

осудить войну (и действия правительства) в первые ее дни. Иными словами, их первые переживания по поводу «спецоперации» были похожи на переживания противников войны. В глазах многих россиян государство совершило акт военной агрессии, который шел вразрез с их советскими нравственными максимами (лишь бы не было войны), да еще и оказался направленным на «братский» народ, страну, с которой многие связаны дружескими, профессиональными и родственными связями. Требование государства поддержать нападение на Украину на какое-то время погрузило многих людей в ситуацию морального конфликта.

Однако в случае будущих не-противников войны эти моральные переживания и гуманистические ценности не трансформировались в оценку, в позицию—как это произошло с теми, кто стал осуждать войну. Наоборот, многие не-противники войны сознательно отвергли их как незначимые, незрелые, инфантильные, иррациональные. Продолжая считать войну как таковую чем-то ужасным, переживая исключительно негативные эмоции в связи с ней и даже испытывая сочувствие ее жертвам с обеих сторон, информанты начинают оправдывать действия государства. Они используют риторические стратегии, которые позволяют им занимать сторону России и жалеть простых украинцев одновременно. Последние видятся россиянам скорее жертвами западной пропаганды и марионеточного украинского правительства, чем врагами. «Спецоперация» все больше осмысливается ее не-противниками как война с враждебным Западом, который спровоцировал конфликт между двумя славянскими народами и «воюет с Россией до последнего украинца». Таким образом, наши информанты не являются бесчувственными людьми без сердца—напротив, они прилагают значительные усилия, чтобы примирить свою боль с реальностью войны. Оправдание «спецоперации» как вынужденного шага позволяет им сохранять человеческую, гуманистическую позицию, не выступая при этом против войны, а иногда и активно поддерживая ее.

начинают подтверждать неотвратимость войны. Война, таким образом, начинает оправдывать сама себя.

Деполитизированный характер поддержки войны проявляется и в реакции ее не-противников на решение соотечественников — в том числе, знакомых, родственников и друзей — уклониться от мобилизации и/или уехать из страны. Вопреки ожидаемому от сторонников войны осуждению, многие из них относятся к отъезду соотечественников с пониманием, считая, что решение идти или не идти воевать — это «личное дело каждого». Именно те, кто уезжает из страны по личным причинам, а не выражая свое несогласие с войной, удостаиваются сочувствия информантов. Таким образом, реакция людей на военный призыв по-прежнему оценивается в деполитизированных категориях частной жизни.

Наконец, одна из самых важных составляющих деполитизированной поддержки войны в Украине — это отсутствие представлений об ответственных за ее начало и ее ход. Усиливающееся представления информантов о войне как о «погоде за окном», как о природном явлении, которое происходит как бы само собой, как о «всего лишь» проявлении глобальных мировых процессов и кризисов, силе которых невозможно противостоять, лишает руководство России статуса субъектов принятия решений. Невозможность идентифицировать ответственных означает и невозможность направить на кого-то накапливающиеся недовольство и усталость от войны. Показательно, что ни один из наших информантов-не-противников войны, насколько бы критично он или она ни были настроены к происходящему, не считает ответственным за него лично президента Путина. Фигура президента просто пропадает из рассуждений информантов о войне в Украине. Их ответы на прямые вопросы об отношении к правительству России показывают, что оно слабо связано с отношением к войне и мобилизации. Некоторые не-противники войны, размышляя о ее причинах, заочно полемизируют с точкой зрения своих антивоенно настроенных знакомых или родственников, в соответствии с которой война — это реализация

личных амбиций Владимира Путина. Они отвергают такую версию как абсурдную и продолжают поиск объяснений войны как необходимого и неизбежного события. Даже прекращение «специальной операции» не зависит в глазах информантов от Путина и его окружения (в возможность мирных переговоров в ближайшее время верят немногие). Оно зависит от действий Запада, запаса прочности украинцев и боеспособности российской армии. А поскольку последняя теперь во многом состоит из простых россиян, именно на их плечи ложится ответственность за исход войны.

На этом фоне последовательные сторонники войны, чья поддержка военной агрессии против Украины является полноценной политической позицией, выглядят самыми большими критиками военного и политического руководства страны. Они, не стесняясь, критикуют провалы военного командования на фронте, организацию и проведение мобилизации. Они могут критиковать правительство за затягивание объявления мобилизации и даже самого начала полномасштабного вторжения (которое, по мнению таких информантов, надо было совершить еще в 2014 году). В их интерпретации начало войны — не абстрактное обезличенное явление, а результат действий правительства, которое они в целом одобряют. Это одобрение, однако, не является для них поводом поддерживать все действия государства. У них есть свое представление о том, как должна развиваться война, в соответствии с которым они судят о происходящих на фронте и внутри страны событиях. Парадоксальным образом, активная и последовательная поддержка войны в Украине обладает протестным потенциалом.

Таким образом, поддержка войны рядовыми россиянами осенью-зимой 2022 года остается деполитизированной по своей природе. Для того, чтобы поддержать войну в обществе, где та является официальной доктриной государства, не обязательно выходить из состояния аполитичности. А вот для того, чтобы стать

противниками войны, это оказывается необходимым. Поскольку деполитизированность — это состояние, в котором российское общество (в том числе благодаря последовательным усилиям власти) пребывало последние двадцать лет, антивоенная позиция требует от человека преодоления инерции и осуществление усилия для выхода из состояния аполитичности.

Проблема, таким образом, состоит не в отсутствии у многих из тех, поддерживает войну, способности к состраданию или критическому мышлению. Пассивная поддержка войны в большой степени является результатом отсутствия опыта политической жизни, а также недоступности для большинства россиян общественных структур и институтов, где люди могли бы объединяться на основании общих взглядов. Все это необходимо для того, чтобы отдельные моральные переживания по поводу войны не были отвергнуты, а, напротив, превратилась в сознательную политическую позицию.

Разве громадное число смертей, разрушений и страданий, которые принесла война, не являются для вас поводом осудить ее? — спрашивают антивоенно настроенные россияне своих соотечественников. Разве этого недостаточно, чтобы сказать, что война — это преступление? Наше исследование показывает, что этого действительно недостаточно. То, что кажется противникам войны индивидуальной (и морально-окрашенной) человеческой реакцией, на самом деле является результатом влияния общественных процессов.

Пассивная поддержка — это все равно поддержка, зачем разбираться в ее тонах и полутонах? ████████████████████

Да, конечно, даже вынужденная, инерционная и в каком-то смысле безыдейная поддержка войны совсем не безобидна. Именно такая поддержка, в конечном счете, вносит наибольший вклад в

нормализацию войны и поддержание статуса-кво. Однако наше исследование позволяет увидеть, что массовая поддержка войны в России — это в первую очередь следствие той формы общественно-государственного устройства, которая формировалась в стране (в том числе руками находящихся у власти) на протяжении последних десятков лет. Россияне, так долго живущие в деполитизированном авторитарном государстве с уничтоженными общественными институтами, вместе с началом войны оказались заложниками этой системы и не смогли осудить решение государства, которое шло вразрез с интересами большинства из них. В каком-то смысле мы можем различить два уровня, на которых люди, пассивно поддерживающие войну, судят о происходящем: общественно-политический, где они могут быть ведомы, бесчувственны, циничны, и личный человеческий, на котором они остаются людьми.

Это знание также важно в контексте дискуссии о коллективной ответственности, на основании которой сейчас принимается множество политических решений на международном уровне. При ином общественном устройстве многие из неуверенных, вынужденных сторонников войны вполне могли бы оказаться ее противниками. Это, с одной стороны, в очередной раз демонстрирует нам, насколько большой властью обладает общество над индивидом, а с другой, дает некоторые надежды на то, что в случае изменения общественно-политической ситуации существенная часть поддержки войны может достаточно быстро трансформироваться в ее осуждение.

**лаборатория
публичной
социологии**

10.05.2023